

В. Кузнецов, В. Теннов

Олимпийские кольца «КОРОЛЕВЫ СПОРТА»

Легкая атлетика
на
Олимпиадах

В. Кузнецов, В. Теннов

Олимпийские
кольца
«КОРОЛЕВЫ СПОРТА»
Прыжки и метания

Москва
«Советская Россия»

7A2
K89

Художник Н. И. Шевцов

Кузнецов В. В., Теннов В. П.
K89 Олимпийские кольца «королевы спорта»: Прыжки и метания.— М.: Сов. Россия, 1979.— 144 с.

Авторы в своей книге об олимпийской истории «королевы спорта» — легкой атлетике знакомят читателей с наиболее интересными эпизодами олимпийской борьбы на беговых дорожках, секторах для прыжков и метаний, с героями Олимпиад.

Авторы показывают роль Советского Союза и других социалистических стран в развитии олимпийской легкой атлетики, анализируют причины успехов этих стран на последних Олимпиадах.

Эта вторая книга о легкой атлетике на Олимпиадах посвящена прыжкам, метаниям и десятиборью.

60902-050
К ————— 50-79 4201010000
M-105(03)79

7A2

© Издательство «Советская Россия», 1979 г

Велика и разнообразна программа олимпийских соревнований по легкой атлетике. В первой части нашей книги мы рассказали об олимпийской истории бега на короткие, средние и длинные дистанции, а также о выступлениях на Олимпиадах женщин. Вторую часть посвящаем прыжкам, метаниям и многоборьям.

Как известно, от Олимпиады к Олимпиаде расширялась и совершенствовалась программа легкоатлетических соревнований. Увеличивалось число дистанций бега, включались такие новые виды, как бег с препятствиями, эстафетный бег 4×100 метров и 4×400 метров. Не осталась без изменений и олимпийская программа прыжков и метаний.

Если в других видах легкой атлетики, как, например, в беге, количество дистанций постепенно увеличивалось, то в прыжках можно было наблюдать обратную картину. Так, на II Олимпиаде, проведенной в 1900 году в Париже, атлеты соревновались по 7 (!) видам прыжков. Кроме прыжков в длину, высоту, тройным и с шестом, в программу были включены прыжки в длину, высоту и тройным с места. Такая обширная прыжковая программа сохранилась и на следующих, третьих по счету Олимпийских играх. Только в 1908 году Олимпийский комитет сократил эту программу на один вид, выбросив из нее тройной прыжок с места. На VII Олимпиаде 1920 года в Антверпене прыжки с места вообще были исключены из олимпийской программы.

Не обошлось без изменений и в метаниях. На первой Олимпиаде соревнования проводились лишь по толканию ядра и метанию диска. С Олимпиады 1900 года спортсме-

ны стали метать молот, с 1908 года — копье. На этих Олимпийских играх в метании диска и копья могло быть по два чемпиона, так как соревнования проводились отдельно «греческим» и «вольным» стилем. Однако чемпионами в том и другом стиле оказались одни и те же спортсмены. В метании диска двойную победу одержал американец Мартин Шеридан (40,89 вольным стилем и 37,99 — греческим), а в метании копья — шведский спортсмен Эрик Лемминг (54,44 и 54,83).

На следующих Олимпийских играх появилось еще одно нововведение. В программу толкания ядра, метания диска и копья было включено метание одной, сильнейшей рукой и так называемая сумма рук, то есть сумма результатов, показанных как одной, так и другой рукой. Так, на Олимпиаде 1912 года в некоторых видах метаний оказалось по два чемпиона. В толкании ядра это были Патрик Мак-Дональд (одна рука) и Ральф Роуз (сумма рук). В метании копья соответственно Эрик Лемминг и Юлиус Сааристо. Однако вскоре эти «излишества» в прыжках и метаниях были отменены, и олимпийская программа стала такой, какой мы ее знаем сейчас.

Что касается десятиборья, то впервые медали в этом виде разыгрывались на III Олимпиаде в 1904 году. Это своеобразное многоборье, состоявшее из бега на 100 ярдов, мили, барьерного бега на 120 ярдов, прыжков в высоту, длину и с шестом, метания молота и гири, толкания ядра и ходьбы на 880 ярдов, было проведено в подражание соревнованиям, практиковавшимся в США. Программа этого многоборья была явно неудачной, тем более что оно проходило в течение одного дня.

Десятиборье, в современном его виде, впервые проводилось на Олимпийских играх 1912 года в Стокгольме.

ВЫШЕ И ДАЛЬШЕ

Прыжки стали средством физического воспитания и одним из видов спортивных соревнований еще в Древней Греции. Они входили в программу физических упражнений в греческих гимназиях. Прыжки в длину являлись неотъемлемой частью пентатлона, а следовательно, были частью программы Олимпийских игр древности.

История донесла до нас некоторые подробности проведения соревнований по прыжкам в длину на греческих олимпиадах. Место отталкивания в Греции было твердым и называлось порогом. Судя по рисункам на античных вазах, оно иногда отмечалось воткнутыми в землю дротиками или каменным возвышением. Для приземления служила специальная яма с мягким грунтом, именуемая «скаммой».

Прыжки выполнялись под звуки флейты. Возможно, что этот музыкальный инструмент служил созданию определенного ритма разбега. В руках атлет держал своего рода гантели, которые, по мнению древних, помогали совершать более далекие прыжки. Гантели изготовлялись из камня или металла, имели самую разнообразную форму и вес от полутора до четырех с половиною килограммов. Во время отталкивания руки с гантелями выбрасывались вперед. Интересно, что, когда студенты одного из советских институтов физкультуры попробовали применить в прыжке гантели, это не принесло им успеха.

Какие результаты показывали греческие прыгуны, установить трудно. Предания донесли до нас сведения о фантастическом результате Фаилла, который «пролетел над скаммой от начала до конца и, опустившись на

твердую каменистую землю, сломал левую ногу». Зная, что длина скаммы превышала 15 метров, можно предположить, что Фаилл совершил 16-метровый прыжок.

Известно также, что еще до Фаилла спартанский атлет Эхион достиг в прыжке отличного результата, который равнялся примерно 16,5 метра. Результаты поистине фантастические и... невозможные. Большинство исследователей пришло к выводу, что упомянутые достижения складывались из трех прыжков, каждый из которых не превышал пяти с половиной метров.

Организаторы I Олимпийских игр нашего времени во главе с Пьером де Кубертенем, составляя программу легкоатлетических соревнований в Афинах, включили в нее, кроме прыжков в длину, прыжки в высоту, тройным и с шестом, то есть те из них, которые получили распространение в странах Европы и в Соединенных Штатах Америки. Так, уже в начале XIX века в немецких турнирных практиковался гимнастический прыжок с разбега. Во второй половине XIX столетия в Ирландии появился тройной прыжок, который стал включаться в программу легкоатлетических соревнований и в других странах.

Прыжки с шестом с давних пор были популярны у многих народов. Средством же физического воспитания они стали уже в конце XVIII века, когда в книге «Гимнастика для юношей» Гутс-Мутс (Германия) рекомендовал прыжки с «посохом» через естественные и искусственные препятствия и описал технику их выполнения. Особенно популярны прыжки с шестом стали в Англии, где соревнования по этому виду впервые были проведены на чемпионате страны 1866 года. Победителем этого первого соревнования шестовиков стал Велер с результатом 3 метра 5 сантиметров. Так прыжки в длину, высоту, тройным и с шестом стали «олимпийскими» видами спорта.

За восьмидесятилетний период проведения Олимпийских игр результаты в прыжках выросли столь значительно, что оставили далеко позади все, казавшиеся раньше фантастическими, предположения современников. Первый чемпион Олимпийских игр по прыжкам в высоту Элери Кларк победил со скромным результатом 1 метр 81 сантиметр. Чемпион Олимпиады 1976 года поляк Яцек Вшола преодолел планку на высоте 2 метра 25 сантиметров. Прирост почти на полметра. В прыжках с шестом этот «прирост» составил 2 метра 20 сантиметров! (от 3

метров 30 сантиметров Уильяма Хойта в 1896 году до 5 метров 50 сантиметров,—результата, показанного поляком Тадеушем Слюсарским в Монреале). Результаты в прыжках в длину улучшились на 2 метра 55 сантиметров, а в тройном прыжке на 3 метра 68 сантиметров!

Рост на первый взгляд невероятный, но закономерный. За эти 80 олимпийских лет тренеры научились отбирать самых одаренных спортсменов и в сравнительно короткий срок воспитывать у них качества и навыки, необходимые для достижения высоких результатов в прыжках.

Посмотрите на современных прыгунов в высоту. Эти высокие, стройные атлеты обладают отменной ловкостью и тем качеством, которое принято называть прыгучестью. Среди них выделялся своим ростом, достигавшим 2 метра 4 сантиметра, чемпион Олимпиады 1952 года в Хельсинки Уолтер Дэвис.

Прыгуны в длину и тройным не столь высоки, но наделены мощной мускулатурой, «железными» мышцами ног. Типичным прыгуном в длину был великий Джесси Оуэнс, способный развивать в разбеге огромную скорость и мощно отталкиваться от бруса.

Атлеты, специализирующиеся в прыжках с шестом,—это хорошо сложенные спортсмены, прошедшие разностороннюю гимнастическую подготовку, великолепно координированные, способные на длинном эластичном снаряде совершать точно рассчитанные, почти акробатические движения и не теряться, оставаясь без всякой опоры на 5-метровой высоте. Именно такими спортсменами были рекордсмены мира из США Корнелиус Уормердам, чемпионы XX и XXI Олимпийских игр представители ГДР и Польши Вольфганг Нордвиг и Тадеуш Слюсарский.

Но рост олимпийских достижений объясняется не только личными качествами чемпионов, но и рядом других причин, главная из которых—совершенствование техники прыжков. Особенно плодотворны поиски этой новой техники были в прыжках в высоту.

Преодолевая планку

... Итак, на старте первый олимпийский чемпион по прыжкам в высоту Элери Кларк. Он готовится к прыжку на мраморном стадионе в Афинах. Что продемонстрирует Кларк зрителям? Ну, конечно же, «перешагивание», которым в наше время перестали пользоваться даже

женщины. В конце же XIX столетия в репертуаре прыгунов не было ничего, кроме «гимнастического» и «перешагивания» (ножниц).

Гимнастический способ прыжка выполнялся с прямого разбега двумя ногами вперед и входил в программу гимнастических соревнований наравне с такими снарядами, как кольца, бруссы, конь, перекладина. В легкой атлетике он просуществовал недолго. Понимая, что такой переход планки нерационален, спортсмены попробовали разбегаться сбоку и перелетать над планкой, перенося через нее поочередно одну и другую ноги, то есть делая ногами характерные ножницеобразные движения. Применяя этот способ, английский студент-медик Роберт Гуч «перешагнул» планку на высоте 1 метр 70 сантиметров. На 12 сантиметров выше смогли прыгнуть его соотечественники Литтл и Роунелл.

Олимпийскую историю прыжков в высоту можно разделить на два периода. Первый — период господства американцев и второй — период успеха советских прыгунов.

В 1887 году студент Пенсильванского университета В. Пейдж, «Маленький студент» (его рост равнялся всего 169 сантиметрам), как его называли, совершил подлинное чудо, прыгая примитивными «ножницами», преодолел планку на высоте 1 метр 93 сантиметра, установив новый мировой рекорд. Первым же олимпийским чемпионом стал его соотечественник Элери Кларк.

С тех пор олимпийские и мировые рекорды, вплоть до Римской олимпиады 1960 года, принадлежали американцам. Только дважды эту традицию сумели нарушить канадец Д. Макнафтон на Олимпиаде 1932 года и австралиец Д. Уинтер на Играх 1948 года.

Установление новых олимпийских рекордов во многом определялось совершенствованием техники прыжка. Перенесемся со стадиона в Афинах в шумный Париж, где в дни Всемирной выставки 1900 года проходили II Олимпийские игры. Жизнерадостные парижане с интересом следят за выступлением прыгунов в высоту. Больше всего аплодисментов достается англичанину Патрику Лэхи, которого зрители склонны считать будущим победителем. Но когда в секторе для прыжков остаются только сильнейшие, судьи вызывают американца Ирвинга Бакстера.

Вместо того чтобы начать разбег, как обычно, сбоку от стоек, Бакстер становится прямо против планки, быстро разбегается и, оттолкнувшись от земли, делает

широкий взмах прямой ногой вертикально вверх. Затем он ложится над планкой и, перенеся над ней сперва одну, а потом другую ногу, приземляется, повернувшись в сторону разбега. Бакстер становится олимпийским чемпионом с результатом 1 метр 90 сантиметров. Бывший фаворит англичанин Лэхи занимает второе место, отстав от победителя на 12(!) сантиметров.

Парижские зрители впервые познакомились с новой техникой прыжка. Между тем для американцев такой способ не был новинкой, еще в 1895 году его продемонстрировал Майкл Суиней. Новый способ впоследствии получил название «восточноамериканский», или «волна». Применяя его, Суиней установил мировой рекорд — 1,97, который продержался 17 лет. Американские, а за ними и европейские тренеры быстро оценили преимущество «волны», позволявшей более экономно преодолевать планку.

На двух последующих Олимпиадах, применяя способ «волна», американцы продолжали увозить за океан золотые медали. «Новинку» команда США привезла на Олимпийские игры 1912 года в Стокгольм. Это был стиль «хорайн», или, как он стал называться в нашей стране, «перекат».

Название этому способу прыжка было дано в честь его создателя, студента Стэнфордского университета Джорджа Хорайна. Весной 1912 года он преодолел высоту 2 метра. Это была сенсация, 2-метровый рубеж в прыжках в высоту считался недостижимым. Фотографии нового рекордсмена мира появились в газетах и журналах не только США, но и других стран. Его рекорду предсказывали долгие годы жизни. Казалось, что уж если рекорд Суиней продержался 17 лет, то 2-метровый рекорд Хорайна проживет еще дольше. Однако это предсказание не сбылось.

В отличие от своих предшественников Хорайн разбегался сбоку под острым углом к стойкам. Оттолкнувшись ближней к ним ногой и взлетев вверх, он ложился на бок и огибал планку, поворачиваясь лицом к земле.

К сожалению, на Олимпийских играх 1912 года в Стокгольме Хорайн был не в форме и с посредственным результатом занял третье место. Что же касается рекорда, то уже через два года его улучшил до 2,02 сантиметра Бисон, учащийся одного из американских колледжей.

Но так или иначе, а после Стокгольмской олимпиады «перекат» завоевывает всеобщее признание. Он прост и выгоден. Постепенно его начинают разучивать и женщи-

ны. Появляются различные варианты «переката». Наиболее удачным был вариант, предложенный американским спортсменом Гарольдом Осборном, который и стал героем VIII Олимпийских игр 1924 года в прыжках в высоту. В упорной борьбе со своими соотечественниками Л. Брауном и Т. Пуром, французом П. Левденом, венгром И. Гаспаром и шведом Х. Янссоном Осборн выиграл золотую медаль и установил новый олимпийский рекорд — 1 метр 98 сантиметров.

Газеты того времени не раз писали о том, что Осборн при переходе планки незаметным движением руки прижимает ее к стойкам, удерживая на зажимах. Но вскоре конструкция зажимов была изменена. Теперь планка могла падать не только назад, но и вперед. Были изменены правила и самого прыжка. Раньше обязательным был переход планки сперва ногами, а затем головой. Отмена этого правила в 30-х годах позволила спортсменам, пользующимся «перекатом», практиковать так называемый нырок головой за планку.

В истории прыжков в высоту видную роль сыграли атлеты из США негритянского происхождения. Одним из них был Корнелиус Джонсон. Достижения в спорте открыли перед ним двери Калифорнийского университета. Высокого роста (201 сантиметр), мускулистый, атлет прошел школу нападающего в университетской баскетбольной команде, что позволило ему приобрести стальные мышцы ног и выносливость, совсем не лишнюю для прыгуна в высоту, порой часами не покидающего стадион.

Перед Олимпиадой 1936 года на отборочных соревнованиях в США Джонсон, прыгая «перекидным», преодолел планку на высоте 2 метра 7 сантиметров, что превышало существовавший в те годы мировой рекорд. Победным было его выступление и на Играх в Берлине.

... На высоте 1,94 из 40 участников осталось только 11. Высоту 2 метра преодолели четверо. Планка поднимается на высоту 2,03. Первым прыгает финн К. Коткас. Неудача. Теперь очередь Джонсона. Разбег, мощный толчок, и высота взята! Не удастся преодолеть планку ни Коткасу, ни американцам Д. Албриттону и Д. Турберу. Корнелиус Джонсон — олимпийский чемпион.

Только через 8 лет на Олимпийских играх 1952 года в столице Финляндии Хельсинки олимпийский рекорд Джонсона был на один сантиметр улучшен Уолтером Дэвисом, «эстафету» от которого приняли другие негритянские

прыгуны, завершающие период безраздельного господства американцев на секторах для прыжков в высоту,— Чарльз Дюмас и Джон Томас.

Дюмас побеждает и... проигрывает

В детстве Чарльз Дюмас, живший в небольшом калифорнийском городе Комптоне, с утра до вечера пропадал на улице. Нэнси—мать Чарли была практичной женщиной. Она заметила, что у ее сына на редкость сильные ноги и целый день он прыгает как кузнечик.

В Калифорнии спорт популярен, и Нэнси поняла, что он может открыть ее сыну путь в колледж. Эту мысль она постаралась внушить Чарли и принимала все меры к тому, чтобы он почаще ходил на стадион.

Когда Чарли Дюмасу, который учился в Сентениальской школе, исполнилось 13 лет, состоялись его первые «соревнования». Однажды преподаватель привел весь класс на стадион и заставил прыгать через планку. Чарли разбежался и высоко пролетел над планкой, поджав под себя ноги и широко улыбаясь от удовольствия.

Весь класс столпился у ямы с песком, с удивлением наблюдая, как взвизгивает в воздух Дюмас. 130 сантиметров, затем 140 и 145, наконец, 150 сантиметров. Больше в этот день ему не удалось перепрыгнуть. Но в 13 лет взять высоту полтора метра, не имея никакого представления о рациональных способах преодоления планки,—это свидетельство о выдающихся способностях.

С этого времени Чарли начал регулярно заниматься легкой атлетикой, а Нэнси мечтать о спортивной карьере для своего сына. В следующем году он научился разбегаться не сломя голову, как делал это раньше, а ритмично, постепенно увеличивая скорость. Это позволило Чарли прибавить к своему результату целых 17 сантиметров. Ему показали новый модный способ прыжка. Это было «дальнейшее развитие» «переката». Новый способ назывался «перекидным». В свое время нечто подобное демонстрировал Албриттон. Но получить окончательную «прописку» в легкой атлетике новый стиль смог только после отмены еще одного существенного ограничения в правилах—запрета приземляться сперва на руки. Это позволило американцу Лестеру Стирсу, прозванному «Парнем с ногами кенгуру», прыгая новым стилем, установить мировой рекорд—2 метра 11 сантиметров. Впро-

чем, «изобретателями» нового способа были не американцы. Еще в 30-х годах «перекидной» продемонстрировал советский спортсмен Б. Взорв. Однако у нас в то время он не получил распространения.

Освоив «перекидной», Чарльз Дюмас в 15 лет прыгнул на 177, а еще через год — на 188 сантиметров. В 17 лет преодолел высоту в 197 сантиметров. Так он улучшал свои результаты в среднем по 10 сантиметров в год, став в конце концов сильнейшим прыгуном США среди школьников. В 18 лет он был уже настолько уверен в своих силах, что рискнул выступить на соревнованиях атлетов «западного побережья», где участвовал чемпион США и лучший прыгун мира Эрни Шелтон.

Многочисленные зрители, собравшиеся посмотреть на выступление знаменитого Шелтона, с удивлением наблюдали, как неизвестный негритянский парень так же, как и чемпион, легко и свободно преодолевал одну высоту за другой. Шелтон прыгал отлично. Вот он перелетел через планку на высоте 205 сантиметров. Но с такой же легкостью это сделал и новичок. Планка поднята на 209 сантиметров. Это высота доступна лишь немногим прыгунам мира. Шелтон берет и эту высоту. Зрители устраивают ему овацию.

— Браво, Шелтон!

Все уверены, что новичок повержен. Ведь в истории легкой атлетики еще не было случая, чтобы на одном соревновании двое спортсменов преодолели бы такую высоту.

Но Дюмас спокойно подходит к своей отметке для разбега. Шелтон, присев на траву, около стоек для прыжков, с интересом наблюдает за своим противником. Черт возьми! Он первый раз видит прыгуна с таким дьявольским хладнокровием. А Дюмас медленно делает несколько шагов, стремительно ускоряет разбег и взмывает высоко вверх, переходя над планкой в классическом «перекидном».

Возглас восхищения вырывается у Шелтона. Он забыл, что этот великолепный прыжок Дюмаса может стоять ему первого места. Собственно, так и произошло. Следующую высоту не сумел преодолеть ни один из них.

В 1956 году Чарльзу Дюмасу исполнилось всего 19 лет. Казалось, его нужно еще долгое время «обстреливать» на соревнованиях. Но каждое выступление Дюмаса говорило о поразительном хладнокровии и умении мобилизовываться в нужный момент. Так было и на отборочных соревнованиях

к Олимпийским играм 29 июня 1956 года на стадионе «Колисеум» в Лос-Анджелесе.

... Когда Дюмас подошел к стадиону, до начала соревнований оставались считанные минуты. На беду, в условленном месте не оказалось тренера Гершела Смита с пропуском для Чарли. Контролер не стал слушать никаких объяснений и грубо оттолкнул назойливого негра. Что делать? Проще всего было бы повернуться и уйти, но тогда он не поедет на Олимпийские игры, и Чарли начинает рыться по карманам. Как дорого стоят эти билеты на стадион! Он взял билет за три доллара и, сунув его контролеру, бегом направился в раздевалку.

... Когда планка была поднята на высоту 204 сантиметра, часы пробили десять и прыгать пришлось при свете прожекторов. Участие в соревнованиях принимали лучшие прыгуны Америки во главе с Шелтоном, которому корреспонденты газет заранее отдавали золотую олимпийскую медаль. Шелтон мечтал о медали и рекордной высоте 7 футов (213,6 см), но его нервы не выдержали напряжения соревнований и многочасовой борьбы в секторе для прыжков. Он не берет высоту 206 сантиметров и выбывает из соревнований, теряя право на поездку в Мельбурн.

На высоте 209 сантиметров в секторе для прыжков остается один Дюмас. Он просит установить 7 футов. Это новый мировой рекорд. На стадионе наступает мертвая тишина. Слышен только стук пишущих машинок в ложе прессы.

Первая попытка неудачна, и стадион огорченно вздыхает.

Чарли начинает разбег во второй раз. Он как бы крадется к планке. Последние шаги стремительны и упруги. Вот он взмывает вверх и, лишь немного задев планку, опускается за ней на песок. Планка слегка вибрирует, но остается на месте. Это не только путевка в Австралию, но и мировой рекорд.

После соревнований Шелтон с отчаянием говорил репортеру: «Прыгуны в высоту склонны свиваться в клубок нервов, потому что их спорт самый волнующий в легкой атлетике. Но Дюмас не таков. Он не похож ни на кого из нас. Я не могу понять его. Он слишком правилен. Во время прыжков он не видит ничего, никогда не разговаривает и спокойно сосредоточивается».

... Мельбурн понравился Дюмасу. Он напоминает ему родной Комптон. Те же кварталы аккуратных домиков с палисадниками, те же бензиновые колонки на переkre-

стках и высокие, украшенные рекламными надписями дома в центре города.

... По правилам Олимпийских игр утром проходили квалификационные соревнования. Только преодолев высоту 192 сантиметра, спортсмены допускались к основным вечерним состязаниям. Дюмас легко взял утреннюю высоту и также уверенно и спокойно прыгал вечером. Участников соревнований было много, и время между попытками тянулось, казалось, бесконечно. Многие начинали нервничать, беспокойно ходили по стадиону, с нетерпением поглядывая на сектор для прыжков. Чарли, выполнив очередную попытку, казалось, забывал обо всем на свете. Он завертывался в одеяло и дремал.

Высоту 2 метра преодолели десять человек. 203 сантиметра только пятеро. Среди них были и Дюмас, и советский спортсмен Игорь Кашкаров. На высоте 210 сантиметров Кашкаров сошел, а следующую высоту 212 преодолел только Дюмас, ставший олимпийским чемпионом. Вторым был австралиец Портер, третьим Кашкаров. Газеты отметили, что впервые в истории Олимпийских игр советский спортсмен завоевал медаль в прыжках в высоту. Правда, на этот раз медаль была бронзовой, но тем не менее это была первая попытка русских покорять американское господство в прыжках в высоту. Нашлись специалисты, которые предсказывали дальнейшие успехи советских прыгунов.

Предсказание сбывается

В четырехлетие между Олимпиадой в Мельбурне и Римской олимпиадой в 1960 году произошло событие, взбудоражившее весь спортивный мир и ознаменовавшее собой начало второго, советского периода в прыжках в высоту — американцы лишились своего мирового рекорда в этом виде легкой атлетики, который принадлежал им в течение 70 лет. Новым рекордсменом мира стал советский спортсмен Юрий Степанов с результатом 2 метра 16 сантиметров.

Успех Степанова не был случайным. Год за годом советские спортсмены и тренеры работали над созданием своей школы прыжков в высоту. Владимир Дьячков в Москве, Павел Гойхман в Ленинграде, Виктор Лонский в Бердичеве разрабатывают рациональные методы подготов-

ки прыгунов, исследуют ритмы разбега и особенности перехода планки.

Высота в 2 метра впервые была преодолена советским прыгуном лишь в 1937 году, но затем всесоюзные рекорды посыпались как из рога изобилия. 2,05 прыгает в 1955 году Владимир Ситкин из Киева, через год до 2,10 поднимает рекорд москвич Игорь Кашкаров. И вот теперь в 1957 году мировой рекорд 2,16 устанавливает Юрий Степанов. Для многих поклонников американской легкой атлетики это было так неожиданно и обидно, что срочно было сострепано объяснение русскому рекорду. Основываясь на правиле, что толщина подошвы у прыгуна не должна превышать 13 миллиметров, французская спортивная газета «Экип» заявила, что «Юрий Степанов прыгал в туфлях на высокой подошве...» «Прыгая на толстой подошве, Степанов пользовался своего рода трамплином»,—подхватили газеты некоторых других стран. В итоге этой газетной шумихи утверждение рекорда было временно отложено.

Однако через год произошло событие, рассеявшее все сомнения. Степанов и Дюмас встретились в очном поединке на матче СССР—США на стадионе «Лужники» в Москве.

... Степанов легко, с первой попытки преодолевает одну высоту за другой, а Дюмас теряет присущую ему уверенность. Трижды он сбивает планку на высоте 206 сантиметров. Степанов побеждает с результатом 2,12.

Дюмасу трудно примириться со своим поражением. Когда Степанов подходит к нему и жмет руку, Чарли молчит, надув губы, как обиженный ребенок. Тогда Степанов снимает висящие через плечо туфли, в которых он прыгал, и протягивает их Дюмасу.

— Возьми! Это подарок... Я установил в них мировой рекорд... Тэйк ит. Я дарю их тебе!

Вскоре Международная легкоатлетическая федерация утвердила рекорд Степанова.

... Любители прыжков в высоту с нетерпением ждали этого вида соревнований на римском стадионе «Форо Италико». Американцы никак не хотели смириться со своим поражением и к Олимпиаде в Риме подготовили «сюрприз», нового негритянского прыгуна Джона Томаса. Это был поистине выдающийся прыгун. Не только высокий, но и ловкий, быстрый, как молния. В течение только одного олимпийского года он трижды бил рекорд Степанова, преодолев планку сперва на высоте

2,17, затем 2,18 и, наконец, незадолго до Олимпиады, на высоте 2,22 сантиметра. Устанавливая этот рекорд, Томас сделал заявление корреспондентам газет:

— Я очень доволен, что мне удалось вернуть рекорд мира в нашу страну. Ведь этот рекорд всегда был американским и должен оставаться им.

Естественно, что спортивная пресса накануне Олимпийских игр объявила Томаса непобедимым. Однако знатоки легкой атлетики ждали, что привезут в Рим «эти упорные русские».

Когда 1 сентября 1960 года на основные вечерние соревнования по прыжкам в высоту вышли 17 спортсменов, взявших утром высоту 2 метра, среди них были три американца: Джон Томас, Чарльз Дюмас и Джон Фауст и три прыгуна из Страны Советов—Роберт Шавлакадзе, Виктор Большов и Валерий Брумель. Борьба идет, таким образом, на равных. Здесь во многом решается престиж американской и советской легкой атлетики. Впрочем, сами американцы уверены в победе: не Дюмас, так Томас!

«Прыжковый марафон» начался. Он продолжался долгие часы и закончился при свете прожекторов, как будто специально для Дюмаса, который привык устанавливать рекорды при искусственном освещении. Дальнейшие события в олимпийском секторе для прыжков впоследствии подробно освещались на страницах спортивной печати мира и стали достоянием олимпийской истории.

Первым вышел из игры Фауст. Дюмас преодолел планку на высоте 2 метра 3 сантиметра и пропустил следующую высоту. Но это был уже не тот Дюмас, который завоевал золотую олимпийскую медаль в Мельбурне. На высоте 2 метра 9 сантиметров Дюмас дважды сбивает планку. Тщательно он готовится к третьей попытке—проверяет разбег, сосредоточивается. Тысячи глаз следят за каждым его движением. Олимпийский чемпион разбегается и... даже не оттолкнувшись, проходит под планкой.

На секторе для прыжков остаются четверо. Томас и трое русских. Двое из них взяли эту высоту с первой попытки, Брумель—со второй. Планка устанавливается на высоте олимпийского рекорда—2,12. Первая попытка. Чисто переходит над планкой Большов. За ним Шавлакадзе. Прыгает Брумель, и планка падает на песок. Теперь очередь Томаса. Он встает и небрежно бросает судьям: «Пропускаю»...

Что это? Уверенность в своих силах или желание

нанести психологический удар своим противникам? Между тем со второй попытки берет высоту и Брумель. Советские прыгуны ведут борьбу сомкнутым строем.

Высота 2,14. Это новый олимпийский рекорд. Роберт Шавлакадзе преодолевает планку с первой попытки и получает в награду гром аплодисментов. Сбивает планку Томас, и стадион дружно ахает. Со второй попытки высоту берут Томас, Брумель и Большов.

2,16! Снова прыгают четверо. Первым готовится к разбегу Шавлакадзе, спокойно, деловито, как и на предыдущих высотах. До автоматизма доведенный разбег. Мощный толчок, и снова раздается общее «Ах!». Но на этот раз это восклицание восхищения. К этому времени зрители уже понимают, что если у Томаса феноменальные данные, то у русских лучшая техника. Они прыгают лучше. Крадущийся кошачий разбег американцев на больших высотах оборачивается против них. Он слишком вял. Между тем русские разбегаются быстро и энергично. Это позволяет им мощно оттолкнуться и высоко взлететь над планкой. У них безукоризненная техника «перекидного» и неукротимая воля к победе. Во второй попытке удачно прыгает Брумель. А Томас? Американец и Большов трижды сбивают планку. Золотая медаль достается Шавлакадзе, серебряная Брумелю, а бронзовая Томасу. По сравнению с Мельбурном русские и американцы поменялись ролями.

На следующее утро итальянская газета «Стампа» писала: «История Олимпиад обогатилась важнейшим эпизодом. В золотую книгу прыгунов в высоту доселе ни один европеец не вписывал своего имени. Теперь это произошло»...

Победители и призеры Олимпийских игр всегда привлекают к себе общее внимание. Любители спорта интересуются их биографией, склонностями, образом жизни. Вот и сейчас после олимпийской сенсации на секторе для прыжков в высоту все узнали, что увлечение спортом началось у Шавлакадзе в детские годы в родном Тбилиси, на берегу шумной Куры. А потом он прослыл «положительным юношей», чуть ли не флегматиком, но, несмотря на это, подал заявление в Институт физкультуры, где стал специализироваться в прыжках в высоту.

Достигнув результата 2,13, он тем не менее не выигрывает ни одного крупного соревнования. Тренеры считают, что ему не хватает спортивной злости, твердого характера. Шавлакадзе соглашается с этим, но проявляет харак-

тер именно тогда, когда это нужно — на Олимпийских играх.

Не таков блестящий, порывистый Брумелъ. Ему хватает и воли, и характера, и злости. Это великолепный спортивный талант. Алмаз, который требует тщательной огранки.

Он родился в тяжелом 1942 году в Сибири в семье геологов. С пятого класса учился в шахтерском городе Луганске и здесь в детской спортивной школе попал в группу тренера Петра Семеновича Шеина, который задался целью воспитать в своем ученике волю, трудолюбие, постоянное стремление к самоусовершенствованию. Это был тот фундамент, на котором можно возвести любое, даже самое высокое «здание» спортивных успехов.

А потом началась совместная работа Брумеля и Владимира Михайловича Дьячкова, человека, прокладывавшего пути советской легкой атлетики, тренера, совместившего в себе лучшие черты спортсмена, педагога и ученого.

Брумелъ торопился. Ему хотелось быстрее достичь вершин спортивного мастерства. Дьячков вел его к этим вершинам спокойно, уверенно, без излишней спешки. Нужно было осмыслить сложную природу «перекидного» прыжка, довести до автоматизма каждое движение, закрепить путем тысячи повторений ритм разбега. Счастье Брумеля, что всему этому его учил большой мастер, создатель советской школы прыжков, о которой национальный тренер Франции Андре Даниель в свое время сказал: «У русских есть чему поучиться. Советская школа прыжков в высоту сейчас намного превосходит все другие, в том числе и американскую. Это стройная, покоящаяся на прочной научной основе школа. Ее теоретическое преимущество над остальными блестяще доказано на практике».

Через несколько месяцев после Олимпийских игр в Риме Брумелъ продолжил поединок с Томасом на родине американца. Он выиграл у него и в переполненном зрительными Мэдисон сквер-гардене, и на первенстве США, где Томас взял лишь 2,08, а Брумелъ 2,22, став по существующим правилам чемпионом Америки.

А потом последовала серия мировых рекордов и побед над сильнейшими прыгунами мира, приносивших Брумелю в течение трех лет звание сильнейшего легкоатлета мира. Трижды в 1961 году Валерий улучшает рекорд мира — 2,23, 2,24 и 2,25! Никто не может вмешаться в эту борьбу с высотой, в которой советский спортсмен демонстриру-

ет удивительное мастерство, выдержку и хладнокровие.

Прыжки в высоту имеют свои особые трудности. Для того чтобы в конце сравнительно небольшого разбега мощно толкнуться вверх и после этого проделать в воздухе над планкой сложные, точно рассчитанные движения, нужна мгновенная концентрация нервной энергии, умение без промедления передать своим мышцам нужный приказ.

У прыгуна в высоту почти все зависит от его воли, психического состояния. Вот спортсмен в прекрасном стиле преодолевает планку. Но судьи поднимают ее все выше и выше. И мы видим, что он начинает прыгать неуверенно. Его разбег становится неритмичным, движения судорожными. Куда девался превосходный стиль? Все объясняется боязнью высоты, чувством хорошо известным легкоатлетам. Помешать прыгать может непривычный грунт, сильные противники и просто скверное настроение.

Брумелъ почти никогда не испытывал этих трудностей. Казалось, каждая новая высота прибавляла ему силы. В 1962 году он дважды улучшает мировой рекорд. Сперва 2,26, а затем 2,27 сантиметра. 1963 год принес ему рекорд, равный 2,28 сантиметра. Советский спортсмен ушел от своих соперников далеко вперед. Приближались XVIII Олимпийские игры в Токио. Естественно, что Брумелъ мечтал поставить здесь победную точку, завоевав золотую олимпийскую медаль.

Но весной 1964 года у Валерия неожиданно разболелось травмированное колено, подвела простуда. Летом на первенстве страны он во многом случайно, но тем не менее обидно проиграл Шавлакадзе. Стало не ладиться с техникой. Словом, произошло то, что у спортсменов называется потерей спортивной формы.

Именно в таком состоянии Валерий Брумелъ приехал в Токио. Прежде всего нужно было позаботиться, чтобы никто не знал о состоянии олимпийского фаворита. Противники должны бояться Брумелъ. Кроме того, надо как-то собраться на последних тренировках и сделать это без свидетелей.

К счастью, в первое время советских спортсменов поселили не в Токио, а в его окрестностях, в местечке Никко. После переезда в олимпийскую деревню Брумелъ с руководителем команды Гавриилом Коробковым брали легковую машину и уезжали в другой конец города, на университетский стадион, подальше от пытливых глаз

соперников и журналистов. Все, что мог сделать Брумелъ на тренировках,— это взять высоту 2,08. В квалификационных соревнованиях он лишь с третьей попытки справился с нормативом 2,03.

В финальных соревнованиях 21 октября встретились несколько старых знакомых по Римской олимпиаде. Вместе с Брумелем выступают и Шавлакадзе и Томас. Из новичков особое внимание обращает на себя длинноногий швед Петерссон и высокий негр Рамбо.

И здесь происходит то, чего ждали от Брумеля и тренеры и товарищи. Воля, русский характер оказались решающими. Среди восьми спортсменов, до 2,12 бравших все высоты с первой попытки, был и Брумелъ. Высоту 2,12 с первой попытки берут только Шавлакадзе и Брумелъ.

На высоте 2,14 борьбу продолжают пять человек. Наши ребята преодолевают ее только с третьей попытки. На высоте 2,16 ведет Брумелъ. За ним следуют Томас и Рамбо. Атаку на 2,18 начинает Брумелъ. Только тренер и товарищи знают, что он не готов к этой высоте, что сейчас все решает воля, нервы.

Когда Брумелъ разбегается, Коробков отводит глаза в сторону. Он поворачивается к сектору для прыжков только в тот момент, когда трибуны радостно вскрикивают. Попытка удачна.

Высоту 2,18 преодолевает и Томас. Но по попыткам олимпийское золото принадлежит Брумелю.

Дальнейшая судьба великого (мы не боимся употребить это слово) советского прыгуна широко известна. Катастрофа во время поездки на мотоцикле.

И в несчастье он оставался тем же Брумелем, каким был в секторе для прыжков.

Институт имени Склифосовского. Угроза ампутации ноги. Долгие месяцы пребывания в больницах и многочисленные попытки восстановить раздробленную ступню. А потом чудо, сотворенное кудесником-доктором Гавриилом Абрамовичем Илизаровым из далекого городка Кургана и... снова тренировки. 2 метра, взятые Брумелем после долгого лечения собранной по косточкам стопы и мучительных тренировок, стоили, по крайней мере, не установленного еще мирового рекорда на высоте 2,35—2,40 сантиметра.

С переменным успехом

Каждые Олимпийские игры имели свой особый, неповторимый характер, свой колорит, который придавали Играм те страны и города, где они проходили. Чем встретил гостей Олимпиады и спортсменов семимиллионный Мехико? Ослепительным горячим солнцем и удушливым смогом, висящим над городом. Зданиями с причудливой мозаикой, воспроизводящей затейливые узоры искусства древних ацтеков, и многоэтажными громадами из стекла, бетона и столь модной здесь меди. Красочными кварталами цветочных рынков, пышными пальмами, высокими струями фонтанов и потоками автомашин самых невероятных форм и расцветок, начиная от лимонно-желтого и кончая ярко-оранжевым.

Надо отдать должное мексиканцам, отлично подготовившимся к Олимпийским играм, которые стали великолепно организованным, ярким праздником. Было предусмотрено и продумано буквально все. Приготовлены и лежат в специальном сейфе тысяча шестьдесят семь олимпийских медалей разного достоинства. Подсчитано, что все соревнования продлятся тысячу двести пятьдесят один час пятьдесят пять минут, и в соответствии с этим составлено расписание соревнований для каждого вида спорта. Не забыто и то, что необходимо сохранить для потомков имена чемпионов Олимпиады. Для этого в олимпийской деревне подготовлена специальная каменная глыба.

Торжественной была церемония доставки на стадион факела с олимпийским огнем. Канонерская лодка «Дуранга» привезла факел в портовый город Веракрус. Семнадцать пловцов во главе с Эдуардо Морено приняли факел и на берегу передали его бегунам, путь которых лежал к стадиону между толпами восторженных зрителей. Здесь факел приняла девятнадцатилетняя мексиканская спортсменка Энрикета Базилио. Именно она поднялась по восьмидесяти семи ступеням и зажгла в чаше олимпийский огонь.

В Мехико на соревнованиях по прыжкам в высоту не было явных фаворитов. К 1968 году большая группа спортсменов из различных стран освоила рубеж 2 метра 20 сантиметров, но никто не мог «выйти на высоты», завоеванные Валерием Брумелем.

Советский Союз прислал сюда отличных «высотни-

ков» — Валерия Скворцова и Валентина Гаврилова. Ученик украинского тренера В. Лонского, воспитавшего в городе Бердичеве большую группу прыгунов, Валерий Скворцов уже получил олимпийскую закалку на Играх в Токио и горел желанием подняться на пьедестал почета. Москвич Гаврилов мог прыгнуть либо очень высоко, либо разочаровать зрителей неожиданным «сегодня не пошло».

Команда США в секторе для прыжков была представлена Ричардом Фосбери, о прыжках которого ходили самые невероятные слухи, и Э. Каразерсом, о котором было известно лишь то, что он способен бороться за золотую олимпийскую медаль.

На этот раз наши ребята поменялись с американцами местами. Фосбери и Каразерс завоевали золото и серебро, бронзовым призером стал Гаврилов, а четвертое место занял Скворцов. Разница между результатами Фосбери и Гаврилова составила лишь четыре сантиметра. Силы были примерно равны.

Могли ли наши прыгуны продолжить традиции Брумеля и снова завоевать золото? Несомненно! Тренеры особенно рассчитывали на Скворцова. Но... Бывают и на Олимпийских играх тренерские просчеты. Мы присоединяемся к мнению тех, кто в проигрыше Скворцова (а четвертое место для него было проигрышем) видит 40 дней предолимпийского пребывания в Мехико. 40 дней ожидания старта в олимпийской деревне. Надоевший треугольник — дом № 8, столовая, стадион. Наконец, тренировки, в которых участвуют прыгуны из разных стран и которые превращаются в соревнования. Все это не способствовало подготовке к Олимпийским играм.

Сенсацией Игр была не столько победа американца Фосбери, сколько способ прыжка, которым он победил. Нужно отдать должное прыгунам США. Если советская школа прыжков не знала себе равных в точности, научной обоснованности, то американская отличалась смелым экспериментированием, созданием все новых своеобразных стилей прыжка.

Вот и на этот раз в Мехико Фосбери подарил миру еще один оригинальный способ преодоления планки, названный по имени его создателя «фосбери-флоп».

Зрители, собравшиеся на олимпийском стадионе, знали о Фосбери совсем немного. Было известно, что Дик родился в 1947 году, имел рост 193 см и к Олимпиаде достиг возраста 21 год. Словом, если вспомнить, что

Брумелъ завоевал в Риме серебро в 19 лет, Фосбери был не так уж и молод. Показанный им в 1967 году с применением нового стиля результат 2,18 был воспринят как своеобразный цирковой трюк! Однако на предоллимпийских отборочных соревнованиях он стал победителем, преодолев 2,21. Здесь на Олимпиаде Фосбери завоевал золотую медаль, перелетев над планкой, установленной на высоте 2,24.

Что же увидели зрители? До сих пор американцы проигрывали советским прыгунам прежде всего в разбеге. Сравнительно медленный разбег с ускорением на последних трех шагах не приносил нужного результата. Фосбери решил использовать «оружие» советских атлетов. Вот он стоит в секторе для разбега и готовится к прыжку. Этот «настрой» длится долго. До двух минут. Начало разбега необычно. Оно столь же стремительно, как и у прыгунов в длину. Скорость разбега нарастает. Направление бега меняется по дуге, и спортсмен оказывается боком к стойкам. Без малейшего промедления он отталкивается и, не тратя времени на мах ногой, взлетает вверх, поворачиваясь спиной к планке. Волнообразное движение всем телом, и Фосбери приземляется на спину, обогнув планку последовательно плечами, туловищем, тазом и, наконец, ногами.

Так все же, что это такое,—говорили между собой зрители после окончания олимпийских соревнований по прыжкам в высоту—цирковой трюк или новый способ прыжка, которому принадлежит будущее? Большинство было склонно к первому выводу. Известный в прошлом прыгун, ныне тренер, готовивший к Олимпиаде Гаврилова, Юрий Чистяков писал, что «Ричард Фосбери, несомненно, выдающийся прыгун. Однако я не думаю, что его способ окажется более эффективным, чем «перекидной». Не верил в будущее «фосбери-флоп» и Владимир Дьячков. Скептически относились к нему и сами американцы. Ведущий тренер США Пейтон Джордан заявлял: «Стиль Фосбери принадлежит только ему, и невозможно в настоящее время обучать этому стилю кого-либо другого. Это было бы слишком опасно. Ведь речь идет о стиле поистине невероятном... Метод и стиль Фосбери в настоящее время принадлежит только Фосбери...»

Как же они ошибались! И Чистяков, и Дьячков, и Джордан, и многие другие. После Олимпиады началось победное шествие нового способа прыжка. Возможность достигнуть невиданной ранее скорости в разбеге, а затем

незамедлительно «выстрелить себя вверх» и смело опрокинуться на спину за планку—все это привлекло тысячи прыгунов. Сейчас новым стилем устанавливаются рекорды, одерживаются победы. «Фосбери-флоп» освоили не только мужчины, но и женщины. Но «перекидной» не умер. Благодаря усилиям советских тренеров и спортсменов в настоящее время два способа прыжка сосуществуют и надо полагать будут сосуществовать. О том, что это так, свидетельствует дальнейшая олимпийская история прыжков в высоту.

В преддверии XX Олимпиады в Мюнхене, в 1971 году, то есть через 8 лет после рекордного прыжка Брумеля на 2,28, американский спортсмен Патрик Мацдорф установил новый мировой рекорд, превысив результат Валерия лишь на один сантиметр. Но Мацдорф прыгал старым надежным «перекидным».

В качестве претендентов на олимпийские медали на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене спортивная печать называла и спортсменов, применявших «фосбери-флоп», и прыгунов, остававшихся верными «перекидному». Кстати, среди первых одним из фаворитов считался литовский спортсмен Кестутис Шапка, опередивший многих лучших прыгунов мира на состязаниях предолимпийской недели в Мюнхене с результатом 2,22. Что касается двух других претендентов на места в советской олимпийской команде, ленинградца Юрия Тармака и ученика В. Лонского Рустама Ахметова, то они применяли обычный «перекидной».

Так, при обсуждении возможного исхода олимпийских соревнований по прыжкам в высоту специалистов интересовали прежде всего два вопроса. Первый—американские или советские прыгуны станут победителями Олимпийских игр на этот раз? И второй—каким стилем будет одержана в Мюнхене олимпийская победа?

... Квалификационный норматив в прыжках в высоту на Олимпиаде в Мюнхене был высок—2 метра 15 сантиметров, несмотря на это, его выполнило 19 человек, и в том числе трое наших спортсменов. Большое число участников превратило олимпийские соревнования по прыжкам в высоту в длительную тяжелую «гонку с выбыванием».

Неожиданно выбывают из соревнований не взявшие высоту 2,18 К. Шапка и Р. Ахметов. Продолжать борьбу из советских прыгунов приходится одному Юрию Тармаку.

Условия соревнований не благоприятствуют прыгунам. Состязания начались поздно и то и дело прерываются церемониями награждения. Спортсмены нервничают, они явно устали. Невозмутим и, кажется, готов продолжать прыгать до бесконечности только Юрий Тармак.

Тармак пришел к известному тренеру П. Гойхману, воспитавшему в свое время первого советского рекордсмена мира Юрия Степанова, когда ему было уже 22 года. Приехав из Таллина, он поступил в Ленинградский университет. Свою работу с новым тренером Тармак начал со споров и конфликтов. Прежде всего он никак не хотел отказываться от своей несовместимой со спортом студенческой привычки—заниматься по ночам. А потом он хотел только прыгать и никак не мог, вернее, не хотел понять, что при росте 193 сантиметра и весе 73 килограмма нужно прежде всего позаботиться о приобретении силы, необходимой мышечной массы! И в первое время Гойхману приходилось преимущественно беседовать, объяснять, настаивать.

Но когда период сомнений и споров закончился, оказалось, что новый ученик Гойхмана обладает качеством, которое компенсирует его недостатки,—неистребимым желанием прыгать. Он прыгал в любое время года, на любых соревнованиях. В 1971 году он участвовал в 53 соревнованиях, в которых высоту 2,10—2,14 преодолел 31 раз, а высоту 2,15 и выше—9 раз! В олимпийском году Тармак оставался верен себе. 36 выступлений в соревнованиях и нередко по два раза в день. Естественно, что он лучше других был подготовлен к прыжковому марафону в Мюнхене.

... Высоту 2,21 преодолели трое—Юрий Тармак, спортсмен из ГДР Штефан Юнге и прыгавший новым стилем американец Дуайт Стоунз. Соперники советского прыгуна явно устали. Это было видно по появившимся у них техническим погрешностям, тем чрезмерным усилиям, которые им пришлось приложить, чтобы справиться с высотой 2 метра 21 сантиметр.

Наиболее подготовленным, уверенным в своих силах и невозмутимым в олимпийском секторе для прыжков был Юрий Тармак. Его классический «перекидной» был безупречен на всех высотах. Перед высотой 2,23 Юнге усердно разминался. Пытался настроить себя на успешный прыжок Стоунз, но усталость брала свое, а когда Юрий Тармак со второй попытки взял эту высоту, его противники были сломлены.

Так на Олимпийских играх в Мюнхене была продолжена традиция Шавлакадзе и Брумеля, снова завоевано для нашей страны звание олимпийского чемпиона по прыжкам в высоту и доказана жизнеспособность «перекидного».

Проиграв прыжки в высоту на Олимпийских играх, американцы могли утешаться тем, что мировой рекорд все же остался за ними. В июле 1973 года, прыгая стилем «фосбери-флоп», Дуайт Стоунз еще на один сантиметр улучшил рекорд Брумеля, первым покоровив заветный рубеж 2 метра 30 сантиметров.

Олимпийские игры в Монреале не принесли преимущества ни одной из соперничающих сторон. Победителем здесь стал польский спортсмен Яцек Вшола. Скромный двадцатилетний юноша, честно говоря, и не рассчитывал на золотую медаль. Впрочем, пути олимпийские неисповедимы.

Читатели, по-видимому, уже обратили внимание на то, что на Олимпийских играх не устанавливаются мировые рекорды по прыжкам в высоту. Объясняется это просто. Волнение на таких ответственных соревнованиях, как Олимпиады, напряжение многочасовой борьбы почти равных по силам участников не способствуют рекордам. Вот почему среди прыгунов в высоту издавна идет борьба отдельно за олимпийские золотые медали и за мировые рекорды. Трудно сказать, что наиболее желанно и почетно. Очевидно, и то и другое. Если в многолетнем соревновании прыгунов СССР и США последнее слово в олимпийском первенстве осталось за нами, то казалось, что наши заокеанские соперники имеют достаточную компенсацию в виде принадлежавшего им мирового рекорда.

К нашему счастью, только принадлежавшего, потому что летом 1977 года в Америке на матче юниоров СССР—США в присутствии многочисленных зрителей восемнадцатилетний юноша из украинского города Запорожье Владимир Яценко преодолел планку на высоте 2 метра 33 сантиметра, вернув мировой рекорд нашей стране.

«Советский спортсмен сумел показать не только свой выдающийся талант,—комментировала это событие «Нью-Йорк таймс»,—но и завидное хладнокровие... Примечательно и то, что Владимир прыгает обычным стилем, а не «фосбери-флоп», ставшим модным за последние годы. Советский спортсмен,—продолжает «Нью-Йорк таймс»,—выполняет свои прыжки в той же манере, как это в

прошлом с успехом делал другой выдающийся советский прыгун в высоту Валерий Брумель».

Зимой 1978 года на первенстве Европы в закрытом помещении Владимир Яценко первым в мире преодолел планку на высоте 2 метра 35 сантиметров. Правда, пока это рекорд лишь для закрытых помещений, но разве это не заявка на золотую медаль на предстоящей Московской олимпиаде?

Скачок — шаг — прыжок

Удивительной была эта Олимпиада в Мехико. Олимпиада рекордов и неожиданностей. Она дарила доселе неизвестным атлетам радость побед и отправляла в небытие явных фаворитов, привыкших к поклонению зрителей. Цифры бывают порой поразительно красноречивы. На Олимпиаде 1952 года легкоатлеты установили мировые рекорды в 9 видах, в 1956-м — в 6, в 1960-м — снова в 9, в 1964-м — в 10, а в 1968 году в Мехико — в 17 видах! И это на «кислородных» Играх, где ни о каких рекордах в беге на длинные дистанции нельзя было и мечтать. Если к этому добавить, что в Мехико были улучшены 28 (!) олимпийских рекордов, то станет ясно, что Мексиканскую олимпиаду с полным правом можно называть и «Олимпиадой рекордов».

Великолепны были рекорды, установленные в спринтерском беге. Достойны всяческого уважения достижения барьеристов и метателей. Но, конечно, самыми удивительными были рекорды прыгунов в длину и тройным. О «прыжке века», совершенном Бимоном, мы расскажем позже. По праву вторым за ним стоит мировой и олимпийский рекорды, установленные в тройном прыжке. Хотя бы потому, что этих рекордов в Мехико было целых пять! Случай, небывалый в истории Олимпийских игр.

... Директор сухумской средней школы Таисия Петровна Малыгина принадлежала к числу, увы, пока немногочисленных школьных работников, которые понимают великую воспитательную силу спорта. Однажды она привела к преподавателю физического воспитания и тренеру по легкой атлетике Акопу Самвеловичу Карселяну длинного худощавого парнишку и сказала:

— Вот принимай в свою группу, хотя он из четвертого класса, но прыгает на славу. Будет тебе чемпион...

Так начался спортивный путь Виктора Санеева — с

гимнастики, баскетбола и, конечно же, футбольных сражений. Известно, что в современном спорте победы не приходят сами собой. Тут не поможет никакой талант. Нужен волевой спортивный характер. Когда-нибудь психологи и ученые сумеют разложить по косточкам, найти составляющие такого характера. Однако и сейчас мы можем сказать, что в его основе лежит великое упорство, умение подчинять себя единому устремлению, высокой цели. Чем труднее в жизни, тем тверже характер.

Санееву жилось нелегко. Мать зарабатывала мало. Больной отец не вставал с постели. Пришлось с шестого класса учиться в интернате. Потом работать шлифовальщиком в литейном цехе. Поступил здесь же, в Сухуми, в Институт субтропиков. Но все это время стадион оставался в поле его зрения. А на стадионе тройной прыжок. Почему тройной, этот трудный, требующий разносторонней физической подготовки вид легкой атлетики? Очевидно, потому, что у Виктора были длинные сильные ноги и он был тем прыгуном-универсалом, о котором впоследствии тренер сборной команды страны Витольд Креер скажет: «Лучший тип прыгуна тройным — спринтер+прыгун+силовик». А может быть, и потому, что прыжок в длину для него был слишком прост, а тройной таил в себе много неизведанного.

До сих пор неизвестно, существовал ли тройной прыжок в древнем мире. Мы уже говорили о том, что на XIX Олимпийских играх в 668 году до н. э. спартанский атлет Эхион прыгнул на расстояние, превышающее 16 метров. Очевидно, это был либо тройной, либо сумма трех прыжков.

Первым мировым рекордом нашего времени можно считать результат 13,03, показанный ирландцем Джоном Пуркелем в 1884 году. В то время тройной прыжок выполнялся по-разному, и только начиная с I Олимпиады, он приобрел тот вид, который сохранился и до наших дней: стремительный разбег, как в прыжках в длину, отталкивание обычно сильнейшей ногой, скачок на ту же ногу, шаг на другую и, наконец, заключительный прыжок на обе ноги.

Олимпийская история тройного прыжка — это постепенное завоевание все новых и новых заветных рубежей. Если 13-метровый рубеж был преодолен еще в XIX столетии и результат победителя I Олимпийских игр равнялся 13,71, то уже на II Играх американец Майер Принстейн прыгнул на 14,44.

Только через 10 лет был преодолен следующий, 15-метровый рубеж. В этом была заслуга двух ирландцев—братьев Тима и Дэна Ахеров. Выступая за команду Англии, Тим с результатом 14,92 стал победителем Лондонских Олимпийских игр 1908 года. А через два года его брат, эмигрировавший в США, первым прыгнул за 15 метров (15,12). Через год, 30 мая 1911 года, в Нью-Йорке, он улучшил свой рекорд до 15,52. Этот результат был настолько высок, что сохранялся в таблице рекордов 13 лет! Австралиец Арчибальд Уинтер, победивший в тройном прыжке в 1924 году на Играх в Париже, сумел превзойти его только на один сантиметр.

Честь преодоления следующего, 16-метрового рубежа выпала на долю спортсменов Страны восходящего солнца. Можно предполагать, что тройной прыжок, требующий быстроты, прыгучести, хорошей координации движений, более других видов легкой атлетики подошел обладающим прирожденной ловкостью, упругими, эластичными мышцами японцам.

На Олимпиаде 1928 года в Амстердаме европейские любители легкой атлетики впервые наблюдали изумительные по своей легкости прыжки японца Микио Ода, завоевавшего золотую медаль с результатом 15,21.

Свое победоносное шествие японские прыгуны продолжили и на двух следующих Олимпиадах. Чухей Намбу в 1932 году на Играх в Лос-Анджелесе стал победителем с новым мировым и олимпийским рекордом— 15,72.

Рубежа 16 метров достиг Наото Тадзима на Олимпиаде 1936 года. Несомненным фаворитом в тройном прыжке здесь был мировой рекордсмен австралиец Джон Меткальф. Вот он на дорожке. Стремительный разбег, три мощных толчка, и Меткальф приземляется на отметке 15,76. Теперь очередь маленького круглолицего японца Тадзимы. Он не вызывает никаких эмоций у немецких зрителей. Но великолепным прыжком Наото перекрывает достижение австралийца, а затем прыгает ровно на 16 метров. Серебряную медаль завоевывает Масао Харада. Так на Олимпиаде в Берлине был нанесен еще один удар по расовой теории, на этот раз японцами.

Для того чтобы достигнуть следующего, 17-метрового рубежа в тройном прыжке, спортсменам понадобилось 24(!) года. В 1960 году накануне Олимпийских игр в Риме на 17,03 улетел польский атлет Юзеф Шмидт. Он же стал чемпионом Олимпийских игр.

Что произошло в тройном прыжке примечательного за

эти 24 года? Во-первых, появление талантливого бразильского прыгуна, дважды становившегося олимпийским чемпионом и пять раз(!) улучшавшего мировые рекорды,— Адемара Ферейры да Силвы и, во-вторых, успешный дебют на международной спортивной арене советских прыгунов тройным.

Бразилия—богатая страна. По своим размерам она уступает только Советскому Союзу, Китаю и Канаде. Неисчерпаемы ее природные ресурсы. В обширных западных штатах раскинулись многочисленные скотоводческие фермы, кофейные плантации. Потомки первых белых пионеров, пришельцев из Европы и Америки, наживают здесь огромные состояния, строят роскошные дворцы в Рио-де-Жанейро, но цветным, мулатам и потомкам давно истребленного коренного населения, приходится добывать себе средства к жизни тяжелым трудом.

Да Силва начал трудиться с детства и пришел в Сан-Паулу к тренеру Дитриху Гернеру лишь в 1946 году, когда ему исполнилось 18 лет. Конечно, это слишком большой возраст для начала занятий легкой атлетикой, и, хотя у новичка была стройная фигура и сильные ноги, Гернер с сомнением поглядывал на этого юношу, тем более что его первые результаты в беге и прыжках были посредственными.

Так прошел почти год. Но когда да Силва впервые принял участие в соревнованиях по тройному прыжку, Гернер насторожился. «Да ведь это прирожденный прыгун тройным!»—сказал он себе и отныне начал готовить новичка к выступлениям в этом виде.

Остальное хорошо известно. На Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки Адемар Ферейра да Силва был на голову выше своих соперников. Казалось, он не прыгал, а летел над дорожкой, такими легкими и вместе с тем мощными были его прыжки. Прыгнув на 16,22, он не только установил новый олимпийский, но и на 21 сантиметр побил свой же мировой рекорд.

Так же хорош был да Силва и через четыре года в Мельбурне. Сменились только «декорации» и противники. Главными из них стали рослый исландский спортсмен Вильямур Эйнарсон и наши парни—Леонид Щербаков и Витольд Креер. На этот раз бразилец стал олимпийским чемпионом с результатом 16,35.

А что же делали в эти годы советские прыгуны тройным? Они накапливали опыт и готовились к завоеванию мировых и олимпийских рекордов. Первые значитель-

ные международные успехи советской школы тройного прыжка связаны с именем Леонида Щербакова, крепко сложенного спортсмена, прирожденного турнирного бойца. Серебряная медаль на XV Олимпиаде в Хельсинки, мировой рекорд 16,23 в 1953 году, победа на чемпионатах Европы 1950 и 1954 годов—далеко не полный перечень его успехов. Казалось, они открыли дорогу к победам и рекордам целой плеяде талантливых советских тройников. В. Креер, В. Горяев, В. Кравченко, О. Федосеев завоевали на Олимпиадах в Мельбурне, Риме и Токио две серебряные и три бронзовые медали. В 1958 и в 1959 годах Ряховский и Федосеев установили мировые рекорды.

Но честь преодоления 17-метрового рубежа и установления мирового рекорда 17,03, к сожалению, принадлежала не им, а польскому прыгуну Юзефу Шмидту.

В течение многих лет складывалась советская школа тройного прыжка, которую возглавил выдающийся в прошлом спортсмен, а ныне тренер и ученый Николай Озолин. Образцом для прыгунов всего мира стала техника ученика Озолина Леонида Щербакова. Прыжки Щербакова с высокими траекториями, поздней сменой ног в скачке, с высоким замахом бедра и активной постановкой ноги на грунт «загребающим» движением привели к быстрому росту мирового рекорда.

Одним из главных средств тренировки стали скачки на одной ноге. Щербаков мог пропрыгать так огромное расстояние. Но, добившись высокого уровня силовой подготовки, наши прыгуны не использовали еще один резерв, еще одну возможность улучшения результата—скорость разбега и прыжка. Именно такую «беговую технику» продемонстрировал Шмидт. Это позволило ему не только перешагнуть 17-метровый рубеж, но и дважды—в 1960 году (16,81) и в 1964 году (16,85) стать олимпийским чемпионом.

Чтобы превзойти Шмидта и завоевать, наконец, золотую олимпийскую медаль в тройном прыжке, в советской легкой атлетике должен был появиться спортсмен, обладающий не только великолепной силовой подготовкой, но и высокой скоростью разбега, безупречной техникой прыжка. Именно таким человеком стал ученик сухумского тренера Акопа Карселяна и подопечный Витольда Креера, ставшего тренером сборной страны, Виктор Санеев.

Трижды чемпион

16 октября 1968 года в олимпийской деревне прыгунам тройным пришлось просыпаться рано, в семь утра. Уже в десять начинались квалификационные соревнования, на которых надо было прыгнуть не менее 16 метров 10 сантиметров.

Виктор Санеев выходит из десятиэтажного серо-красного дома № 8, ставшего в дни Олимпиады постоянным жилищем советских спортсменов, и рассеянно смотрит на уже ставшее привычным внушительное панно с изображением национального героя Мексики Мигуэля Гидальго, на трепещущие на ветру флаги стран — участниц Олимпиады, на пять больших воздушных шаров, окрашенных в пять олимпийских цветов, повисших над олимпийской деревней.

Санеев уже не тот новичок, которого за руку привели к Карселяну много лет назад. Виктор вымахал в стройного, мускулистого детину. Его рост 187 сантиметров и вес 80 килограммов. Перед Олимпийскими играми он выигрывал одно соревнование за другим. Стал чемпионом Советского Союза, одновременно сумел закончить Сухумский институт субтропических культур и стать агрономом.

Впрочем, все, что он сделал в спорте до сих пор, — это предыстория. Настоящая олимпийская проверка возможностей, боевой готовности, характера наступит завтра. А сегодня «квалификация», так, маленькая репетиция. Она прошла без особых происшествий, если не считать неудачи травмированного Александра Золотарева, выбывшего из борьбы, еще не вступив в нее, и невероятного необдуманного прыжка длинноволосого итальянца Джузеппе Джентиле. Неожиданно для всех и для самого себя он улетел на 17 метров 10 сантиметров, что превышало и олимпийский и мировой рекорды Шмидта.

Утренние газеты превозносили итальянца. А сам он всячески отрекся от своего рекорда. Студент, увлекающийся психологией, отлично знал, что рекорд установлен не вовремя и может стоять ему победы на основных соревнованиях.

У Санеева все продумано заранее и расписано по минутам. Приезд на стадион, массаж, разминка, которая должна настроить на прыжки, мобилизовать, но не привести к растрате сил.

Какие великолепные ребята собрались в секторе для прыжков тройным! Наш старый знакомый Шмидт при

росте 184 весит 77 килограммов. У бразильца Нельсона Пруденсио соответственно 180 и 67, у Джентиле—186 и 85. У американца Артура Уокера—188 и 73 и уж настоящие гиганты—австралиец Фил Мей—196 и 82 и сенегалец Мансур Диа—192 и 85.

Все ждут прыжка Джентиле. Итальянцы принесли плакат и держат его над головами зрителей. На нем написано «Вперед, Италия!». И Джентиле устремляется вперед. Всем ясно, что это его «последняя» попытка, что сейчас на карту поставлено все. Прыжок—и зрители аплодируют. Уже до измерения ясно, что прыжок хорош. На табло, будто испытывая терпение присутствующих на стадионе, зажигается единица, потом семерка. Итак, 17 метров. Но сантиметры, сантиметры? На табло появляются две двойки: 17,22! Еще один мировой рекорд. Но следующие попытки итальянца либо 0, либо ближе 17 метров.

Спортсмены и тренеры знают, что рекордная первая попытка может ошеломить участников соревнований. Таких примеров в истории Олимпийских игр более чем достаточно. Вспомним хотя бы победную первую попытку Виктора Цыбуленко в метании копья на Римской олимпиаде. Так неужели это повторится в Мехико в тройном прыжке? И действительно, в первых двух попытках у всех прыжки не ладятся. Только Пруденсио показывает 17,05, почти на полметра дальше рекорда Бразилии, установленного да Силвой. У Санеева 16,49 и 16,84. Пока это третье место.

В третьей попытке Санеев перерождается. Отличный разбег и точное попадание на брусок. Распластался в скачке, не торопясь, опускает ногу на шаг. В прыжке ноги далеко выбрасываются вперед. Судьи поочередно смотрят в трубу измерительного прибора—17,23. На сантиметр дальше результата Джентиле и третий мировой рекорд, установленный здесь, в Мехико. Но победа ли это? Ведь остается еще три финальных попытки. В четвертой попытке Санеев семенит, подбирает разбег, чтобы попасть на брусок, но, несмотря на это, 17,02. Такой же результат показывает Мей. Джентиле продолжает заступать. Рекордный прыжок Санеева окончательно выбил его из колеи.

А что же Шмидт, спортсмен, привыкший проигрывать на рядовых соревнованиях и побеждать на Олимпийских играх? Пока его лучший результат 16,77. Никто из прыгунов еще не выигрывал три Олимпиады подряд.

Пятая попытка приносит еще один олимпийский и мировой рекорд. Как первоклассный спринтер несется по дорожке Пруденсио. Разве можно оттолкнуться на такой скорости? Оказывается, можно! 17,27. Для Санеева это потеря мирового рекорда и золотой олимпийской медали, если... если он не прыгнет еще дальше. Но в пятой попытке лишь 16,81. Остается последняя попытка.

Только спортсмены знают, что такое последняя попытка. На тебя устремлены глаза всех — зрителей, товарищей, тренеров. Все ждут. Кто с надеждой, кто с опаской и все с интересом. Твои нервы напряжены до предела. Еще немного, и мышцы перестанут тебе подчиняться. Последняя попытка — это попытка для сильных духом, для тех немногих, кто умеет отключиться от всего окружающего и, «преодолев себя», совершить спортивный подвиг!

Итак, Пруденсио или Санеев? Первый переполнен радостью. Он идет по дорожке пританцовывая. Санеев сосредоточен, все делает не спеша. Радостный бразилец в последней попытке показывает 17,15. Разбегается Санеев. Вот именно таким должен быть разбег у прыгунов тройным — стремительным, незаметно переходящим в серию прыжков. Виктор недоступает до бруска. Это потеря по крайней мере 20—30 сантиметров. Но какие великолепные прыжки! На табло зажигаются цифры 17,39. Это победа. И первая золотая медаль в тройном прыжке у советских атлетов за всю историю легкой атлетики. Непонятно только, почему плачут навзрыд оба тренера — и Карселян, и Креер. Надо полагать, от радости.

...Прошло четыре года. Виктор Санеев приехал на Олимпийские игры в Мюнхен, лишившись звания рекордсмена мира. Его рекорд был превышен лишь на один сантиметр. Только один сантиметр на расстоянии более 17 метров. Собственно, это ничто. Но правила есть правила, и в 1971 году, сделав на Панамериканских играх в Кали (Колумбия) прыжок на 17,40, кубинский атлет Педро Перес-Дуэньяс стал мировым рекордсменом в тройном прыжке.

Единственным утешением для Санеева могло быть лишь то, что новый рекордсмен прошел нашу «школу», был учеником Леонида Щербакова, передававшего свой опыт кубинским спортсменам.

В Мюнхене снова вышли на старт участники знаменитого мексиканского финала — Нельсон Пруденсио, Артур Уокер, Мансур Диа и Джузеппе Джентиле. Здесь были и

новые, не менее грозные противники, имевшие прыжки за 17 метров, американец Джон Крафт, румын Карел Корбу, Георг Дремель из ГДР.

Мог ли Санеев снова претендовать на золотую олимпийскую медаль? Несомненно. Он был в отличной форме, а кроме того, его вдохновлял пример дважды становившихся олимпийскими чемпионами да Силвы и Шмидта.

Уже квалификационные соревнования (а нормой стали 16,20) показали, как трудно сохранять спортивную форму от одной Олимпиады до другой. Выбыли из борьбы, не справившись с квалификационной нормой, Джентиле и Уокер. Потерпел неудачу и новый рекордсмен Перес-Дуэньяс.

В основных соревнованиях Санеев прыгает перед Дремелем, которому он проиграл год назад на первенстве Европы. Теперь Виктор опытный спортсмен и может применить новую тактику, тактику «первого удара». Нужно ошеломить Дремеля, а заодно с ним и остальных соперников. И если четыре года назад Санеев победил последним прыжком, то теперь он сделал это первым.

Первым прыжком на 17,35 Санеев ошеломил противников. Этого прыжка оказалось достаточно для победы. Дремель сумел оправиться только к пятой попытке, в которой показал 17,31. Третьим стал Пруденсио с результатом 17,05.

И вот снова прошли четыре года, и снова на старте тройного прыжка в Монреале Санеев. Что это? Самомнение, неоправданный риск. Ни то, ни другое. Просто спортивное долголетие, в основе которого лежит строгий режим, разумная тренировка и, наконец, опыт — умение достигать пика спортивной формы в нужное время.

В Монреале Санеева ждет встреча с новым мировым рекордсменом. История повторяется. В Мюнхене его ждал Перес-Дуэньяс. Но кубинец превысил его рекорд только на сантиметр. Сейчас его рекорд побит почти на полметра. Это сделал в Мехико на VII Панамериканских играх бразилец Жоан Карлос ди Оливейра. Капрал бразильской армии ни в чем не отступал от стандартов типичного прыгуна тройным. Рост 189 см и вес 75 кг. Великолепная скорость в спринте и природная прыгучесть. 13 октября 1975 года на стадионе университетского городка в Мехико он выигрывает золотую медаль в прыжках в длину — 8,19. А через два дня в третьей попытке тройного прыжка Оливейра приземлился в самом конце прыжковой ямы —

17,80. А когда узнал свой результат, то стал на колени и заплакал.

Его рекорд можно было сравнить только с достижением Бимона. «Это был поистине «прыжок в будущее». Ни до, ни после этого никто не смог приблизиться к результату Оливейры.

Бразилия всегда славилась своими прыгунами тройным. Еще до появления олимпийского чемпиона да Силвы в число сильнейших прыгунов мира входили Карлос Пинто (15,10), Жоан Геральдо ди Оливейра (15,49), Хелио Куньо да Силва (15,99). После Адемара был Нельсон Пруденсио (17,27). Нужно вспомнить и о клубе «Кенгуру», основанном в Сан-Паулу Адемаром да Силвой, о тренерах Дитрихе Гернере и теперешнем наставнике Оливейры — Педро ди Голедо. Вместе со своим учеником он здесь в Монреале. Это подвижный человек с черной бородкой, не выпускающий из рук киноаппарат. Бразилия не была избалована золотыми олимпийскими медалями, и после Панамериканских игр капрал Жоан стал национальным героем. Командующий II бразильской армией прислал капралу 2-го гвардейского батальона телеграмму: «Личный состав II армии горд и ликует от радости. Ваш доблестный подвиг — мировой рекорд в тройном прыжке, — добытый с отвагой, мужеством, стойкостью и патриотизмом, еще более возвысил славные традиции нашей армии и величие всей Бразилии».

Жоана приветствовал президент Бразилии Эрнесто Гейзел. Ему было присвоено звание почетного гражданина Сан-Паулу. Все ждали, что покажет рекордсмен в Монреале.

В «тени» Жоана Карлоса ди Оливейры Санеев чувствовал себя спокойнее. Он мог без помех готовиться к выступлению. Чтобы избежать шума и суеты олимпийской деревни, он тренировался в тихом Квебеке и только за шесть дней до состязаний появился в Монреале.

Так вот каков его основной противник Жоан Карлос ди Оливейра. Широкоплечий, стройный красавец с коротко подстриженными выющимися волосами и черным, словно покрытым лаком, лицом. Он скромнен и даже застенчив. Как прилежный ученик, сидит он за тетрадами и блокнотами, где аккуратно ставит свою подпись. Что делать? Иначе не отвяжешься от этих любителей автографов.

Санеев не чуждается общих тренировок в олимпийской деревне. Он слишком опытен, чтобы, подобно новичкам, «перегореть», видя показательные, «на публику» прыжки своих

соперников. Зато они с опаской поглядывают на упорного русского, рискнувшего приехать на свою третью Олимпиаду. Нельзя целыми днями думать о предстоящих соревнованиях. Здесь в Монреале достаточно развлечений. Можно осмотреть город, поднявшись на смотровую террасу, на балюстраде которой стрелы указывают направление к местным достопримечательностям. Чэмпленский мост, пансионат Нотр-Дам, парк Уэстмаунт, гора Джонсона. Можно почувствовать себя на Родине, отправившись на пришвартованный в порту Монреала советский теплоход «Михаил Калинин». Здесь вы послушаете концерт артистов и коллективов художественной самодеятельности. Санеева не смущает внимание, которым окружена советская делегация. Так бывает на каждой Олимпиаде. По телевидению канадцы могут просмотреть небольшие фильмы о популярных во всем мире Ольге Корбут, Нелли Ким, Василии Алексееве, желающие, а их тысячи, приходят на выставку, посвященную советскому спорту, с интересом рассматривают справочную литературу.

...Оливейра и его тренер совершают серьезную тактическую ошибку еще до начала соревнований. Они решают, так же как и на Панамериканских играх, выступать в двух видах — прыжках в длину и тройным. Это большой риск.

В квалификационных соревнованиях Оливейра показывает 16,81 и Санеев 16,77. К основным соревнованиям в тройном прыжке Оливейра подошел, заняв четвертое место в прыжках в длину. Чего это ему стоило, показало дальнейшее. В секторе для тройного только один участник Олимпиады в Мехико — Санеев. Зато среди новичков — трое американцев, имевших прыжки за 17 метров. Кроме того, здесь экс-рекордсмен мира Перес-Дуэньяс.

Как проходили соревнования, рассказывает сам Санеев:

«... Первая попытка — заступ, и я сразу оказался в роли догоняющего. А лидером стал кубинец Перес-Дуэньяс — 16,81. Во втором прыжке занял вторую строчку, но тут же американец Джеймс Баттс отодвинул меня на третье место. У Оливейры прыжки не получались: в первой попытке заступ, во второй 16,15.

Третий прыжок у меня получился аккуратным — 17,06, и я впервые стал лидером. Оливейра сумел справиться с волнением и вышел на второе место. Готовимся к финалу. Жаль, что в четвертой попытке я заступил. Далекий получился прыжок — в районе 17,50 и заступ микроскопический. И тут же взрыв на трибунах. Джеймс Баттс выходит вперед — 17,18. Не зря я за ним следил. Теперь

главное — ответить далеким прыжком. Получилось. Пятый прыжок хоть и корявый (как говорится, волевой), но далекий — 17,29. Баттс не справляется с бешеной скоростью разбега, и его крутит в прыжке. Он остается на втором месте. Оливейра — на третьем... Что ж, он молод и может рассчитывать на победы в будущем...»

Так была завоевана третья золотая олимпийская медаль Виктора Санеева.

«Прыжок века»

«Прыжок века». Известно, что именно под таким названием вошел в историю Олимпийских игр прыжок афроамериканца Роберта Бимона на XIX Олимпийских играх в Мехико.

Но разве стал бы возможен этот феноменальный прыжок Бимона, если б к нему не проложили дорогу многие поколения прыгунов. Конечно, нет. Долгие годы потребовались спортсменам для того, чтобы научиться сочетать стремительный разбег с мощным толчком, сохранять равновесие в полете и далеко выбрасывать ноги вперед в момент приземления.

Современные прыгуны ничего не могли позаимствовать у древних греков. Нерациональным оказалось выполнение прыжка, держа в руках гантели. Не помогала и музыка, сопровождавшая греческих олимпийцев при разбеге.

Уже в XIX столетии прыгуны в длину добились результатов, намного превышающих достижения участников Олимпийских игр древности. В 1874 году студент Кембриджского университета ирландец Джон Лейн первым преодолел в прыжках в длину 7-метровый рубеж — 7,04. Однако на I Олимпийских играх, где на пьедестал почета поднялись трое американцев — Элери Кларк, Джеймс Конноли и Роберт Гаррет, лучший из них, Кларк, прыгнул лишь на 6 метров 35 сантиметров.

Впрочем, на следующей Олимпиаде Альвин Кренцлейн из Чикаго достиг 7 метров. Это был тот самый Кренцлейн, который успешно выступал не только в прыжках, но и в спринтерском и в барьерном беге, завоевав 4 золотые медали.

Затем олимпийскими чемпионами становились американцы: Майер Принстейн (7,35 в 1904 году), Фрэнсис Айронс (7,48 в 1908 году), Альберт Гуттерсон (7,60 в 1912

году). Олимпиаду 1920 года выиграл швед Вильям Петерссон, преодолев всего 7,15.

Великолепный результат на следующих Играх, 1924 года, показал, выступая в пятиборье, студент Мичиганского университета Роберт Лежандр—7,76. Однако чемпионом Игр стал другой американец Харт Хуббарт с более скромным достижением—7,44.

Широкую известность приобрел Стольвик Катор из Гаити, установивший мировой рекорд 7,93. Менее удачно он выступил на Олимпиаде 1928 года, где был только вторым. Штурм мирового рекорда вели представители многих стран. Так, после Катора его обладателем был японец Тюхей Намбу, прыгнувший на 7,98. Но никто из них не становился олимпийским чемпионом.

Человеком, который знаменует собой эпоху в прыжках в длину, стал двадцатидвухлетний студент университета в Огайо Гровер Кливленд Оуэнс, или, как он вошел в историю легкой атлетики, Джесси Оуэнс. Мы уже рассказывали о нем, как о спринтере, теперь возвращаемся к нему, как к прыгуну в длину.

Два основных компонента прыжка в длину—это разбег и отталкивание. Казалось бы, чем быстрее разбег, тем длиннее прыжок. Но в действительности при повышении скорости прыгуны теряют способность к мощному отталкиванию. Вот почему лишь немногие из известных спринтеров были хорошими прыгунами.

Оуэнс стал одним из тех немногих легкоатлетов, сумевших сочетать высокую скорость разбега с великолепным толчком. Он был одинаково хорош и как спринтер, и как прыгун. Из четырех мировых рекордов, установленных им 25 мая 1935 года на стадионе в городе Энн-Арбор во время университетского первенства США, рекорд в прыжке в длину был, пожалуй, наиболее поразительным. Ведь он не только первым в истории спорта перешагнул границу 8 метров, но и превысил старый мировой рекорд на целых 15 сантиметров.

Известный американский тренер Кеннет Догерти в изданной у нас в стране книге рассказывает, что ему удалось встретить организатора тех исторических соревнований, который вспоминал, как «всякая другая деятельность замерла, когда Джесси прыгал. Диктор с восторженным бахвальством заявил, что Оуэнс попробует установить новый мировой рекорд, и белый носовой платок был храбро положен на отметку 26 футов. Взгляды зрителей были устремлены на этот единственный вид

соревнований, и все с изумлением увидели, как Джесси «проплыл» за носовой платок. Несомненно, никакой другой мировой рекорд не был так сознательно подготовлен и установлен при такой концентрации внимания. Казалось, что Джесси просто пробежал брусок, так как не было заметно акцентированного удара стопой о брусок, он совершенно не приложил усилий для необычной высоты полета... Его равновесие было превосходным; его положение «сидя», со стопами, хорошо вытянутыми в момент приземления, также было совершенным. Самым лучшим его качеством, конечно, была огромная скорость, превосходившая скорость любого другого прыгуна ранее или после этого времени...»

Такие подвиги нельзя повторять часто, и на Олимпийских играх 1936 года в Берлине Оуэнс стал победителем с несколько меньшим результатом—8 метров 6 сантиметров. Но этот рекорд был установлен после утомительных выступлений в беге, в обстановке крайнего ажиотажа, когда сто тысяч зрителей ждали победы немецкого прыгуна Луца Лонга. В пятой попытке Лонг показывает тот же результат, что и Джесси—7,87. Этот прыжок зрители встречают пением гимна, размахивают нацистскими флагами. Все стоя приветствуют Лонга. И только последний рекордный прыжок Оуэнса охлаждает шовинистический угар, царивший на стадионе.

Есть в легкой атлетике результаты, которые обгоняют свое время. Признаком этого становится их долголетие. Рекорд Джесси продержался четверть века. 25 мая 1960 года на стадионе Энн-Арбор было торжественно отмечено 25-летие замечательного достижения негритянского прыгуна.

Немногим меньше продержался олимпийский рекорд Джесси Оуэнса. Он был улучшен до 8,12 Ральфом Бостоном на Олимпиаде 1960 года.

История Олимпийских игр знает и других одаренных, но менее известных прыгунов в длину. Одним из них был индеец по происхождению, чемпион Олимпиады 1956 года Грегори Белл. Неоднократно он показывал результаты за 8 метров, а в Мельбурне прыгнул на 7,83. Белл отличался удивительной точностью разбега, стабильностью результатов. Но не ему суждено было превзойти рекорд Оуэнса. Это сделал его соотечественник негритянский спортсмен Ральф Бостон... В канун Олимпиады 1960 года в Риме он прибавил к рекордному результату Оуэнса 8 сантиметров. Мировой рекорд в прыжках в длину стал равняться 8

метрам 21 сантиметру. На Олимпиаде Бостон победил с результатом 8,12.

Ральф Бостон родился в 1939 году в городке Лорел штат Миссисипи и школьником начал играть в баскетбол. Переход от спортивных игр, которые дают хорошую общую физическую подготовку, к легкой атлетике типичен для многих американских легкоатлетов и обычно приносит им успех. Так было и с Ральфом Бостоном, который, начав заниматься прыжками в длину, в 1956 году выиграл первенство штата среди школьников.

И вот через четыре года мировой рекорд и победа на Олимпийских играх в Риме. Американский журнал «Спорт иллюстриейтед» имел все основания написать по этому поводу: «Рекорд Джесси Оуэнса, державшийся более двадцати пяти лет, теперь перешел в такие же верные руки. Вряд ли сейчас в мире есть человек, способный на равных сражаться с Бостоном».

Но такой человек нашелся. Им стал советский спортсмен Игорь Тер-Ованесян.

Приход в спорт Тер-Ованесяна был необычным. Он появился на стадионе «Динамо» во время физкультурного парада, выйдя с тремя другими мальчишками из огромного футбольного мяча. Известный штангист Серго Амбарцумян вынес на стадион два таких мяча, прикрепленных к концам грифа штанги, со спрятанными в них восемью ребятишками. Выскочив из мячей на зеленое поле стадиона, они приняли участие в футбольном матче.

Уже в детские годы было ясно, что Игорь не пройдет мимо спорта. Семья жила на территории Московского института физической культуры, где отец, в прошлом известный легкоатлет, работал преподавателем. Здесь на стадионе проходили все детские игры мальчишек, а потом первые попытки пробежаться по кругу, прыгнуть или бросить непослушный и в первое время кувыркавшийся в воздухе диск.

Потом переезд во Львов и после окончания школы поступление в Львовский институт физкультуры, встреча с замечательным тренером Дмитрием Оббариусом, который прослыл оригиналом, так как внес в процесс подготовки легкоатлетов много нового, необычного. Они не столько упражнялись на гимнастических снарядах и выполняли обычные упражнения, сколько проводили время в лесу, в поле, лазали по деревьям, бросали камни, прыгали через канавы, преодолевали овраги.

Вскоре пришла победа на Всесоюзных юношеских

соревнованиях. Затем успешное выступление на первенстве страны. И Тер-Ованесян был включен в состав олимпийской сборной команды. Казалось, он на пороге блестящей спортивной карьеры. Но Мельбурн принес ему позорный провал. Что может быть позорнее для спортсмена — приехать на Олимпийские игры за тысячи километров и сделать три заступа? Случай на таких соревнованиях, как Олимпиада, сравнительно редкий.

Дело в том, что в процессе тренировок, с годами, у прыгуна в длину вырабатывается равномерный стандартный шаг, точность разбега, своего рода седьмое чувство, которое позволяет точно наступать на брусок для отталкивания. Именно такое умение демонстрировали участники соревнований в Мельбурне, и в первую очередь победитель Грегори Белл.

Можно представить себе состояние Тер-Ованесяна. Казалось, что все погребено. Было стыдно перед собой, товарищами. Искупить свое неудачное выступление можно было только неустанным трудом, высокими результатами. Совершенствовались разбег, стиль прыжка, приземление. Наградой становится золотая медаль на первенстве страны, звание чемпиона СССР. В 1958 году Игорь побеждает на первенстве Европы, а еще через год становится первым спортсменом на континенте, преодолевшим рубеж 8 метров. Его результат 8,01 — рекорд СССР и Европы.

Наступает 1960, олимпийский год. За эти годы сделано многое. Тер-Ованесян выступает не только в прыжках в длину, но и в высоту, спринтерском беге, даже в десятиборье. Он много работает над разбегом, который стал длиннее, быстрее и увереннее. Вместо способа «прогнувшись» он взял на вооружение более рациональные «ножницы», применяя которые прыгун естественно переходит от разбега к прыжку, как бы продолжая бег по воздуху. В его активе теперь звание чемпиона Европы и результат за 8 метров. Кажется, есть что противопоставить Бостону. Но зимой 1960 года травма, полученная во время спуска с гор на лыжах, надолго выводит его из строя. Травма так серьезна, что под сомнение поставлена возможность его дальнейших занятий спортом.

Понадобилось время, нечеловеческое упорство и вера в себя, чтобы снова войти в строй и подготовиться к Олимпийским играм. Но вынужденный перерыв не может не сказаться на его выступлении, и, несмотря на результат 8,04, он завоевывает только бронзовую медаль.

Бостон, который незадолго до Игр на стадионе в городе Уолнет прыгнул на 8,21 и побил мировой рекорд Оуэнса, становится чемпионом Олимпиады с результатом 8,12. Вторым И. Робертсон — 8,11.

Борьба между Тер-Ованесяном и Бостоном ведется в трех измерениях: на Олимпийских играх, на международных соревнованиях и в заочном сражении за мировой рекорд.

В олимпийском единоборстве Тер-Ованесян безнадежно проигрывал. Три заступа в Мельбурне, третье место на Олимпиаде в Риме. Умение долгие годы поддерживать спортивную форму отличало обоих спортсменов — и Бостон и Тер-Ованесян выступают еще на двух Олимпийских играх: в 1964 году в Токио и в 1968 году в Мехико. Золотые медали не достаются ни одному, ни другому.

В Токио с посредственным результатом 8,04 побеждает англичанин Линн Дэвис. В Мехико — Бимон. Но в Японии Бостон занимает второе, а Тер-Ованесян — третье место. В Мексике — американец третий и наш спортсмен — четвертый с результатом 8,12.

Итак, здесь Тер-Ованесян уступает Бостону. Зато в международных соревнованиях и в борьбе за мировой рекорд они идут на равных. Бостон победил на 74-м зимнем чемпионате США в закрытом помещении. Тер взял верх на 75-м. Эта победа стала своего рода сенсацией. 75-й чемпионат США проходил в 1962 году. Условия этих соревнований могли ошеломить любого непривычного к ним спортсмена. Они проходили в огромном зале нью-йоркского Мэдисон сквер-гардена, заполненного шумными зрителями, которые требовали от Бостона победы и только победы. Об этом кричали ему с трибун, напоминал диктор по радио.

— Ральф Бостон! На тебя смотрит вся Америка.

Нелегко выступать, когда ни один голос не крикнет: «Давай, Тер», а все поддерживают твоего противника. Но великолепным прыжком на 8,09 Игорь Тер-Ованесян захватывает лидерство.

Бостон растерян. Два заступа. На него это так непохоже. Не помогают даже истерические выкрики диктора по радио. Но зрители продолжают надеяться на него. Тем более что год назад здесь же в этом зале Бостон сумел победить в последнем прыжке. На этот раз последняя попытка неудачна, и советский спортсмен Тер-Ованесян становится чемпионом США по прыжкам в длину.

Поочередно Бостон и Тер-Ованесян владели и мировым рекордом. Накануне Олимпиады в Риме Бостон улучшил рекорд Оуэнса 25-летней давности до 8,21. Вскоре он прибавил к этому рекорду еще 3 сантиметра. Рекорд вырос до 8,24.

Но в 1962 году Тер-Ованесян прыгает на 8,31. Три года понадобилось Бостону, чтобы прибавить к рекорду сначала 3, а затем еще 1 сантиметр. Но проходит еще два года, и такой же результат—8,35 показывает Тер-Ованесян.

Итак, накануне Олимпийских игр 1968 года мировой рекорд равен 8,35 и олимпийский—8,12.

То, что произошло в 1968 году в Мехико в олимпийском секторе для прыжков в длину—случай единственный в истории легкой атлетики. Он настолько уникален, что до сих пор о нем пишут спортивные газеты и журналы, его обсуждают ученые, ему посвящаются исследования.

Нужно иметь в виду, что рост мировых и олимпийских рекордов в прыжках в длину образует две почти никогда не пересекающиеся кривые. Обстановка и условия Олимпийских игр не располагают к установлению мировых рекордов.

Так, мировой рекорд Оуэнса равнялся 8,13, а олимпийский лишь 8,06 см! Мировой рекорд, установленный через 25 лет Бостоном, составил 8,21, а его же олимпийский—8,12.

И что еще бросается в глаза в олимпийской истории прыжков в длину,—это постепенный, последовательный рост результатов: 3—5, в лучшем случае 10 сантиметров. Так улучшали свои результаты олимпийские чемпионы. Прыжки Оуэнса, как мы уже говорили, были сенсацией, прыжками будущего, а ведь он превысил рекорд Намбу лишь на 15 сантиметров.

И вот Олимпийские игры в Мехико. Для выполнения первой попытки судьи вызывают спортсмена из США Роберта Бимона. Он выходит на дорожку, и зрители видят высокого, длиннорукого, худощавого негра. Немного помедлив, он начинает разбег. Несмотря на то что описание прыжка Бимона появилось во множестве изданий и принадлежало многим авторам, все они сходятся в главном: подобного им еще не удавалось видеть.

Длинные ноги Бимона, казалось, пожирали пространство. С каждым шагом скорость нарастала. Трудно было уследить за моментом отталкивания. Казалось, что скрывая в земле мощная пружина подбросила спортсмена

вперед-вверх. Траектория полета была так высока, что стоящему неподалеку от ямы для приземления представителю ИААФ А. Паулену, чтобы следить за полетом прыгуна, пришлось буквально задрать голову.

Полет был настолько продолжительным, что легко было наблюдать за всеми его деталями. Вот после толчка Бимон поднял руки вверх в стороны и сделал мах правой ногой, согнутой в колене вперед. Вот он подтянул согнутые ноги к груди, а затем разогнул их, одновременно отведя руки назад. Вот его ноги коснулись песка в самом конце ямы для приземления. Бимон вышел из ямы, а судьи приступили к измерению. На этот раз эта процедура тянулась нестерпимо долго. Наконец, на табло зажглись цифры — 8,90!

Вначале этому никто не поверил. Судейская ошибка или накладка на световом табло. Но цифры не менялись, и тогда раздался гром рукоплесканий. А Бимон опустился на колени и стал целовать землю...

Пришедшие в этот день на олимпийском стадионе в Мехико не сразу поняли, что они присутствуют при величайшем событии в истории олимпийской легкой атлетики. Мало того что Бимон одним прыжком установил и олимпийский и мировой рекорды. Никогда еще новый мировой рекорд не превосходил настолько старый: 8,35 и 8,90. Разница составила 55 сантиметров!

Для того чтобы оценить достижение Бимона, нужно иметь в виду, что по современной таблице оно оценивается в 1189 очков. Чтобы набрать такую сумму очков в беге на 100 метров, нужно пробежать эту дистанцию за 9,7, 200 метров — за 19,4, 5000 метров — 12.52,0, 110 метров с барьерами — 12,4, показать в прыжках в высоту — 2,40.

Как только не называли прыжок Бимона! «Прыжок века», «прыжок в будущее», «прыжок в 21-й век». И все это было справедливо. Впоследствии ни сам Бимон, ни сильнейшие прыгуны мира не могли даже приблизиться к этому результату. Победитель очередных Олимпийских игр в Мюнхене студент Южнокалифорнийского университета Рэнди Уильямс показал лишь 8,24. Единственно примечательным в его выступлении было то, что Рэнди молод. Ему только что исполнилось 19 лет.

А на последней Олимпиаде первым был Арни Робинсон. Тоже черный американец. На этот раз звание олимпийского чемпиона ему принес прыжок на 8,35.

Чем же объясняют специалисты фантастический «прыжок века»? Во-первых, исключительными физическими

данными рекордсмена и, во-вторых, счастливым стечением многих обстоятельств.

Мальчишкой Боб Бимон мыл посуду в одном из захудалых ресторанов негритянского гетто Нью-Йорка — Гарлема.

— Я думал, — сказал он в интервью итальянскому корреспонденту журнала «Оджи», — что стану, как и многие мои друзья, «боем» в каком-нибудь отеле или судомойкой. Чего я мог еще ждать — бедный парень с черной кожей...

Но оказалось, что он бежит быстрее, а прыгает выше и дальше своих сверстников, и в 18 лет он стал чемпионом США среди юношей. Награды победителям вручал Ральф Бостон, который впоследствии опекал Бимона и посвящал во все «тайны» прыжка в длину. За два последних года перед Олимпийскими играми Бимон 10 раз обыграл на соревнованиях своего опекуна.

Но как же ему удалось прыгнуть в Мехико так далеко? Ответить на этот вопрос пытались тренеры, собравшиеся на конференцию, посвященную итогам Олимпиады. Они пришли к парадоксальному выводу, что Бимон все делал... «неправильно». Разбег его никогда не был стабилен, и он отталкивался то правой, то левой ногой. Он то не доходил до бруса, то заступал за него. Во время полета Бимон не умел управлять своим телом. Даже в Мехико пять сделанных им прыжков не походили один на другой. То он держал руки между ногами, то опускал их вдоль туловища.

Но тогда в чем же причина столь фантастического успеха? Прежде всего, в физических данных прыгуна. Его рост 1 метр 91 сантиметр, а вес 70 килограммов. В рекордном прыжке ему удалось достигнуть большой скорости разбега. Если Бостон и Тер-Ованесян в своих рекордных прыжках на 8,35 разбегались со скоростью 10,2—10,4 м/сек, то скорость Бимона достигла 10,7 м/сек. Соответственно больше был у него и угол вылета.

И кроме того, во время прыжка дул небольшой попутный ветер. Удлинил прыжок и разреженный воздух. Добрый десяток сантиметров прибавила тартановая дорожка.

А главное — все удалось Бимону в этом прыжке: и разбег, и точное попадание на планку, и равновесие в полете, и отличное приземление.

НА СТАРТЕ БОГАТЫРИ

Русский человек всегда славился большой физической силой. В представлении народа сила сочеталась со смелостью, решительностью, добротой, способностью к самопожертвованию, стремлением к защите слабого, несправедливо обиженного. Именно такими людьми в былинах и народных сказаниях были богатыри на Древней Руси, такими изобразил их великий русский художник В. М. Васнецов в широко известной картине «Богатыри».

Большой популярностью на народных праздниках пользовались такие «забавы», как поднимание мельничных жерновов, разгибание подков, остановка на всем скаку тройки лошадей, жонглирование гирями, разрывание цепей.

В конце XIX и начале XX столетия полные сборы делали цирковые представления, в которых выступали известные русские борцы-богатыри Заикин, Шемякин, Поддубный. Многие из прославившихся впоследствии атлетов начинали свой спортивный путь в петербургском атлетическом кружке доктора В. Ф. Краевского. Весь мир знал таких русских силачей, как Георг Гакеншмидт, Петр Крылов, Георг Лурих, Сергей Елисеев.

В наше время русские богатыри продолжают удивлять мир своими победами в вольной и классической борьбе, в соревнованиях по поднятию тяжестей. Кто не знает имен советских штангистов Юрия Власова, Леонида Жаботинского, Василия Алексеева, не раз устанавливавших мировые рекорды в самой тяжелой весовой категории.

Но русских богатырей можно увидеть не только на борцовском ковре и помосте для поднятия штанги, но и на стадионах в секторах для метаний. Обычно зрители

Олимпийских игр с восхищением смотрят на богатырей, которые выходят на зеленое поле стадиона для того, чтобы принять участие в соревнованиях по толканию ядра, метанию молота или диска. Они отличаются высоким ростом, мощной мускулатурой, отличным сложением.

Кажется, легкоатлетические снаряды для метаний не столь уж тяжелы: вес ядра и молота 7 килограммов 257 граммов, диска 2 килограмма, а копья и того меньше — всего 800 граммов. Но для того чтобы послать ядро за 22 метра, диск за 70, молот за 75, а копье за 90 метров (таковы примерно границы современных мировых и олимпийских рекордов), нужна огромная физическая сила. Однако одной силы здесь мало. Чтобы сообщить снаряду высокую начальную скорость, нужно молниеносное взрывное усилие. Метателю нужна не просто сила, а, как это принято называть, «быстрая сила».

Копье было известно еще в глубокой древности, когда использовалось как оружие войны и охоты. Спортивным снарядом оно стало в Древней Греции. В наше время после ряда изменений копье превратилось в спортивный снаряд, обладающий высокими планирующими качествами.

Древнегреческим Олимпийским играм обязан своим происхождением и диск. Несколько короче история ядра и молота, появившихся уже в наше время. Оба снаряда представляют собой металлический шар, но у молота к шару прикреплена стальная проволока, заканчивающаяся ручкой для держания. Трудно представить себе, что еще недавно это был обыкновенный кузнечный молот, в бросании которого состязались кузнечные мастера в Шотландии и Ирландии. Лишь постепенно деревянная рукоятка была заменена цепью, а сам молот приобрел круглую форму.

Для метания копья используется сравнительно длинный, постепенно ускоряющийся разбег. Ядро, диск и молот мечут из круга.

Казалось бы, русские богатыри смогут в короткий срок добиться на Олимпийских играх решающего преимущества в толкании ядра, метании диска, молота и копья. Однако на это потребовались долгие годы.

В 1952 году советские легкоатлеты впервые приняли участие в Олимпийских играх. А первую, лишь бронзовую медаль в толкании ядра они сумели завоевать только через 16 лет на Олимпиаде 1968 года. Два места (второе и третье) на пьедестале почета они заняли на последних

Олимпийских играх — в Монреале. В этом же году ленинградец Александр Барышников стал обладателем мирового рекорда в толкании ядра.

Несколько меньше времени советским метателям потребовалось, чтобы завоевать первенство в метании копья. Виктор Цыбуленко стал олимпийским чемпионом в этом виде легкой атлетики на Олимпийских играх 1960 года в Риме, а Янис Лусис победил на Олимпиаде 1968 года в Мехико.

Особенно успешно выступали на Олимпиадах советские метатели молота. Первую золотую олимпийскую медаль принес своей стране Василий Руденков в 1960 году. Затем олимпийскими чемпионами становились Ромуальд Клим в 1964 году и Анатолий Бондарчук в 1972 году. Олимпиада же 1976 года ознаменовалась невиданным успехом русских богатырей: Юрий Седых, Алексей Спиридонов и Анатолий Бондарчук заняли все три места на пьедестале почета.

Исключением стало лишь метание диска, где, обладая в свое время мировым рекордом (61,64 в 1962 году — В. Трусенев), наши метатели ни разу не сумели завоевать олимпийской медали.

К рубежу 22 метра

Перри О'Брайен, сын техника одной из студий Голливуда, жил и учился в Санта-Монике — небольшом курортном городке на побережье Тихого океана, неподалеку от Лос-Анджелеса. Это был атлетически сложенный, молчаливый и скромный юноша. От отца, ирландца по происхождению, он унаследовал высокий рост, широкую грудь, крепкие руки и любовь к спорту.

Чисто ирландская настойчивость и твердость характера позволили ему вскоре стать одним из лучших в колледже игроков в американский футбол. «Ох уж этот Перри!» — говорили товарищи, потирая после игры ушибленные места. В 17 лет он весил свыше 100 килограммов, обладал силой штангиста и скоростью бегуна на короткие дистанции.

В 1949 году О'Брайен был зачислен на первый курс Южнокалифорнийского университета со стипендией игрока в американский футбол, но вскоре он толкнул ядро на 16,42 — великолепный результат для новичка!

Итак, футбол или легкая атлетика? Доходы професси-

онального игрока или скромное положение легкоатлета-любителя? Для того чтобы решить этот вопрос, нужно знать, что такое американский футбол. Две команды игроков, одетых в шлемы и панцири, напоминающие доспехи средневековых рыцарей, становятся друг против друга, по свистку судьи они бросаются вперед. Мяч скрывается под грудой тел. Сломанные руки, поврежденные позвоночники—эти итоги футбольных встреч публикуются во всех газетах, рядом со счетом забитых голов.

Нет, это не для него. Лучше он попробует пробиться в сборную олимпийскую команду США как метатель.

Заслуга в повышении олимпийских и мировых рекордов в метаниях до сих пор принадлежала в основном американским спортсменам. Только дважды, в 1920 и 1936 годах, толкатели ядра из США уступали первое место на олимпийском пьедестале почета представителям других стран. На всех остальных Олимпиадах они получали не только золотую, но нередко серебряную и бронзовую медали, а на Олимпийских играх 1904 года все шесть первых мест в толкании ядра остались за американскими метателями.

На весь мир прославился Ральф Роуз. «Мичиганский гигант», как его называли, весил 125 килограммов, а его рост превышал два метра. Он стал победителем Олимпиады 1904 года в Сент-Луисе, а затем 1908 года в Лондоне. Роуз был первым человеком в мире, перешагнувшим в толкании ядра границу 15 метров. Его мировой рекорд 15,54 не был побит в течение 19 лет.

Впоследствии олимпийскими чемпионами становились американцы Патрик Мак-Дональд (15,34), Кларенс Хоузер (14,99), Джон Кук (15,87), Ли Секстон (16,00). Наконец, на Олимпиаде 1948 года Уилбер Томпсон довел олимпийский рекорд до 17,12. Мировой же рекорд в эти годы принадлежал Джеку Торрансу (17,40). Если Роуз получил прозвище «мичиганского гиганта», то Торранса называли «человеком-горой». Имея двухметровый рост, он весил 135 килограммов!

В 1950 году, когда О'Брайен установил свой рекорд для студентов первого года обучения, мировой рекорд принадлежал его соотечественнику Джиму Фуксу и равнялся 17,95, то есть превышал достижение новичка чуть ли не на полтора метра.

Пройдет всего два года, и Перри О'Брайен станет олимпийским чемпионом. Но он войдет в историю легкой атлетики не только как олимпийский чемпион, но и как

метатель, открывший новую эру в толкании ядра. Обычно толкатели ядра становились в круге для метаний боком по направлению метания и, сделав короткий скачок, выталкивали ядро, стараясь вложить всю свою силу в это движение. Именно О'Брайен задумался над тем, как несовершенна подобная техника. Ему было тесно в двухметровом пространстве круга. Во время короткого скачка он не успевал развить достаточную скорость. Как говорят тренеры, разгон, путь ядра в круге был слишком короток. И он стал искать... Однажды, во время выступления на одном из стадионов Европы, он стал не боком, а спиной к направлению метаний и, сделав длинный скользящий скачок, легко толкнул ядро. К его удивлению, результат оказался превосходным. Так родился новый, более совершенный способ толкания ядра, усовершенствованный последующими поколениями метателей и позволивший улучшить мировой рекорд на несколько метров.

После победы на Олимпиаде в Хельсинки (17,41), в 1953 году на соревнованиях в Калифорнии О'Брайен первым в мире толкает ядро на 18 метров, а в 1956 году накануне Олимпийских игр превышает и следующий, 19-метровый рубеж. На стадионе «Крикет-Граунд» в Мельбурне он вторично становится олимпийским чемпионом.

Американский спортсмен имел преимущество перед другими метателями не только в более совершенной технике. Многие атлеты овладели новым стилем. Перри О'Брайен превосходил своих соперников в умении готовить себя к соревнованиям. Он не имел себе равных в искусстве внутренне собраться перед выполнением толчка, сконцентрировать свою волю на финальном усилии, вложить в это движение максимум быстроты и мощности.

При подготовке к выступлению Перри отвлекается от всего окружающего. Никто и ничто не должно мешать ему выполнить разминку. После разминки он не спеша прогуливается, ни с кем не разговаривая и ни на кого не обращая внимания. «Когда я толкаю ядро, я переносусь в другой мир», — говорит он. Такое поведение на соревнованиях в первое время снискало ему славу неуживчивого, обладающего скверным характером спортсмена. В действительности он скромн и доброжелателен. В этом могли убедиться советские спортсмены, встречавшиеся с О'Брайеном, который приезжал на соревнования в нашу страну.

Умение рационально тренироваться и поддерживать спортивную форму позволило О'Брайену выступить в

толкании ядра еще на двух Олимпийских играх. На Олимпиаде 1960 года он завоевал серебряную медаль, а в 1964 году был четвертым. Впрочем, все имеет свой конец. Закончил свои выступления на стадионах мира и О'Брайен.

Некоторое время олимпийскую славу американских толкателей ядра поддерживали Билл Нидер (рост 191 см, вес 117 кг, лучший результат 20,06), Далас Лонг (рост 195 см, вес 120 кг, лучший результат 20,68), Эл Фейербах (рост 185, вес 114 кг, лучший результат 20,82), Нил Стенхауэр (рост 196 см, вес 120 кг, лучший результат 21,01).

Особенно много сделал для утверждения главенства американцев в толкании ядра Рэнди Матсон, серебряный призер Олимпиады 1964 года и чемпион Олимпийских игр 1968 года. Этот двухметровый гигант жил и учился в Техасе. Американская поговорка говорит: «Все, что растет в Техасе, больших размеров». И действительно, Техас дал миру целую когорту сильных людей, в том числе олимпийских чемпионов.

Родственники Матсона шутили, что уже в детстве вместо игрушек он забавлялся ядром. Во всяком случае, в 12 лет Рэнди обладал силой 18-летнего, а затем стал рекордсменом среди школьников штата по толканию ядра и метанию диска. Уже в 1965 году в США и Европе у него не было соперников. 29 стартов и 29 побед. В их числе серия мировых рекордов. Лучший рекорд Матсона, установленный в 1967 году, равнялся 21 метру 78 сантиметрам. Высокие результаты объяснялись великолепными физическими данными, отличной техникой. Много внимания Матсон уделял силовой подготовке. В первые годы американец уступал в силе многим метателям. «Пока я уступаю в силе даже своим предшественникам О'Брайену и Лонгу,—говорил он.—У О'Брайена бицепс 45 см, а у меня только 40. Лежа я могу выжать 300 фунтов (примерно 135 кг), а Лонг выжимает 400». Впоследствии Рэнди улучшил свои силовые показатели.

Матсон был последним американским олимпийским чемпионом в толкании ядра. В то время, когда он побеждал на Олимпийских играх и устанавливал мировые рекорды, спортсмены Советского Союза и других социалистических стран готовились к наступлению на американские позиции в этом виде легкой атлетики.

К олимпийскому пьедесталу советские метатели двигались сравнительно медленно. Хотя и не перевелись еще

богатыри на Руси, однако освоение техники метаний оказалось совсем не простым делом. У нас не было тех традиций, того опыта, которыми обладали в этом виде легкой атлетики американцы и спортсмены таких европейских стран, как Англия, ФРГ, Финляндия.

В 1932 году, когда олимпийский чемпион американец Л. Секстон толкнул ядро на 16,00, всесоюзный рекорд, принадлежавший Александру Шехтелю, равнялся лишь 13,71. Это отставание несколько сократили Сергей Ляхов, Хейно Липп и Отто Григалка. На Олимпиаде 1952 года, когда О'Брайен завоевал золото с результатом 17,41, участвовавший в финале Григалка занял четвертое место, толкнув ядро на 16,78. Разница с чемпионом составила уже менее одного метра. В 1952—1964 годах О. Григалка, Б. Баляев, В. Липснис, Н. Карасев участвовали во всех олимпийских финалах. Но только в 1968 году в Мехико Эдуард Гуцин завоевал для СССР первую олимпийскую медаль в толкании ядра, правда, только бронзовую. Так был сделан наш первый шаг на олимпийский пьедестал.

Это наступление на американские позиции в толкании ядра поддерживали метатели других социалистических стран. Венгерский атлет В. Варью дважды был чемпионом Европы, а на Олимпиаде 1964 года с результатом 19,39 завоевал бронзовую медаль. Высоких результатов добились поляк Е. Сосгурник, чех Иржи Скобла. Однако подлинной сенсацией стал успех метателей Германской Демократической Республики. Свое наступление они начали в 1968 году, когда Дитер Хоффман, первым среди европейских метателей преодолев границу 20 метров, стал рекордсменом Европы. Вслед за ним его соотечественники Ханс-Йоахим Ротенбург, Уве Грабе, Хартмут Бризеник и Ханс-Петер Гис также преуспели 20-метровый рубеж.

Результаты метателей ГДР не были только «домашними» достижениями. Они стали рекордами Европы, а на состоявшемся в 1969 году матче США—Европа Хоффман и Гис одержали победу над американцами. 12 июня 1971 года метатели ГДР впервые преодолели рубеж 21 метр. Это сделал Бризеник на стадионе «Коммунале» в Турине. Впервые в истории легкой атлетики в 1971 году список сильнейших толкателей ядра мира возглавили не американцы, а спортсмены ГДР. Самым удивительным было то, что в это наступление были вовлечена большая группа одаренных спортсменов.

Судьбе было угодно, чтобы именно в Мюнхене, столице Баварии, где неподалеку расположены бывший нацист-

ский лагерь Дахау и Нюрнберг с его дворцом правосудия, ставшим последним местопребыванием военных преступников, прошли Олимпийские игры 1972 года, которые принесли успех социалистическим странам. Спортсмены 11 социалистических стран составили только 10 процентов всех участников Олимпиады, а завоевали 285 медалей, или 47, 5 процента всех разыгрываемых наград. Значительная часть этих наград пришлось на долю легкоатлетов.

Соревнования в Мюнхене отличались высоким накалом спортивной борьбы. Если на Олимпиаде в Мехико был установлен 21 мировой рекорд, то в Мюнхене 59! Горькое разочарование постигло американских легкоатлетов, которые терпели одну неудачу за другой. Одной из таких неудач было их выступление в толкании ядра.

...Польского метателя Владислава Комара, атлета ростом 196 сантиметров и весом 125 килограммов, до Олимпийских игр в Мюнхене никто не считал серьезным претендентом на чемпионское звание. К этому времени ему исполнилось уже 32 года и в его активе были лишь две бронзовые медали на первенстве Европы. Выступая на Олимпиаде в Токио, с результатом 18,20 он был только девятым, а в Мехико, толкнув ядро на 19,28, лишь шестым. Перед Мюнхеном его соперники показывали более высокие результаты.

Во многом необычен и противоречив был спортивный путь Комара. Мать Владислава Ванда Ясеньская не раз устанавливала рекорды Польши в толкании ядра. Отец прыгал в высоту.

«С самых ранних лет у меня были все возможности для занятий спортом. Каждую свободную минуту я если не бегал с мячом, то лазил по деревьям», — рассказывает Комар.

Спортсмена прибывало к разным «берегам». В детские годы он занимался понемногу всем: фехтованием, плаванием, прыжками в воду, борьбой, но в конце концов остановил свой выбор на боксе, где прошел путь от легкой до тяжелой весовой категории. В последние годы Владислав тренировался под руководством известного во всем мире «папаши» Штамма.

Однако после нокаута от итальянца Мастегини он бросил бокс и начал заниматься легкой атлетикой, где достиг успеха во многих видах. Так, в длину он прыгнул за 7 метров, в высоту — на 1,91, пробежал 100 метров за 11,1, прыгнул с шестом на 3,50 и бросил диск за 50 метров. В итоге он установил юношеский рекорд Польши

в десятиборье — 6595 очков. Но в конце концов остановился на толкании ядра. Началась подготовка к Олимпийским играм в Токио. Вот что рассказывает об этом периоде сам Комар:

«Началась упорная тренировка. Питался в студенческой столовой, снял угол, но не сдавался. Четыре года напряженной работы закончились выступлением на Олимпийских играх в Токио, куда я поехал одним из претендентов на призовое место. Но я не мог тогда завоевать медаль, так как не был в достаточной степени подготовлен».

Остальное известно. Вторая неудача в Мехико, и вот Комар в секторе для толкания ядра на своей третьей Олимпиаде в Мюнхене. Здесь мы увидели его расчетливым, тактически зрелым, хорошо подготовленным метателем. Показав результат 21,18, он стал олимпийским чемпионом. Второе место удалось завоевать американцу Джорджу Вудсу (21,17). Последующие два места достались атлетам ГДР: Хартмуту Бризенику и Хансу-Петеру Гису.

Была ли победа Комара в Мюнхене случайной? До известной степени да. Однако она была и закономерной, так как отражала те изменения в соотношении сил у толкателей ядра, которые произошли за последние годы и привели на высшую ступень пьедестала почета представителей социалистических стран.

В свете этого закономерным можно считать и то, что произошло в 1976 году перед Олимпийскими играми и на Играх в Монреале. Но прежде всего вернемся к богатырям из Советской страны, которые уже давно начали борьбу за мировое первенство в толкании ядра, но не поднимались выше третьей ступеньки олимпийского пьедестала почета.

Неизвестно, как развивались бы события дальше, если б однажды известный ленинградский тренер Виктор Ильич Алексеев не обратил внимание на рослого новичка, который на одном из соревнований неумело, но старательно разминался в секторе для толкания ядра. В этот день новичок не показал хорошего результата, но что-то в его поведении, неумелых пока движениях заставило Алексеева подойти к неизвестному метателю и предложить ему тренироваться у него в ленинградской спортивной школе «Зенит».

Спортивная школа Алексеева была известна не только в Советском Союзе, но и во многих странах мира.

Алексеев, отличавшийся удивительным педагогическим чутьем и глубокими знаниями легкой атлетики, тренер-новатор, пользующийся всеобщей любовью и уважением, до сих пор наиболее успешно воспитывал девушек-метательниц, и в первую очередь толкательниц ядра. Тамара Тышкевич, Галина Зыбина, Надежда Чижова были чемпионками Олимпийских игр, не раз устанавливали мировые рекорды. Что принесет советскому спорту новое содружество замечательного тренера с Александром Барышниковым, так звали рослого новичка, знакомого пока лишь с азами метаний, никто не мог предсказать.

Первые месяцы занятий Алексеева с Барышниковым не были особенно плодотворными. Для повышения силы и быстроты можно воспользоваться проторенной верной дорожкой—до мелочей разработанной методикой работы со штангой, на гимнастических снарядах, современных универсальных тренажерах. Но техника?! Гигант Барышников (а его рост 198 см и вес 122 кг) никак не хотел помещаться в двухметровом круге для толкания ядра. Но если в свое время Перри О'Брайен нашел выход в изменении стартового положения, то Александру Барышникову это не помогало. Его длинные ноги так и норовили выйти из круга, скачок получался коротким, а само финальное усилие выполнялось чуть ли не с места.

Надо было найти способ удлинения пути разгона ядра, исходя из индивидуальных особенностей спортсмена. И Алексеев вспомнил, как однажды он пробовал применить для толкания ядра не скачок, а своеобразные вращательные движения, напоминающие поворот метателя диска.

Первые попытки не дали сколько-нибудь ощутимого результата. Но и тренер и ученик были трудолюбивы и настойчивы. Настал день, когда ядро полетело за 19 метров. Через некоторое время позади остался и 20-метровый рубеж. К сожалению, новый способ, названный Алексеевым вариантом «кругового маха», оказался более сложным, нежели обычный. Его освоение требовало длительной и тщательной тренировочной работы. Пока же успешные толчки чередовались с менее удачными. Но наступило время, когда можно было обнародовать «изобретение» Алексеева. Впервые Барышников продемонстрировал его на международных соревнованиях осенью 1971 года в Румынии, а в 1972 году на матче СССР—ФРГ установил, применяя новый способ, рекорд СССР—20,54!

О Барышникове и его тренере Викторе Ильиче Алексееве писала зарубежная спортивная пресса. В самом деле,

казалось, что все возможности улучшения техники толкания ядра уже исчерпаны, дальнейшие поиски касались только незначительных деталей, методов приобретения «быстрой силы». Здесь же был новый вариант, принципиально иное решение вопроса о том, как добиться лучшего разгона снаряда в круге для метаний. А потом всех интересовало — не противоречит ли вариант «кругового маха» существующим правилам толкания ядра? Противников нововведения нашлось тысячи, а сторонников единицы.

Время дало ответ на все эти вопросы. Во-первых, оказалось, что новый вариант не исключает старый. Он хорош для толкателей ядра высокого роста с длинными конечностями, которым «тесно» в круге. Барышникову стали подражать многие спортсмены, в том числе и американские. Во-вторых, что касается соответствия «кругового маха» правилам, то ИААФ дало «добро» новому способу.

За две недели до начала XXI Олимпийских игр в Монреале советский спортсмен Александр Барышников отобрал у метателей США мировой рекорд в толкании ядра, показав на соревнованиях в Париже результат 22 метра.

Для полного триумфа нужно было только завоевать золотую олимпийскую медаль. Но это было совсем не просто. Во многих видах легкой атлетики, и особенно в метаниях, существует закономерность: мировые рекордсмены редко становятся олимпийскими чемпионами. Обстановка Олимпийских игр не способствует установлению рекордов. Слишком велико волнение их участников, слишком велика ответственность. Подтвердится ли эта закономерность в Монреале с Барышниковым? Такой вопрос задавали себе многие, и прежде всего сам спортсмен и его тренер Алексеев.

Когда в утренних квалификационных соревнованиях Александр Барышников, толкнув ядро на 21,32, установил новый олимпийский рекорд, приехавшие в Монреаль советские болельщики были в восторге.

— Браво, Барышников! Так держать!

В противоположность болельщикам опытные тренеры с сомнением покачивали головами.

Олимпийский рекорд в квалификации?! А ведь это напоминает мировой рекорд прыгуна тройным Джентиле на Олимпиаде в Мехико. Вы помните, чем это кончилось?

...И вот в сектор для толкания ядра на олимпийском

стадионе в Монреале вышли 12 богатырей. Выше всех мировой и теперь олимпийский рекордсмен Александр Барышников. Вместе с ним к основным соревнованиям допущен второй советский атлет, применяющий старый способ толкания ядра, Евгений Миронов. ГДР представляют опытные Х.-П. Гис и Х.-И. Ротенбург, а также мало кому известный новичок Удо Бейер. Среди американцев здесь Э. Фейербах, только в 1976 году потерявший свой рекорд мира, и Д. Вудс. Мощной фигурой выделяется одержавший ряд побед на соревнованиях в Европе англичанин Д. Кэйпс.

Первая попытка Барышникова 20,53. Для начала совсем не плохо. В третьей попытке 21,0. Пока никто не может превзойти советского метателя, но едва ли этот результат будет достаточен для победы. Тем более что он на целый метр хуже его мирового рекорда. Пока все толкают неудачно. Но вот в пятой попытке юный Удо Бейер из ГДР на 5 сантиметров улучшает результат Барышникова. У советского спортсмена есть еще две попытки.

Но Барышников спешит. Что-то мешает ему вернуть ту легкость и вместе с тем мощность движений, которыми еще недавно восхищались французские зрители в Париже. 20,58 в пятой и 0 в шестой попытке. Это проигрыш. Но в пятой попытке Миронов посылает ядро на 21,03. Так они и расположились на пьедестале почета. На верхней ступеньке Удо Бейер, затем Евгений Миронов и Александр Барышников. Их разделили всего 5 сантиметров.

Для Барышникова это была неудача, для Миронова — успех, а для Бейера неожиданная великолепная победа. Собственно, это было хотя и обидно, но справедливо. За Советским Союзом остались мировой и олимпийский рекорды. За ГДР золотая медаль. И те и другие были достойны этих наград. Что касается американцев, то Фейербаху пришлось довольствоваться четвертым, а Вудсу седьмым местами.

Удо Бейер разносторонний спортсмен. Уже в 15 лет увлекался гандболом, метал молот. Он прыгает в длину на 7,25 и в высоту на 1,95. Его тренер — выдающийся специалист Фриц Кюль, в прошлом бывший рекордсмен ГДР в толкании ядра.

«Мне очень хочется успешно выступить на Московской олимпиаде, — говорил Удо Бейер. — Конечно, для этого нужно много трудиться и еще многое познать в толкании ядра. Во всяком случае нужно быть готовым в

любой момент показать результат, по крайней мере, 22 метра». И Бейер доказал, что он готов к этому, установив в июле 1978 года мировой рекорд—22 метра 15 сантиметров.

В роли наблюдателей

В начале апреля 1896 года на мраморном стадионе в Афинах собралось около 80 тысяч зрителей. Долго это было рекордом посещаемости Олимпийских игр. Только в 1936 году стадион в Лос-Анджелесе вместил большее количество любителей спорта.

Не случайно в программу первого дня соревнований было включено метание диска. Диск считался национальным видом спорта, а греческие атлеты—наследниками античных дискоболов.

Сомнений ни у кого не было: золотая медаль достанется греческим дискоболам. И действительно, с первых же бросков они захватили лидерство. Особенно удачно метал рослый Паначиотис Параскевопулос. В одной из попыток его диск опустился на отметке 28 метров 95 сантиметров. Так он лидировал до последней попытки. Многочисленные зрители поддерживали своего любимца аплодисментами и приветственными криками.

Но в последней попытке случилось непредвиденное, 18-летний американский студент отличным броском на 29,15 оставляет позади себя греческих дискоболов и становится первым олимпийским чемпионом в метании диска. Участники соревнований и зрители были ошеломлены. Ведь на родине Гаррета этот вид легкой атлетики не популярен и тренироваться американец начал лишь перед отъездом в Афины.

Победа Гаррета на I Олимпиаде в метании диска открыла целую серию олимпийских успехов спортсменов США в этом виде легкой атлетики. Двойную победу, в 1904 и 1908 годах, одержал Мартин Шеридан. В 1924 и 1928 годах олимпийским чемпионом становится Кларенс Хузер. Ему на смену пришли Джон Андерсон, затем Кеннет Карпентер.

Дискоболы «спустились» с неудобного пьедестала на землю. Они стали метать из круга. Уже на II Олимпийских играх чешский спортсмен Франтишек Ян Сук продемонстрировал новый стиль метания с поворотом. Свою школу метания диска создали финны, затем немцы.

Подобно тому как это произошло в толкании ядра, большую роль в совершенствовании техники метания диска сыграл способ с исходным положением «спиной» к направлению метания. До сих пор идет спор, американцы или итальянцы были изобретателями этого способа. Во всяком случае, славу итальянским дискоболам принес пользующийся этим стилем Адольфо Консолини, преградивший путь спортсменам США к олимпийскому пьедесталу почета на Олимпиаде 1948 года.

Адольфо был бедным крестьянским парнем и с детства узнал тяжелый деревенский труд. Заниматься спортом он начал, когда ему исполнилось 19 лет. В Вероне проводились соревнования для новичков, где он попытался толкнуть ядро. Здесь заметили его превосходные природные данные и в пожарном порядке решили превратить в борца. В поезде по пути на соревнования ему рассказали, что надо взять противника под мышки покрепче и, приподняв, положить на ковер. Консолини так и сделал, но сжал противника так, что повредил ему несколько ребер. Это было концом его борцовской карьеры.

Успешнее пошло метание диска, хотя, для того чтобы все успевать, Консолини ежедневно вставал в 7 часов утра, делал 20-минутную зарядку и шел на работу. Впоследствии мировой рекорд и олимпийская победа сделали его одним из самых популярных людей в Италии.

Но золотая медаль Консолини была лишь эпизодом, который не мог надолго прервать успешные выступления на Олимпийских играх американских дискоболов. Надолго обладателем «золота» на Олимпиадах становится Альфред Ортер. Случай уникальный в истории легкой атлетики — один спортсмен побеждает в метании диска подряд на четырех Олимпиадах. Самое интересное, что в те годы, когда он выступал на Олимпийских играх, на стадионах мира безраздельно властвовали, устанавливая мировые рекорды, такие замечательные дискоболы, как американцы Форчун Гордиен, Ринк Бабка, Джей Сильвестр, поляк Зигмунд Пионтковский.

Ортер ничем не блистал в межолимпийские годы, нередко проигрывал. Но наступал год Олимпиады, и он перерождался. Его тренировка становилась целеустремленной и настойчивой. Его техника снова шлифовалась и оттачивалась до мельчайших деталей. И когда он спокойно и уверенно входил в олимпийский круг для метаний, у его главных конкурентов невольно пробегал мороз по коже, наступал своеобразный нервный шок, который в

истории легкой атлетики приносил столько неудач и разочарований.

...В метании диска в Мельбурне выступали три американских атлета: рекордсмен мира Форчун Гордиен, опытный Дрезмонд Коч и новичок Альфред Ортер. Новичок имел вполне приличные для дискобола данные — рост 192 сантиметра и вес 106 килограммов. Ему только что исполнилось 20 лет, и в олимпийском 1956 году он даже не входил в число претендентов на место в сборной американской команде, готовящейся отправиться на Игры в Мельбурн. Но на отборочных соревнованиях он неожиданно занял второе место (54,44) вслед за Гордиеном (57,21). Этого было достаточно для того, чтобы получить «билет» в Австралию.

Далекый континент, неустойчивая погода, сильные соперники, имеющие большой опыт участия в международных соревнованиях — все это не благоприятствовало Ортеру. Позднее, после соревнований, он скажет корреспондентам: «Я был уверен в победе Гордиена. Ведь он на тренировке метал диск за 60 метров».

На стадионе «Крикет-Граунд» в метании диска участвовало 25 человек из 17 стран. Выполнили квалификационную норму (47 метров) и были допущены к основным соревнованиям 16 человек, и в том числе трое американцев. Все решила первая попытка. Ортер послал диск на 56,36.

«Во время первого своего броска у меня было такое чувство, что рука может оторваться. Большого я уже сделать не мог и только надеялся, что никто не пошлет диск дальше меня».

Так и произошло. Занервничал Гордиен. Стало не ладиться с поворотом у Консолини. В итоге первое место и золотая олимпийская медаль у 20-летнего новичка Ортера. Вторым был Гордиен и третьим — Коч. Пятое место с результатом 52,37 занял советский дискобол Отто Григалка.

В межолимпийском четырехлетии Ортер выступал мало. Окончил колледж и был занят устройством своей судьбы. В предолимпийском сезоне, например, он выступил только 7 раз, но тем не менее выиграл звание чемпиона страны, стал победителем Панамериканских игр и в списке лучших дискоболов мира за 1959 год занял третье место (58,12) вслед за мировым рекордсменом поляком Пионтковским (59,91) и венгром Сеченьи (59,03).

В год Римской олимпиады основными претендентами на

золотые медали в метании диска считались два мировых рекордсмена, имевшие одинаковый результат 59,91,— Пионтковский и Бабка. Но Ортер был хладнокровен и отлично подготовлен для олимпийской борьбы.

Можно себе представить, как важна была для американцев в Риме каждая олимпийская медаль. Ведь здесь они терпели одно поражение за другим и, что особенно важно, в тех видах, где их преимущество еще в недалеком прошлом казалось бесспорным. Из восьми американских спортсменов, ставших чемпионами в Мельбурне, шестеро приехали в Рим. Среди них был и Ортер. Снова же олимпийскими победителями стали лишь трое—Отис Дэвис, Ли Кэлхаун и Альфред Ортер.

Выиграть золотую олимпийскую медаль в Риме было труднее, нежели в Мельбурне. Во-первых, увеличился с 47 до 52 метров проходной балл на основные соревнования. Во-вторых, выросло число участников. Если в Мельбурне их было 25, то теперь стало 35.

И все же Ортер оказался сильнее всех и на этой Олимпиаде. Правда, ему не удалось одержать победу первым броском. До пятой попытки вел Бабка с результатом 58,05. Но пятым броском Ортер послал диск на 59,18. Это был и победный бросок, и новый олимпийский рекорд.

И снова советские дискоболы оставались в роли наблюдателей. Правда, и на этот раз им удалось пробиться в финал, но лучший из них В. Компанеец оказался в итоге на шестом месте.

Что делал Ортер в последующие четыре года? В первый год он отдыхал: ведь нельзя считать за активную спортивную деятельность участие в четырех соревнованиях. Зато в следующие годы он включился в погоню за мировым рекордом в метании диска. Впервые он стал рекордсменом мира 18 мая 1962 года, однако всего на две недели, так как это звание у него отобрал советский атлет Владимир Трусенов, которого, кстати, готовил к рекорду Алексеев. Ортер продолжал улучшать свои результаты, а заодно и мировые рекорды. В 1964 году его рекорд достиг 62 метров 94 сантиметров, но, казалось, унес все шансы на третью олимпийскую медаль. Ортер серьезно повредил мышцы шеи и спины.

И все-таки он решил выступать в Токио. Все удивлялось воле спортсмена, но никто не верил в его успех. Незадолго до Олимпиады Ортер провел несколько дней в постели, а на разминку вышел с повязкой, туго стягива-

ющей шею и позвоночник. Что мог противопоставить этот полуинвалид восходящей звезде чехословацкого спорта Людвигу Данеку, установившему недавно мировой рекорд 64,55? Было видно, что каждый бросок доставляет ему мучительную боль. Как и ожидалось, лидерство захватил Данек и удерживал его до пятой попытки. Перед пятой попыткой Ортер снял корсет, и диск улетел на 61 метр. Шестой раз Ортер был уже не в состоянии метать. Но это оказалось ненужным. Американец получил свою третью золотую медаль.

«Ну уж теперь Ортер успокоится. Три золотых олимпийских медали — это великий подвиг! Было бы более чем легкомысленным думать о четвертой» — так думали тренеры и спортсмены. Так писали спортивные журналисты. Но не так считал сам Ортер, собираясь на свою четвертую Олимпиаду в Мехико. Конечно, эту его «авантюру», как утверждали специалисты, никто не принимал всерьез. Во-первых, очень силен был Сильвестр, установивший мировой рекорд 68,40. Во-вторых, на первенстве США Ортер с трудом занял второе место за Сильвестром со слабым результатом 59,28. И наконец, в-третьих, еще никто в истории легкой атлетики не побеждал на Олимпийских играх столько раз подряд, даже в те времена, когда конкуренция на Олимпиадах не была такой суровой.

На этот раз норматив для участия в основных соревнованиях достиг 58 метров! Погода не благоприятствовала спортсменам. Во время соревнований начался дождь. Победить могли только самые сильные и самые опытные. И таким вопреки всем прогнозам оказался Альфред Ортер. Единственный из всех участников он послал диск за 64 метра и сделал это трижды. Олимпийское золото принес результат 64,78, показанный в третьей попытке.

Давая интервью многочисленным журналистам, Ортер был сдержан и сказал только о погоде:

«Во время соревнований мне трижды пришлось менять технику метания диска. Два броска я совершил при отличной погоде, два — под дождем и два после дождя. Видимо, мои соперники не сумели приспособиться к капризам погоды». Естественно, что перед Олимпийскими играми 1972 года в Мюнхене корреспонденты поинтересовались планами Ортера. Кто знает, а вдруг этот кудесник появится в круге для метаний на своих пятых Олимпийских играх. Ортер был вынужден разочаровать корреспондентов. Он сказал:

«Впервые приближение Олимпийских игр не вызывает

во мне привычного волнения. Впервые я не испытываю желания участвовать в Олимпиаде. Время идет, а я хочу быть прежде всего хорошим отцом (у Ортера две дочери). Я не прикасался к диску уже давно и не испытываю желания снова взять его в руки. Несомненно, что я желал бы победы своим соотечественникам—Сильвестру или Воллмеру, но если победа достанется представителю другой страны, то я надеюсь, что это будет Данек. Он всегда был моим другом и заслуживает золотой медали».

Ортер был опытным дискоболом. Он не мог не понимать, что наступление на позиции американской легкой атлетики спортсменов социалистических стран не обойдет стороной и метания диска. Уже на Олимпиаде 1964 года вторым за Ортером был Данек. В 1968 году чешский метатель занял третье место, а на второе вышел представитель ГДР Лотар Мильде. Мировыми рекордами владели Зигмунд Пионтковский, Владимир Трусенов и дважды Людвик Данек.

Не надо было быть специалистом, чтобы видеть— неизбежно наступит момент, когда рухнет не только мировой, но и олимпийский рекорд, принадлежащий пока американцам. И этот момент наступил на Олимпийских играх в Мюнхене.

Впрочем, для того чтобы понять, что произошло в Мюнхене, нужно вернуться на несколько лет назад и рассказать о двух спортсменах, с которыми пришлось встретиться Данеку в Мюнхене и к которым долгое время было приковано внимание любителей легкой атлетики во всем мире. Это американец Джей Сильвестр (рост 191 см и вес 117 кг), в 1961 году установивший свой первый мировой рекорд и в течение многих лет не имевший себе равных на стадионах мира, и Риккард Брух—гигант, при росте 199 сантиметров достигавший веса 132 килограмма! В мировой таблицы о рангах Брух был дискоболом № 2.

В истории метания диска известны спортсмены, с именами которых связано преодоление определенных рубежей. Первый такой рубеж—40 метров впервые был преодолен в 1902 году французом А. Айнаром. 50-метровый рубеж в 1930 году американцем Э. Кренцом. Понадобилось более 30 лет, чтобы пройти очередные 10 метров. Это сделал в 1961 году Джей Сильвестр. И вот только через 10 лет был достигнут следующий, 70-метровый рубеж. В этом заслуга спортсменов, о которых мы сейчас рассказываем,—Сильвестра и Бруха.

В течение многих лет шла напряженная борьба за

первенство в метании диска между американцем и шведом. В этой борьбе было много драматичного и... курьезного.

Если Сильвестр был «думающим», работоспособным, умеющим готовиться к соревнованиям атлетом, то шведский гигант, который был бесспорно талантлив, порой пренебрегал режимом, регулярными тренировками, пытаясь компенсировать эти недостатки своим темпераментом. Поведение Бруха было рассчитано на то, чтобы произвести впечатление на зрителей, стать очередной сенсацией для репортеров. Так, на первенстве Европы 1969 года в Афинах он решил выступать не только в метании диска, но и в толкании ядра и вышел на сектор, вызвав общий смех. На его голове красовался котелок, шея была повязана платком. Вместо разминки он проплясал на дорожке рок-н-ролл. На следующий день местная газета писала: «Бородатая махина весом в 120 кг порядком повеселила публику. Швед Рикки Брух, проглотив два литра молока, пытался нокаутировать толкателей ядра. Но молоко помогло ему мало».

Сенсационным был «матч» по метанию диска Бруха и Сильвестра в 1970 и 1971 годах. В итоге многочисленных встреч победа осталась за Сильвестром. После этого Брух предложил своему противнику соревноваться в толкании бревна, но и тут потерпел поражение. После этого он стал каждое утро взбегать на третий этаж со 130-килограммовой штангой на плечах. И вот с такими противниками пришлось встретиться далеко не молодому Данеку на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене.

Данек, рост и вес которого немногим уступал показателям Бруха (рост 194 см и вес 125 кг), вырос в маленькой деревушке Горжице севернее Брно. Среди ребятишек он был первым в беге, метании камней, ходьбе на лыжах. Долгие годы шел Данек к спортивному Олимпу. Если юношеский рекорд области в метании диска он установил в 1959 году, то мировой рекорд только в 1964 году. Первое его выступление на Олимпийских играх состоялось в том же 1964 году и завершилось завоеванием серебряной медали. На Олимпиаде 1968 года Данек был третьим. И вот теперь в Мюнхене он имеет, пожалуй, последний шанс в борьбе за золотую медаль.

Времена изменились, и здесь для победы нужен бросок, намного превышающий 60 метров. Джей Сильвестр, который на двух последних Олимпиадах оставался в тени Ортера, был полон желания подняться на этот раз на высшую ступень пьедестала почета. Участвовал в состяза-

ниях и Риккард Брух, полный самых честолобивых намерений.

Почти у всех участников финала снаряд летит за 60 метров. О накале борьбы можно судить хотя бы по тому, что лидеры непрерывно меняются. Сперва венгр Г. Фейер, затем американец Д. Пауэлл и, наконец, Сильвестр. Кажется, что именно ему достанется золотая медаль, но в последней попытке Данек посылает диск на 64,40 и становится олимпийским чемпионом. Джею Сильвестру и Риккарду Бруху пришлось довольствоваться серебряной и бронзовой медалями.

Так впервые представителем социалистической страны была завоевана высшая олимпийская награда. К сожалению, советские дискоболы вынуждены были снова оставаться в роли наблюдателей.

Трое на пьедестале

Да, неустойчива погода в Мельбурне. После неожиданных холодов, когда приехавшие сюда на Олимпийские игры спортсмены дрожали в своих одноэтажных и двухэтажных домиках олимпийской деревни, наступила жара. Да такая, что на торжественном открытии Олимпиады было зарегистрировано более 200 случаев теплового и солнечного ударов.

Превратности климата спортсмены испытывали на себе и во время соревнований. Сильный ветер и жара свыше 30 градусов сопровождали выступление метателей молота. Добавьте к этому постоянный гул голосов и крики сотен тысяч зрителей, собравшихся посмотреть на схватку двух сильнейших метателей мира: американца Гарольда Коннолли и советского спортсмена Михаила Кривоносова. Конечно, в такой обстановке вопрос о победе решало не только спортивное мастерство, но и хладнокровие, воля, расчетливость.

Почему же с таким нетерпением зрители ждали выступления Коннолли и Кривоносова? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться к прошлому.

Метание молота было неизвестно древним грекам. Мы уже рассказывали о том, что как народный вид спорта оно было распространено среди горных племен Ирландии и Шотландии. Недаром большинство сильнейших метателей молота конца XIX и начала XX века были ирландцами по происхождению. После того как в 1900 году молот был

включен в программу Олимпийских игр, победу на трех Олимпиадах одерживал натурализовавшийся в Америке ирландец Джон Патрик Фланаган. Затем на высшую ступеньку олимпийского пьедестала почета поднимались его соотечественники Мэтью Мак Грат, Патрик Райан, Патрик О'Кэллаган. После этого мировые и олимпийские рекорды надолго переходят во владение метателей Европы.

Объяснялось это двумя причинами. Во-первых, молот не приобрел популярности в США и наравне с бегом на длинные дистанции не включался в программу университетских соревнований. А во-вторых, европейцы предложили более совершенную технику.

Прикрепленный к длинной ручке металлический шар молота, который раскручивает метатель, развивает огромную центробежную силу порядка 300 килограммов. Для того чтобы противостоять этой тяге, спортсмен должен иметь значительный вес и обладать большой силой. Первые олимпийские чемпионы в метании молота были огромными (О'Кэллаган весил 120 кг), но сравнительно медлительными людьми. Европейцы увеличили скорость вращения в круге и прибавили к двум поворотам третий. Вот почему обладателями олимпийских, а затем и мировых рекордов стали сперва немецкие, а затем венгерские спортсмены. Именно у венгров Имре Немета, Йозефа Чермака учились первые советские метатели молота.

Но, как это нередко бывает, вскоре ученики превзошли своих учителей, и довелось это сделать белорусскому богатырю Михаилу Кривоносову, в 1954 году впервые установившему мировой рекорд — 63 метра 34 сантиметра.

Почему это удалось именно белорусскому спортсмену? Почему метатели молота следующего поколения также начали свой спортивный путь в Белоруссии? Произошло это потому, что советская «школа» метания молота свои первые шаги сделала именно в этой республике. Здесь жил и трудился тренер-умелец, экспериментатор, который, подобно Алексею, воспитывавшему в Ленинграде великолепных, заслуживших мировое признание толкательниц ядра, готовил в Белоруссии претендентов на олимпийские медали в метании молота. Этим тренером был преподаватель Минского института физической культуры Евгений Михайлович Шукевич. Именно у него начал тренироваться в 1948 году Михаил Кривоносов.

У нас есть немало тренеров, умеющих в пожарном порядке подготовить своих учеников к выполнению треть-

его, в лучшем случае, второго разряда спортивной классификации. Но наступает момент, когда тренеру и его ученику приходится бороться уже не за метры, а за сантиметры, готовиться не к выполнению нормативов второго разряда, а к завоеванию рекордов. На этом этапе экзамен выдерживают лишь немногие тренеры. Те, кто способен к филигранной работе по улучшению техники, к поискам ее лучшего варианта, к умелому использованию передовых методов тренировки, изучению опыта сильнейших спортсменов мира.

Этим требованиям отвечал Евгений Шукевич. Тщательный анализ кинограмм, наблюдения за приглашенным в Советский Союз венгерским метателем Неметом, консультации на кафедре теоретической механики Минского политехнического института, сравнение движений метателя с вращениями в фигурном катании и балете—эта потребовавшая многих лет работа позволила Шукевичу решить ряд важнейших вопросов скорости поворотов, определенных оптимального угла выпуска снаряда, пути движения молота в поворотах.

Под руководством Шукевича Михаил Кривоносов проходит трудный путь от новичка до рекордсмена мира. В 1952 году он получает первый опыт участия в ответственных международных соревнованиях на Олимпиаде в Хельсинки. Его выступление неудачно. Но приобретен опыт, устойчивой стала техника, и Кривоносов устанавливает серию мировых рекордов. Кажется, ничто не может помешать ему в завоевании золотой олимпийской медали в 1956 году в Мельбурне, если бы не американский спортсмен Гарольд Коннолли.

Окончивший Бостонский колледж, преподаватель истории Гарольд Винсент Коннолли имел все данные для того, чтобы достичь вершин спортивного мастерства. При росте 184 сантиметра и весе 105 килограммов он был быстр, подвижен, обладал великолепной координацией движений. Заниматься метанием молота ему не могла помешать даже травмированная левая рука, которая на несколько сантиметров короче правой.

Учиться метанию в США не у кого, и Коннолли едет в Европу, где берет «уроки» у немца К. Шторха и венгра И. Немета. Вернувшись в Америку, он продолжает совершенствоваться в метании молота. Упорство, умение вести себя на соревнованиях, успешно используя каждую попытку, приносят ему сперва национальный, а затем и мировой рекорды. Но главным препятствием на пути к

золотой олимпийской медали для него остается Михаил Кривоносов. Заочная дуэль между двумя этими спортсменами начинается за несколько месяцев до Олимпиады. Кривоносов устанавливает мировой рекорд—66,38. На это Коннолли отвечает результатом 66,71. Кривоносов посылает молот на 67,32. Коннолли за несколько дней до Олимпиады улучшает мировой рекорд до 68,54.

И вот теперь очная встреча, за которой с таким интересом наблюдают зрители, собравшиеся на олимпийском стадионе в Мельбурне.

Из 22 участников квалификационную норму 54 метра выполнили 15 человек. Как известно, в основных соревнованиях каждый имеет три попытки. Лучшим (финалистом) предоставляется право на три дополнительных финальных броска.

Так как соревнования проходят при сильном ветре, иссушающей жаре и неумолчных криках десятков тысяч зрителей, то естественно, что результаты метателей далеки от рекордных. В трех первых попытках лучшее достижение у Кривоносова—63,03. Вторым идет Коннолли—62,65. Но остается еще три броска.

Для первой финальной попытки в круг, огороженный с трех сторон сеткой, входит Михаил Кривоносов. А что, если немного увеличить скорость поворотов? Два предварительных вращения молота над головой, и вот, постепенно наращивая скорость, метатель, вращающийся вместе с молотом, как бы ввинчивается в тесное пространство круга. Но слишком велика центробежная сила молота, улетаая, он увлекает за собой Кривоносова, который, несмотря на все усилия, не может удержаться в круге. Остается две попытки. В следующей Кривоносов снова вылетает из круга. А Коннолли, всегда отличавшийся спокойствием и выдержкой, в предпоследней попытке посылает молот на 16 сантиметров дальше Кривоносова.

Советский спортсмен начинает последнюю попытку. Но во время вращения молот касается земли—бросок не засчитан. Побеждает американец. У Кривоносова серебряная медаль. На третье место вышел второй советский спортсмен Анатолий Самоцветов. Счастливый Коннолли увез из Мельбурна не только золотую медаль, но и... жену. Ею стала чехословацкая метательница диска олимпийская чемпионка Ольга Фикотова. Что делать? Ведь бывает же любовь с первого взгляда.

Следующие Олимпийские игры 1960 года в Риме. Что может быть торжественнее, праздничнее открытия этих

соревнований, будь то солнечные Афины или туманный Лондон, далекий Мельбурн или древний Рим. Здесь в «вечном городе» на берегах Тибра открытие Игр было особенно шумным и праздничным. Во многом это объяснялось неумным темпераментом итальянских зрителей. Но не меньший шум создавали многочисленные военные оркестры, нависшие над стадионом вертолеты.

Еще больше шума и веселья вызвал комический эпизод в начале церемонии открытия. Когда трибуны с нетерпением ждали факелоносца, на дорожке стадиона появился «бегун», преследуемый полицейскими. Под общий смех «факелоносец» скрылся на трибунах. Оказалось, что это итальянский студент, заключивший пари, что он бесплатно проникнет на стадион...

Когда появился настоящий факелоносец, вспыхнул олимпийский огонь и над стадионом взвился флаг с пятью переплетенными кольцами, на трибуну поднялся Адольфо Консолини. Произнесение олимпийской клятвы было доверено метателю. Естественно, что приехавшие сюда толкатели ядра, метатели диска, молота и копья посчитали это за хорошее предзнаменование.

Не был исключением и Гарольд Коннолли, который сумел в течение четырех лет не только удержать за собой мировой рекорд в метании молота, но и улучшить его до 70,33. Теперь он твердо рассчитывал на вторую золотую олимпийскую медаль.

На этот раз почетная обязанность бороться с Коннолли была доверена Василию Руденкову, начавшему свой спортивный путь также в Минске, где он служил в армии, прошедшему школу Е. Шукевича, а затем шлифовавшему свое мастерство у опытного московского тренера Леонида Митропольского. Ему много дали совместные тренировки с Михаилом Кривоносовым.

Со спортом Руденков впервые познакомился в ремесленном училище Жлобина, белорусского городка, где он родился и вырос. В 1947 году, выступая за свое училище, он впервые взял в руки молот. Но тогда не он бросал молот, а тяжелый снаряд швырял его в круге из стороны в сторону.

К Олимпийским играм в Риме Руденков был уже опытным метателем. Особенно высоки были его силовые показатели: при росте 185 сантиметров и весе 102 килограмма он выжимал штангу весом 130 килограммов, вырывал 135 килограммов, толкал 165 килограммов и приседал с весом 250 килограммов. При такой силе молот казался

ему игрушкой, и он легко справлялся с коварным снаряжением.

Вот и здесь в Риме, разыскав штангу, Руденков пользовался каждой свободной минутой, чтобы выполнить жим или толчок. «Неистовый Василий», как называли Руденкова, по праву заслужил это прозвище. Редко кто с таким вдохновением, с такой страстью тренировался и выступал на соревнованиях.

В Риме запасной разминочный стадион был соединен с основным, олимпийским, где проходили соревнования, 100-метровым туннелем. Это было мудро. Разгоряченные разминкой атлеты на этом 100-метровом пути могли «остыть», сосредоточиться, даже на короткое время отвлечься от предстоящего выступления. Руденков ни на минуту не переставал думать о той цели, которую он поставил перед собой,—победить! Огромный запас нервной и физической энергии переполнял этого сильного, уверенного в себе человека.

Несмотря на уверенность в победе, Коннолли вошел в туннель, озабоченный не совсем приятными размышлениями. Две недели назад он попробовал внести казавшиеся ему необходимыми поправки в свою технику метания молота и сейчас не уверен—удался ли ему этот эксперимент. Привычно побаливала спина, поврежденная несколько лет назад на тренировке. А потом такая обидная мелочь, как дурацкие порядки в олимпийской деревне, помешавшие ему перед соревнованиями повидаться с женой! Коннолли усмехается, вспомнив строгую охрану женского корпуса и ограду, высотой 2 метра 40 сантиметров, через которую можно, пожалуй, перебросить только цветы.

В квалификационных соревнованиях Руденков устанавливает новый олимпийский рекорд—67,03. Что это—ошибка, не раз приводившая спортсменов к поражению, или уверенность в своих силах?

Уже в первой попытке основных соревнований Руденков посылает снаряд за 65 метров. Он бесспорный фаворит. Результат 67,10, показанный в третьей попытке, приносит ему золотую олимпийскую медаль. Вторым был венгр Дьюла Живоцки и третьим поляк Тадеуш Рут. А что же Коннолли? Он занял только восьмое место.

Невиданный прежде успех советских метателей! Из 7 видов метаний (4 у мужчин и 3 у женщин) советские спортсмены выиграли пять. Чемпионом Олимпиады в метании копья стал Виктор Цыбуленко. Нина Пономаре-

ва, Эльвира Озолина и Тамара Пресс победили в метании диска, копья и толкании ядра.

...Итак, от серебряной медали Михаила Кривоносова в Мельбурне к золотой медали Руденкова в Риме. Насколько прочно олимпийское первенство советских богатырей в метании молота? На Олимпийские игры 1964 года в Токио защищать честь советских «молотобойцев» приезжает снова спортсмен из Белоруссии, прошедший школу Шукевича, 30-летний Ромуальд Клим.

Удивительна судьба этого спортсмена. Мальчишка из белорусской деревни Хвостово, сын партизанского связного, мечтал о море и дальних странах и с путевкой райкома комсомола в мореходное училище проездом очутился в Минске. И здесь его судьбу решило... морозное.

«Что я видел до тех пор?— рассказывает Клим.— Всю жизнь прожил в деревне, а тут попал в город, да еще кое с какими деньгами в кармане. Мороженого никогда не пробовал. Умял не меньше килограмма. Конечно, заболел. И прощай, море...»

После жесточайшей ангины Клим остается в Минске и, поступив в Институт физкультуры, оказывается в группе Шукевича. Выполняет второй разряд, первый, становится мастером спорта, но чуточку недотягивает до права попасть в сборную команду страны.

Тем временем он оканчивает институт, женится и работает сперва в Горках близ Орши, затем в Витебске. Выросла семья. Сперва родилась Инесса, а потом близнецы Артур и Ромуальд (простим Климу его приверженность к звучным именам). Какие уж тут рекорды.

Но в Витебск переезжает Шукевич. Как не воспользоваться случаем, не вспомнить старое? И Клим снова тренируется. Бывает так, что у спортсмена, несмотря на его возраст, как бы открывается второе дыхание. 1963 год отмечен серией его блестящих достижений. Но руководители легкоатлетической сборной непреклонны. Какое будущее может быть у атлета, подошедшего к своему 30-летию? Понадобился показанный в 1964 году результат— 69,67, превышающий всесоюзный рекорд, чтобы завоевать право на выступление в Токио и сразиться там с Коннолли и Живоцки, с которыми встречались еще его предшественники— Кривоносов и Руденков.

Трудно представить себе массивного и медлительного в жизни Клима в этой великой тесноте и суете Токио, среди подвижных, невысоких японцев. На него с интересом

смотрят прохожие, а когда узнают, что перед ними русский, то непременно протягивают блокнотик для автографа. Ведь в Японии велик интерес ко всему русскому — русскому балету, русской литературе. В университете изучают Пушкина и Шолохова. В спортивных залах просматривают кинокольцовки, показывающие искусную работу советских гимнастов.

Токио можно осматривать в дневные часы, пройти по широкой магистрали и широким улицам около олимпийских объектов, для строительства которых потребовалось снести более 5 тысяч домов. Но нельзя показаться на центральные улицы в часы «пик», когда автомобили движутся сплошным потоком со скоростью пешехода, а пешеходы дышат друг другу в затылок и заполняют тротуары сплошной, туго спрессованной толпой.

Соревнования по метанию молота начались с сенсации. Коннолли выполнил квалификационный норматив только в третьей попытке — 66,65. Этот результат он не сумел улучшить в основных соревнованиях и остался на шестом месте.

Климу пришлось вести борьбу с Живоцки и Бейером. В первых трех попытках с результатом 69,09 первым был Живоцки, но все решила первая финальная попытка. Клим посылает молот на 69,74 и становится чемпионом.

Предсказания скептиков о том, что выступление Клима в Токио будет «последней вспышкой», не оправдались. Он продолжает не только выступать, но и побеждать. Во всех последующих встречах с рекордсменом мира Дьюлой Живоцки впереди белорусский спортсмен. А в 1969 году он устанавливает мировой рекорд 74,52. Единственная победа Живоцки над Климом в 1968 году на Олимпиаде в Мехико принесла венгерскому спортсмену золотую медаль. 73,36 и 73,28: всего 8 сантиметров. На своих вторых Играх Клим вынужден был довольствоваться серебряной медалью.

16 лет прошло с того дня, когда советские атлеты впервые приняли участие в Олимпийских играх. За эти годы метатели молота принесли своей стране две золотых, две серебряных и одну бронзовую медаль. Такого успеха не имела ни одна страна. Советская школа метания молота оправдала себя. Великолепных метателей стали воспитывать тренеры не только Минска, но и других городов Советского Союза, и прежде всего Украины. Подтверждением тому стали Олимпийские игры 1972 года в Мюнхене и 1976 года в Монреале.

...Как-то незаметно центр тяжести подготовки метателей молота в Советском Союзе переместился из Белоруссии на Украину. Расцвет метания молота в Киеве был связан с именем одного из патриархов украинской легкой атлетики, метателя в прошлом, а ныне преподавателя Киевского института физкультуры Николая Ивановича Выставкина. Этот рано поседевший человек сумел до преклонного возраста сохранить и физическую силу, и молодой задор, и горячую увлеченность своими видами легкой атлетики — метаниями. На одном из соревнований Выставкаин заметил Анатолия Бондарчука, юношу из деревни Старо-Константиново Хмельницкой области, обладающего всеми данными для метателя молота. Не случайно, очевидно, что выдающиеся метатели, как правило, рождаются и проводят детство в сельской местности. Свежий воздух, простая здоровая пища, физический труд с детства — эти условия способствуют появлению метателей-богатырей.

Бондарчук начал заниматься метанием молота сравнительно поздно, в 24 года, но за несколько лет вышел на уровень результатов, близких к рекордным. В 1969 году он впервые выиграл соревнования у олимпийского чемпиона Ромуальда Климса, а затем на 16 сантиметров превысил мировой рекорд своего старшего товарища. Естественно, что он был включен в состав сборной олимпийской команды страны.

Вы, наверное, обратили внимание, что на Олимпийских играх наших дней победы одерживаются в упорной борьбе между многими спортсменами и победитель, как правило, побеждает лишь с незначительным преимуществом. Прошли те времена, когда чемпионы Олимпиад опережали своих соперников в беге чуть ли не на круг, в прыжках — на десятки сантиметров, в метаниях — на несколько метров. Это значит, что теперь совершенная техника, рациональная методика подготовки стали достоянием спортсменов и тренеров многих стран.

Вот и в 1972 году в Мюнхене в сектор для метания молота вышли примерно равные по силам атлеты. На золотую медаль, кроме Бондарчука, могли рассчитывать и известный нам Д. Живоцкий, и У. Бейер из ФРГ, и И. Заксе из ГДР.

Но Бондарчуку на этот раз удалась тактика «первого удара». Надо отметить, что в Мюнхене этой тактикой успешно воспользовались многие участники. Именно так одержали победы Владислав Комар и Надежда Чижова в

толкании ядра, Хейде Розендал в прыжках в длину, Виктор Санеев в тройном прыжке.

Что касается метания молота, то здесь Бондарчук в первой попытке основных соревнований послал снаряд на 75 метров 50 сантиметров. Это новый олимпийский рекорд. Превзойти его не смог ни один из участников соревнований...

Итак, еще одна золотая олимпийская медаль советских спортсменов в метании молота. Такое длительное преимущество в каком-либо виде легкой атлетики необычно для современного спорта. Тем более что в следующее меж-олимпийское четырехлетие мировой рекорд перешел во владение метателей из Федеративной Республики Германии. В 1975 году военнослужащий из ФРГ Карл Ханс Рим установил мировой рекорд — 78,50. Затем Вальтер Шмидт послал снаряд на 79,30. Феноменальный результат! Почти достигнут фантастический рубеж восьмидесяти метров.

Было бы ошибкой думать, что советские метатели молота пали духом и сложили оружие. На Олимпиаду 1976 года в Монреале приехали трое советских «молотобойцев». Это были украинцы Анатолий Бондарчук и Юрий Седых и ленинградец Алексей Спиридонов. Здесь были и уверенные в своих силах рекордсмены и экс-рекордсмены мира Шмидт и Рим, которым все предсказывали победу.

Но случилось невероятное. То, чего никто не мог предполагать, и то, что отныне яркой страницей войдет в летопись современных Олимпийских игр.

Условия соревнований в Монреале напоминали обстановку в Мельбурне. Жара в 35 градусов. Высокие трибуны и козырек над ними и беговой дорожкой мешали проникновению на стадион ветра и свежего воздуха. Здесь, в этой духоте, нужно было обладать особой выносливостью.

В квалификационных соревнованиях особенно эффективно выглядели метатели из ФРГ и ГДР. Как известно, перед основными соревнованиями метателям предоставляются пробные попытки, в которых осуществляется «настрой» на соревнования. Здесь важно не растратить преждевременно свои силы, но приобрести состояние «высшей мобилизационной готовности». Немецкие рекордсмены допустили ошибку. Они выполняли пробные попытки на околопредельных и предельных усилиях. Особенно отличался Рим. Он вращался с такой молодецкой удалью, пущенный им молот летел так далеко, что на трибунах то и дело раздавались аплодисменты. Но куда

делась эта удаля на основных соревнованиях? А ведь Рим имел преимущество — он метал последним.

Результаты первой попытки были поразительны. Все три советских богатыря послали снаряд за 75 метров. Легкомысленная растрата сил подвела зарубежных метателей. В итоге три первых места заняли Седых — 77,52, Спиридонов — 76,08, Бондарчук — 75,48.

В метании молота подобный подвиг был совершен более 70 лет назад на III Олимпийских играх 1904 года, когда на пьедестал почета поднялись три представителя США. Но ведь в те годы другие страны почти не знали этого вида легкой атлетики. Небезынтересно сравнить результаты призеров 1904 и 1976 годов. Тогда Д. Фланган, Д. де Уит и Р. Роуз бросили молот на 51,23; 50,26 и 45,73. Нетрудно высчитать, что за семидесятилетие результаты выросли более чем на 25 метров!

Чем еще примечателен этот подвиг советских богатырей? Тем, что в нем участвовали тренер и его ученик. Тренером и кандидатом педагогических наук к этому времени стал Анатолий Бондарчук. А его учеником, которого он привел на высшую ступень олимпийского пьедестала почета, был Юрий Седых, ученик и конкурент, который на 15 лет моложе своего учителя.

Против ветра

Удивительный снаряд копье. Ни один спортивный снаряд не совершает над стадионом столь дальний полет, как этот длинный, с заостренным наконечником деревянный или металлический дротик. 70-метровый рубеж преодолели в метании диска олимпийские чемпионы. За 80 метров летит круглый шар молота. В метании же копья давно позади осталась граница 90 метров. На очереди новая круглая цифра — 100! И нет сомнений, что недалеко то время, когда в таблице мировых рекордов в строчке, где написано короткое слово «копье» появится трехзначная цифра.

Но копье не только наиболее далеко летящий, но и самый капризный спортивный снаряд. Малейшая неточность в разбеге, в предварительных движениях и финальном усилии, и копье или, задрав «нос», устремляется вверх, или неожиданно ныряет вниз, на много метров обкрадывая возможный результат. Специалисты говорят в таких случаях: «не попал в ось копья».

Ветер и копье. На эту тему можно было бы написать солидное исследование. Совсем по-разному ведет себя копье при встречном, боковом или попутном ветре. Попробуй угадай, под каким углом к горизонту нужно послать этот капризный снаряд на том или ином соревновании, при той или иной погоде. Не раз и не два делались попытки изучить поведение диковинного снаряда в аэродинамической трубе. Очевидно, они будут продолжены. Во всяком случае уже сейчас удалось установить, что иногда при определенных условиях способствовать более длительному полету копья может и встречный порыв ветра.

А возьмите форму копья. Казалось бы, какую роль может играть толщина древка, более или менее заостренный наконечник. Однако, как это мы увидим впоследствии, оказалось, что незначительные изменения параметров снаряда существенно влияют на характер и дальность его полета. Наконец, копье не только самый стремительный и капризный, но и наиболее древний легкоатлетический снаряд.

Если происхождение толкания ядра и метания молота относятся к нашему времени, а диск получил постоянную прописку на Олимпиадах в Греции, то происхождение копья теряется где-то в глубине веков.

Копье как оружие войны и охоты было издавна известно человеку. Гонимый голодом первобытный человек ломал ветку и очищал ее от листьев. Но ветка гнулась и плохо колола. К ее концу человек начал прикреплять заостренный камень. Теперь он мог издали целиться и поражать дичь, убивать ее или ранить.

Позднее копье стало оружием войны. Состязания в метании копья на дальность и точность попадания проводились уже между ассирийскими воинами.

Но подлинно спортивным снарядом копье стало в Древней Греции. Постепенно оно совершенствовалось. К середине древка для удобства держания стали прикреплять кожаную петлю. Она называлась у греков «эмма», а у римлян «эментум».

В греческих гимназиях копье метали на точность. Цель устанавливали на земле или рисовали на стене. Участвуя на Олимпийских играх в пентатлоне, греки старались бросить снаряд как можно дальше. Иногда металлический наконечник снимался для того, чтобы избежать несчастного случая, жертвой которого могли стать неосторожные зрители...

... В 1902 году Международный олимпийский комитет

принял решение включить метание копья в программу Олимпийских игр.

Были определены вес и размеры снаряда (одно время его длина достигала 10 метров). Отныне копье должно было представлять собой древко длиной 2 метра 60 сантиметров и весить 800 граммов, иметь металлический наконечник и обмотку для держания.

Впервые метание копья было включено в программу «юбилейной» внеочередной Олимпиады 1906 года. На Олимпийских играх 1908 года, как мы это уже знаем, существовало два способа—современный и греческий. В последнем копье держалось за конец, а вторая рука выполняла роль опоры. Верх взял первый способ.

Вначале борьба за первенство в метании копья на Олимпиадах велась главным образом между двумя странами—Финляндией и Швецией. Дважды—в 1908 и 1912 годах олимпийским чемпионом становился швед Эрик Лемминг, впервые перешагнувший границу 60 метров и заложивший основы «шведского» стиля метания копья.

В дальнейшем пальма первенства поочередно принадлежала то шведским, то финским метателям. После Лемминга на Олимпиадах 1920 и 1924 годов первенствовал финский метатель Джонни Мююра. Олимпийские игры 1928 года выиграл швед Эрик Лундквист, а первым в Лос-Анджелесе в 1932 году был финн Матти Ярвинен.

Многое сделал для совершенствования «финской» техники метания копья Мююра. Его быстрый разбег, заканчивающийся широким и ритмичным отведением—замахом, долгие годы был образцом для подражания у метателей последующих поколений.

К этому времени уже стало ясным, что только физическая сила не может принести успеха в метании копья. Копьеметатель должен быть быстрым, гибким, способным к молниеносному рывку—хлесту, напоминающему удар кнута. Таких быстрыми и гибкими спортсменами с длинными эластичными мышцами и высокой координацией движений были и Лемминг, и Мююра, и Ярвинен.

Именно Ярвинен решил спор за олимпийское первенство между двумя странами в пользу Финляндии.

Матти Ярвинен родился в семье участника IV Олимпийских игр Вернера Ярвинена и начал заниматься копьем в раннем детстве. Его биографы утверждают, что кольцо, которое грыз во время прорезывания зубов маленький Матти, было подвешено над его колыбелью на обмотке от

копья. Впоследствии Ярвинен получил прозвище «Мистер Джэвелин» (от английского javelin — копье).

Ярвинену принадлежала честь усовершенствования финского стиля, который получил широкое распространение во всем мире. Плавный, постепенно ускоряющийся разбег Ярвинена заканчивался быстрыми шагами, когда ноги и тело как бы «обгоняли» снаряд, создавая наиболее выгодное положение для броска. После так называемого скрестного шага спортсмен принимал ставшее впоследствии классическим положение «натянутого лука», из которого и совершал мощный бросок, вкладывая в это движение усилие всего тела, начиная от ног и кончая кистью руки.

С 1930 по 1936 год Матти Ярвинен установил 10 мировых рекордов, последний из которых был равен 77 метрам 23 сантиметрам. Выступление на Олимпиаде 1932 года в Лос-Анджелесе с результатом 72,71 принесло ему золотую медаль и было увековечено постройкой башни такой же высоты на олимпийском стадионе в Хельсинки.

Опять американцы

В истории Олимпийских игр американским спортсменам долгое время принадлежала роль не только победителей, но и «возмутителей спокойствия», авторов многочисленных «сюрпризов». Преподнесли они сюрприз и в метании копья, виде, в котором долгое время оставались в тени.

В 1952 году на Олимпийских играх в Хельсинки спортсмены из США Сайрус Янг и Уильям Миллер неожиданно стали золотым и серебряным призерами в метании копья. Девятым был третий американец Франклин Хелд. Можно представить себе огорчение финнов, проигравших исконно «свой» вид легкой атлетики, да к тому же у себя на родине.

Впрочем, на этом американские «сюрпризы» в метании копья не закончились. Через год телеграф принес из-за океана сообщение, что Франклину Хелду удалось отобрать у финнов мировой рекорд, преодолев в метании копья 80-метровый рубеж (80,40).

Хелд пришел в легкую атлетику после увлечения теннисом и баскетболом. Поступив на богословское отделение Стэнфордского университета, он пробовал свои силы в различных видах легкой атлетики, пока не остановился на метании копья.

После неудачного дебюта на Олимпиаде в Хельсинки, обладая некоторыми познаниями в области механики и техники, вместе со своим братом Диком он оборудовал у себя в Калифорнии небольшую мастерскую, где стал трудиться над созданием нового, обладающего лучшими аэродинамическими свойствами копья. Уже давно он заметил, что обычный финский снаряд в конце полета резко изменяет свою траекторию, ныряя вниз. А нельзя ли изменить траекторию полета копья? Сделать ее более удлинённой, пологой? В результате многочисленных опытов братьям удалось найти то, что они искали. Они укоротили и облегчили металлический наконечник, увеличили диаметр древка. В конце полета такое копье уже не ныряло вниз, а продолжало планировать.

Несмотря на многочисленные протесты представителей европейских спортивных организаций, ИААФ утвердила новый рекорд Хелда и разрешила применение нового копья, которое давало выигрыш в результате в несколько метров. Что оставалось делать спортсменам Швеции, Финляндии и других европейских стран? В пожарном порядке осваивать новый снаряд и пытаться создать свои образцы планирующих копий. Так впоследствии появилось цельнотянутое металлическое копье и ряд других современных образцов. Во всяком случае к Олимпиаде 1956 года в значительной степени в связи с применением нового снаряда из разных стран стали приходить сообщения об улучшении национальных рекордов. К границе 80 метров приблизились советские метатели Владимир Кузнецов и Виктор Цыбуленко, француз Мишель Макэ, норвежец Эгиль Даниэльсен, поляк Януш Сидло, финн Сойни Никкинен.

Предолимпийское напряжение достигло своего апогея, когда газеты сообщили, что испанцы нашли способ метать копье чуть ли не на 100 метров. И действительно, испанские спортсмены Эраускин и Сальцедо применили вращательный способ, напоминающий метание диска, заимствованный из народной игры басков — бросание оси от колеса. Конец «испанской сенсации» был положен ИААФ, раз и навсегда запретившей новый способ.

А что же братья Хелды? Их изобретение помогло им сделать неплохой бизнес. Они открыли небольшую фабрику по производству новых копий в Сан-Диего, продавая приносящую им незначительный доход плантацию лимонов.

На пути к 100 метрам

Когда долговязый худой парень из села Веприк Фастовского района на Киевщине Виктор Цыбуленко поступил в ремесленное училище и его спросили, кем он хочет стать, он, ни минуты не задумываясь, ответил: «Машинистом паровоза».

Именно с паровозом, этим стальным чудовищем, мчащимся по полям и холмам, грохочущим по мостовым пролетам через широкие полноводные реки, были связаны первые детские романтические мечты Цыбуленко. Казалось, нет большего счастья, чем покорить это чудовище, стать его полновластным хозяином.

Но этой мечте не суждено было сбыться. Врачи приемной комиссии решили, что по состоянию здоровья Цыбуленко не может быть паровозным машинистом. Что-то не то у него с сердцем, пожалуй, маловат объем легких. Что делать? И врачи могут ошибаться, тем более в прогнозах. Ну откуда им было знать, что хилый подросток вскоре превратится в рослого здоровяка, мощного, налитого силой атлета.

В ремесленном училище начались занятия легкой атлетикой, и вот уже здесь оказалось, что у Виктора есть то, что нужно каждому метателю, особенно копья,— сильнейший рывок, приобретенный в детские годы, когда Цыбуленко увлекался бросанием камней, игрой в лапту.

Не удивительно поэтому, что позднее, после окончания училища и службы в Советской Армии, он прежде всего обновил всесоюзный рекорд в метании гранаты. Впрочем, в первый же год военной службы на первенстве Вооруженных Сил Цыбуленко одержал победы во всех видах метаний! Но главным все же оставалось копье. Именно этому снаряду посвятил Цыбуленко все свои помыслы, всю энергию и волю.

Надо сказать, что показатели наших копьеметателей в течение многих лет отставали от достижений зарубежных спортсменов. В середине 30-х годов, когда в Западной Европе результат за 70 метров считался уже обычным, наши атлеты только еще осваивали 60-метровый рубеж. Однако вскоре усилиями ленинградцев Анатолия Решетникова и Виктора Алексева рекордные достижения стали быстро расти. В 1950 году Харри Вальман из Таллина первым из советских атлетов перешагнул 70-метровый рубеж (71,66).

Приблизился к Вальману, а затем в том же 1950 году

превысил его рекорд Виктор Цыбуленко (73,37). В те же годы в Ленинграде появился еще один копьеметатель — Владимир Кузнецов. И отныне борьба за все-союзный рекорд и золотую медаль на первенствах страны долгие годы с переменным успехом шла между этими спортсменами. Началась она в 1952 году и закончилась через 10 лет, когда свой последний всесоюзный рекорд — 85,64 на соревнованиях в Баку установил Владимир Кузнецов. За эти годы трижды рекорд улучшал Виктор Цыбуленко и восемь раз рекордсменом страны становился Владимир Кузнецов. Это единоборство сильнейших в стране копьеметателей привело не только к улучшению всесоюзного рекорда с 71,66 до 85,64, но и к многочисленным победам советских спортсменов на международных соревнованиях. И здесь более удачливым оказался Виктор Цыбуленко.

Честь выступать в метании копья на первых для советских спортсменов Олимпийских играх 1952 года была доверена Цыбуленко и Кузнецову. Это были именно те Игры, когда американцы С. Янг и У. Миллер стали обладателями золотой и серебряной медалей. Впрочем, их результаты были невысоки: 73,78 у Янга и 72,46 у Миллера. Советские метатели могли бороться за медали любого достоинства. Однако сказалось отсутствие опыта. Цыбуленко оказался на четвертом, а Кузнецов на шестом месте. Впрочем, для начала это было неплохо, так как и тот и другой принесли команде очки в неофициальном командном зачете. Результат Цыбуленко мог быть и лучше, если бы не досадный случай. Квалификационные соревнования по метанию копья проходили в прохладную погоду. И чтобы не охладить мышцы, Виктор решил метать в спортивных брюках, широченных шароварах, которые были в моде в те годы. И вот в первой же попытке шипы зацепились за шаровары. В итоге подвернутая нога и опухший голеностопный сустав. Метать на следующий день Цыбуленко пришлось с туго забинтованной ногой, преодолевая сильную боль.

На очередных, XVI Олимпийских играх выступали трое советских копьеметателей: Цыбуленко, Кузнецов и Александр Горшков. Мы уже говорили о том, что к началу Олимпийских игр в Мельбурне большая группа спортсменов не без помощи нового планирующего снаряда преодолела в метании копья 80-метровый рубеж.

Здесь, в Австралии, в секторе для метания копья собрались почти все лучшие метатели мира. Когорту

сильнейших возглавлял рекордсмен мира тех лет польский метатель Януш Сидло. Сын силезского шахтера из города Шопеницы, подобно Виктору Цыбуленко, приобрел крепкую и «быструю» руку, с увлечением занимаясь в детстве играми в лапту и ручной мяч.

После переезда в Варшаву Сидло удалось стать учеником одного из выдающихся польских знатоков метания Зигмунда Шелеста. К Олимпиаде в Мельбурне Сидло был в расцвете своих сил и спортивной славы. В итальянском городе Милане незадолго до выступления в Мельбурне он превысил установленный лишь неделю назад мировой рекорд Сойни Никкинена, послав снаряд на 83 метра 66 сантиметров. После этого сам Адольфо Консолини, присутствовавший на миланских соревнованиях, поднял нового рекордсмена мира на плечи и отнес его к пьедесталу почета.

В Мельбурн приехал и второй выдающийся польский копьеметатель Ян Копыто. Были и новички: итальянец Джованни Лиеворе и сделавший в короткий срок головокругительную спортивную карьеру норвежец Эгиль Даниэльсен, чей лучший результат лишь на 9 сантиметров был хуже мирового рекорда Сидло.

Каких только копий не было здесь, в Мельбурне! И планирующие снаряды Хелда, и финские копия образца 1953—1954 годов, и шведские деревянные нового образца, аэродинамической формы, и шведские металлические цельнотянутые.

К сожалению, наши спортсмены не имели возможности пользоваться стандартными современными копьями, что не позволяло им выработать точный навык и достигнуть рекордных результатов в Мельбурне. Неудачно выступил Горшков и Кузнецов (8-е и 12-е места). Отличный для себя бросок металлическим шведским копьем на 79,50 сделал Цыбуленко, но этого результата оказалось недостаточно лишь для того, чтобы завоевать бронзовую награду.

Как и ожидалось, золото и серебро было разыграно между Янушем Сидло и Эгилем Даниэльсеном.

Неустойчивая австралийская погода и на этот раз вмешалась в спор спортсменов. Во время соревнований дул порывистый то встречный, то боковой ветер, мешавший планирующему полету современных копий.

До четвертой попытки впереди шел Сидло с результатом 79,70. Но вот на старте Даниэльсен. Он стоит, подняв над головой руку с копьем.

Говорят, что в моменты величайших напряжений перед мысленным взором человека молниеносно проносятся картины его жизни — детства, юности. Стоя на месте старта, Эгиль вспомнил свой первый детский победный бросок. Это было не копье, а простой камень. И это был не стадион, а дорога из норвежского городка Хамера, где он воспитывался в детском доме, до селения Вангсосене. Даниэльсену было только шесть лет, но он был страстным любителем бросать камешки. И вот однажды, стоя у придорожной канавы, он с восторгом наблюдал, как восьми- и девятилетние ребяташки соревновались в метании камней. Рекордный результат девятилетнего мальчугана был отмечен чертой на дорожном гравии.

Оставшись один, Эгиль начал бросать камни и занимался этим до тех пор, пока не заболела рука. И так день за днем, пока не наступил момент его торжества.

Когда любители камешков снова собрались, чтобы попробовать превзойти старый рекорд, шестилетний карапуз, преодолевая страх, попросил:

— Можно мне с вами?

Ответом были презрительные взгляды.

— Но я умею бросать, — со слезами в голосе настаивал Эгиль.

— Ну что же, попробуй. Только смотри не улети вместе с камнем.

И тщедушный Даниэльсен метнул камень с такой силой, что он опустился по крайней мере в двух метрах за рекордной чертой... Наступило молчание... А потом старый рекордсмен повернулся к своим товарищам и зло сказал:

— Пошли... Нам здесь нечего делать. Это какой-то обман, трюк...

А потом, когда Даниэльсен подрос, были годы тренировок и дружеская помощь одного из сильнейших копьеметателей Норвегии Одда Мелума.

... Сейчас, стоя у черты, отмечающей начало разбега, на заполненном до отказа зрителями олимпийском стадионе Мельбурна и вспоминая тот первый «рекордный» бросок, Эгиль Даниэльсен посмотрел на украшавшие трибуны флаги. Их трепал порывистый ветер. Он был настолько силен, что сорвал с мачты олимпийский флаг. У его соперников ветер относил копья в сторону или прижимал к земле. В таких условиях невозможно было показать рекордный результат.

Но внезапно ветер стих. Вначале Даниэльсен не понял,

что произошло. Он лишь почувствовал, что порывы ветра перестали трепать его волосы. Потом он бросил взгляд на флаги и увидел, что они бессильно повисли. И он понял, что нельзя упустить время. Разбег, скрестный шаг и отведение копья далеко назад. Нервный подъем, который иногда становится союзником спортсмена, помог ему вложить в бросок всю мощь своих хорошо тренированных мышц.

Результат оказался равным 85 метрам 71 сантиметру. Это была и золотая медаль, и мировой и олимпийский рекорды.

О том, что переживает олимпийский победитель и как он себя ведет, можно судить по следующему отрывку из рассказа Даниэльсена.

«...Первыми на доске результатов были выведены последние цифры. Появилась единица, семь, затем пятерка. Значит, не менее 75 метров 71 сантиметра. Я не подумал ничего иного, а на доске появилась восьмерка. Восемьдесят пять метров, семьдесят один сантиметр. Мировой рекорд. Я почти не сознавал того, что делаю, когда носился по траве, прыгая от радости... Первым поздравить меня подошел Цыбуленко...»

После броска Даниэльсена ветер начал свирепствовать снова. Занявший второе место Сидло показал только 79,89, на 39 сантиметров хуже был результат Цыбуленко. Однако это было уже не четвертое, как в Хельсинки, а третье место.

Первая попытка

Участие в двух Олимпийских играх, четвертое место в Хельсинки и бронзовая медаль в Мельбурне. Не достаточно ли этого для одного спортсмена. Тем более что в год Мельбурнской олимпиады ему исполнилось 26 лет. Цыбуленко решил, что этого недостаточно, и стал готовиться к выступлению на Олимпиаде 1960 года в Риме. Работая в эти годы с опытным украинским тренером Зосимой Петровичем Синицким, Цыбуленко учился показывать лучший результат в первой попытке. Зачем это было нужно? Вот что писал об этом впоследствии сам Цыбуленко: «Это было необходимо потому, что с возрастом восстанавливать силы между попытками становилось все труднее, а в психологическом плане может деморализовать твоих противников».

Рим принес успех многим советским легкоатлетам. Кстати, только четверо из них выехали в третий раз на Олимпийские игры. Это были: Вера Крепкина, Галина Зыбина, Нина Пономарева и он, Виктор Цыбуленко. Троице из них было суждено завоевать золотые награды.

Для Виктора Цыбуленко это была третья Олимпиада, и в олимпийской деревне «вечного города» «Вилладжи олимпико» он, несмотря на изнуряющую жару и неизбежную суматоху, чувствовал себя совсем неплохо. Опыт научил его, несмотря на чужой незнакомый город, нахлынувшие яркие впечатления, сохранять уверенность в себе, не терять приобретенную в процессе предолимпийской подготовки спортивную форму.

Эту предсоревновательную сосредоточенность и психологическую устойчивость не могли поколебать ни неизбежные встречи с соперниками, ни всевозможные слухи и самые невероятные прогнозы, без которых не обходятся ни одни Олимпийские игры.

В своеобразное место свиданий, интернациональный клуб превращается в дни Олимпиады тренировочный стадион. И вот здесь в Риме, встретившись на тренировке, беседуют между собой покорители рекордов в прыжках в длину Игорь Тер-Ованесян и Ральф Бостон. Они похлопывают друг друга по плечу и, кажется, вполне довольны осмотром друг друга.

Высоко взлетает над планкой в тренировочных прыжках атлет-гигант Джон Томас, явно рассчитывая произвести устрашающее впечатление на своих противников, и в первую очередь на Валерия Брумеля, пристроившегося с фотоаппаратом у ямы для прыжков.

А в другом конце стадиона в бешеном вихре поворотов вращает молот Василий Руденков, и к восторгу окруживших стадион любопытных молот проносится над всем полем и взрывает землю где-то вдалеке за заборчиком ограждения.

Заложив руки за спину, проходит по стадиону мощного сложения американский шестовик Дон Брэгг. Он не тренируется, ссылаясь на травму, зато чуть ли не каждую ночь будит обитателей олимпийской деревни диким «тарзаньим» криком. Впрочем, это не мешает ему завоевать золотую медаль.

Встречает здесь своих соперников и Цыбуленко. Огорчены американские копьеметатели во главе с обладателем мирового рекорда У. Эллеем. На Олимпиаде разрешено метать только шведские и финские планирующие копья,

американцы же привыкли к снарядам Хелда. Как никогда, силен его старый соперник Януш Сидло. Увидев Цыбуленко, он улыбается и приветственно машет рукой. Уверенно чувствуют себя на тренировке «хозяева» копий финн В. Куисма и швед К. Фредрикссон.

31 августа начались соревнования по легкой атлетике, и только 7 сентября Цыбуленко вышел на стадион, чтобы выполнить квалификационную норму—74 метра. К счастью, это было не изнуряющее, а радостное ожидание. День за днем увеличивалось число советских спортсменов, завоевавших золотые медали. Первой чемпионкой Олимпиады в прыжках в длину стала Вера Крепкина. В следующие дни в ряды чемпионов один за другим становились Шавлакадзе, Ирина и Тамара Пресс, Озолина, Голубничий, Руденков, Пономарева, Лысенко.

И вот его очередь. В квалификационных соревнованиях Сидло совершает великолепный бросок за 85 метров. Цыбуленко выполняет норматив лишь со второй попытки. Естественно, что главным фаворитом становится польский копьеметатель.

«На следующее утро я встал с прекрасным настроением и желанием метать,—рассказывает Цыбуленко.—Пришла уверенность в том, что хороший бросок у меня сегодня обязательно будет. Конечно, такое настроение и желание не появляются сами по себе. Мне удалось достичь мечты каждого спортсмена—подойти в лучшей форме к моменту главного соревнования. В тот день как бы слились воедино и вся предыдущая тренировочная работа, и уроки поражений, и опыт побед. Мое настроение в тот день стало выражением высшей готовности к Олимпиаде.

Ко времени соревнований горизонт стало завлакивать тучей. А что может быть неприятней для метателя, чем дождь, да еще такой, как почти тропический ливень летнего Рима... Можно спрятать снаряд, можно вытереть руки насухо, но с дорожкой ничего не сделаешь, она раскиснет, перестанет служить опорой. Вот когда пригодился мой настрой на первый же бросок. Его я успел сделать «засухо». Нацелился на далекую цифру 85, что виднелась в поле, и (мне показалось, что впервые в жизни я выполнил все движения безупречно) копье легко вылетело из руки. И вот на табло загорелись цифры—84,64. Это был лучший бросок в моей жизни: на 1 метр 30 сантиметров лучше личного рекорда и «золотой» для Олимпиады. Сидло же не смог попасть даже в финальную шестерку».

Последняя попытка

Олимпийский стадион в Мехико 15 октября 1968 года. Стрелки контрольных часов приближаются к четверем часам дня. Копьеметатели закончили разминку на тренировочном поле и готовятся выйти к месту состязаний.

Когда цепочка участников финальных соревнований по метанию копья появляется на стадионе, раздаются аплодисменты. Выход легкоатлетов совсем не похож на появление гимнастов с их чеканным шагом, безукоризненным равнением и строевой подтянутостью.

Копьеметатели выходят на стадион, не думая о том, что надо идти в ногу. Они сосредоточены и молчаливы. Для них это не торжественный выход, а «рабочий» переход к месту соревнований.

Советские туристы ищут среди копьеметателей представителя своей страны. А вот и он, Янис Лусис, латвийский спортсмен, в котором не только они, но и многие зрители из других стран видят одного из главных претендентов на золотую олимпийскую медаль. К сожалению, второй советский копьеметатель Март Паама выбыл из числа участников еще на утренних соревнованиях.

Начинается ритуал подготовки к выступлению. Нужно надеть туфли, еще раз проверить прочность веревочной обмотки копья, разметить разбег.

Пока копьеметатели заняты этими важными приготовлениями, расскажем, почему так надеются сидящие здесь на трибунах советские туристы на Яниса Лусиса.

...Не все будущие олимпийские чемпионы в детские и юношеские годы отличались хорошим физическим развитием и превосходили своих сверстников в росте и весе. Вот и Янис Лусис, парнишка из курземского хутора Вецданкуми, никак не мог вырасти выше 160 сантиметров. Не отличался он и физической силой и другими данными, которые позволили бы видеть в нем будущего мастера спорта. Лишь позднее он и подрастет, и приобретет необходимые для высоких спортивных достижений качества.

В Риге его с трудом приняли в Рижский институт физической культуры. Первое время он не имел ни стипендии, ни общежития. Три раза в день питался преимущественно картошкой, которую заработал летом в колхозе. Ночами разгружал вагоны. Он не мог рассчиты-

вать на помощь родных. В 1945 году его отца убили бандиты, скрывающиеся в Курляндских лесах после освобождения Латвии Советской Армией. Мать осталась одна с двумя ребятишками на руках.

В институте Лусис попал в группу преподавателя Валентина Маззалитиса, собравшего вокруг себя будущих десятиборцев и копьеметателей. Говорят, что чудес не бывает. Но как же иначе назвать то чудесное превращение низкорослого слабого подростка в сильного, хорошо сложенного юношу. Уже в 1961 году на первенстве страны он завоевал две бронзовые медали — в десятиборье и метании копья.

После этого копье стало его единственным и главным видом. Но чтобы стать первым в стране, ему надо было опередить и киевлянина Виктора Цыбуленко, и москвича Владимира Кузнецова, и эстонца Марта Паама. Сделать это ему удалось уже в следующем, 1962 году, когда он стал рекордсменом СССР с результатом 86 метров 4 сантиметра.

В 1964 году на Олимпиаде в Токио Янис Лусис завоевал бронзовую медаль. На этот раз олимпийским чемпионом стал финский 24-летний рабочий парень из местечка Теува Паули Невала. Вторым был венгерский метатель Гергей Кулчар.

Четыре года совсем недолгий срок, особенно когда ставится цель заменить бронзу золотом. Маззалитис со своим учеником составили подробный план подготовки, в котором было расписано буквально все, вплоть до количества бросков. И против каждого года стояла цифра — результат, которого надо было достигнуть. Цифра «90 метров» стояла в графе «1967 год». На 1968 год намечено было установить мировой рекорд.

Лусису повезло, так как период его подготовки к Олимпиаде совпал со становлением советской школы метания копья. Маззалитис не только заимствовал все то лучшее, что было выработано этой школой, но и внес в ее разработку свой вклад. Над теоретическими и практическими основами метания копья основательно потрудились в Ленинграде Леван Сулиев, в Москве — Владимир Кузнецов, готовивший кандидатскую диссертацию на эту тему и назначенный старшим тренером копьеметателей сборной команды страны.

Одно из основных звеньев тренировки метателя копья — это бросковая подготовка. До сих пор метатели, даже международного класса, выполняли в течение года

1500—2000 бросков копьа. А нельзя ли увеличить количество бросков и посмотреть, какой принесет это эффект. Кузнецов разрабатывает методику применения в бросковой подготовке легких копий. Это позволяет увеличить число бросков до 15—16 тысяч в год!

Приводятся в стройную систему все средства общей физической и специальной тренировки, изучаются особенности техники метания нового планирующего копьа, идут поиски наиболее рациональных средств реабилитации (восстановления). В эти годы Маззалитис — Лусис — Кузнецов образуют своего рода «лабораторию», в которой изучаются, совершенствуются и проверяются на практике главные принципы подготовки современного копьеметателя.

Что принесла советской легкой атлетике эта «лабораторная» деятельность трех одержимых копьем людей? Прежде всего выполнение контрольных нормативов плана подготовки Лусиса к XIX Олимпийским играм. К 1968 году Янис Лусис стал сильнее, техничнее, стабильнее на соревнованиях. В этом ему помогла не только интенсивная бросковая подготовка, но и тренировка с тяжестями. Прибавив в весе 6 килограммов, он ничего не потерял в быстроте и технике.

В 1968 году планировалось установление мирового рекорда. Это была нелегкая задача. Еще в 1964 году этот рекорд установил норвежский метатель Терье Педерсен, послав снаряд на 91 метр 72 сантиметра. По своим физическим данным он намного превосходил Лусиса: был выше советского спортсмена на 10 сантиметров и имел размах рук 2 метра 12 сантиметров, то есть на 20 сантиметров больше, чем у Лусиса.

И тем не менее, когда в 1968 году команда советских легкоатлетов едет в Финляндию, Лусис ставит перед собой задачу вернуться домой рекордсменом мира. Надо полагать, что именно эта задача сковывает его на первых соревнованиях. Приблизиться к мировому рекорду ему не удастся ни на первом выступлении в Тампере, ни во втором в Кеуру. Когда же, приехав в Саариярви он выходит в сектор для метаний, расчета на рекорд уже нет. Очевидно, именно это помогло ему метать раскрепощенно, соблюдая все требования техники. И копье улетает на 91 метр 98 сантиметров — новый мировой рекорд.

... Итак, мы оставили Яниса Лусиса на олимпийском стадионе в Мехико в тот момент, когда он готовился к началу финальных соревнований. С кем же на этот раз

ему придется вести борьбу? С тем же неуязвимым Янушем Сидло, который соревновался еще с его предшественником Виктором Цыбуленко. Впрочем, едва ли на этот раз Сидло имеет шанс на далекие броски. Зато гораздо опаснее его соотечественник второй польский метатель В. Никицюк. Но особенно сильны черноволосый крепыш, начинавший свою спортивную карьеру с бокса и борьбы, финн Йорма Киннунен, венгерский копьеметатель Г. Кулчар и представитель ГДР М. Штолле.

Начинается первая попытка. Как же отличаются эти олимпийские соревнования от того, что произошло в 1960 году в Риме, где уже в первом броске Цыбуленко ушел далеко вперед, а дальнейший ход соревнований свелся к безуспешным попыткам остальных участников догнать советского спортсмена.

Первая попытка Лусиса неудачна—81,74. С трибун хорошо видно, что он торопится и метает копье «одной рукой», не вкладывая в бросок ни приобретенную в разбеге скорость, ни вес тела, достигший к этому времени 90 килограммов. Зато в первой попытке Киннунен превосходит Лусиса почти на 5 метров—86,30. Впереди оказываются также Кулчар и швед Нильссон.

Несколько лучше бросок во второй попытке—86,34. Однако сомнительно, можно ли выиграть с таким результатом Олимпийские игры. И действительно, в четвертой попытке Кулчар показывает 87,06. Ну а что же Янис Лусис? Он по-прежнему неузнаваем. 82,66 в третьем броске, 84,40—в четвертом, наконец, незачтенная попытка в пятом. Неужели проигрыш? Победить в первой попытке, когда ты полон сил и в случае неудачи можешь еще пять раз бросить копье, несоизмеримо легче, чем показать победный результат в последнем броске. На это бывают способны только волевые выдающиеся спортсмены.

Лишь впоследствии присутствовавшие на стадионе тренеры узнали, что Янис Лусис в первых попытках совсем не растратил свои силы. Наоборот, избыток сил, нервный подъем мешали ему восстановить привычный технический стереотип. Именно на его восстановление ушли первые пять бросков.

Ну вот, кажется, все наладилось. И ритм последних бросковых шагов, и далекое прямолинейное отведение копья. Но надо попробовать еще раз. И когда Лусис вызывают для последней попытки, он разбегается, отводит копье и ... останавливается.

Шумят трибуны. Для зрителей это признак нерешительности, признание своего бессилия. Для Лусиса — последняя проверка перед решающим броском. И этот бросок стал победным — 90 метров 10 сантиметров!

Итак, шестой бросок Лусиса подтвердил приоритет советской школы метания копья и результативность работы «лаборатории» Маззалинис — Лусис — Кузнецов. В последней попытке и Киннунен и Кулчар шли ва-банк, но больше, чем 88,58 и 87,06, больше показать не смогли.

И снова прошло четыре года. На Олимпиаду в Мюнхен Лусис приехал в расцвете сил, с горячим желанием завоевать вторую золотую олимпийскую медаль. К этому были все основания. Незадолго до Игр Янис вернул себе мировой рекорд, находившийся до этого во владении Киннунена. Рекордный результат Лусиса на этот раз равнялся 93 метрам 80 сантиметрам.

На олимпийском стадионе в Мюнхене в отличие от прошлой Олимпиады первые броски Лусиса великолепны: 88,88 в первом броске, 89,54 — во втором. Это преимущество Янис сохраняет до пятой попытки. И он сам и зрители уверены в его победе.

Казалось бы, наиболее упорно с советским спортсменом должен бороться экс-рекордсмен мира Киннунен, но на этот раз он с трудом бросает копьё за 80 метров. Зато все дальше и дальше копьё летит у «хозяина стадиона» метателя из ФРГ приземистого Клауса Вольфермана. Его пятая попытка на 90,48 встречается громом аплодисментов.

У Лусиса остается две попытки. Все помнят, что в Мехико он одержал победу последним, шестым броском. Вот и сейчас шестая попытка выполнена отлично. Десятки тысяч глаз следят за полетом его копья. Вот оно взвивается над стадионом, описывает длинную траекторию и приземляется на линии отметки Вольфермана. С трибун невозможно определить, чей бросок дальше. Проходят томительные мгновения, и на табло зажигаются цифры 90,46! Это лишь на два сантиметра, но все же хуже результата Вольфермана.

Мы не хотим брать под сомнение добросовестность судей, но тем не менее вынуждены сказать о том, о чем писали многие газеты. Спор между Лусисом и Вольферманом решался под рев трибун. Зрители желали победы своему соотечественнику. Измерение проводилось электронной рулеткой в отсутствие членов жюри. Все зависе-

ло от того, как установят судьи на месте падения копья штырь с призмой...

Впрочем, давая через час интервью телевидению, Лусис, усмехаясь, сказал: «Что же, я выиграл в Мехико. У меня уже есть одна золотая медаль, пусть теперь будет у него. На то и Олимпиада, чтобы отдавать предпочтение тем, кто в этот момент счастливее».

На XXI Олимпийских играх на высшую ступень пьедестала почета поднялся венгерский атлет Миклош Немет. Он повторил подвиг своего отца, который 28 лет назад на Олимпиаде в Лондоне также стал победителем. Разница была лишь в том, что Имре Немет получил золотую медаль за победу в метании молота, а сын — в метании копья.

РЫЦАРИ МНОГИХ КАЧЕСТВ

Быстротечны соревнования спринтеров, прыгунов и метателей. Не успеет судья на старте нажать курок стартового пистолета, как электронное устройство на финише уже фиксирует результат бегунов на стометровке. Совсем немного времени занимает и прыжок в высоту, бросок диска. Здесь все упражнение укладывается в считанные секунды. Но уже минутами исчисляется выступление бегунов на средние и длинные дистанции. Более двух часов преодолевают свою 40-километровую дистанцию участники марафонского бега.

Но есть вид легкой атлетики, с которым по продолжительности не может сравниться даже марафонский бег. Это десятиборье, на выступление в котором спортсмены затрачивают не минуты и не часы, а дни. Современное легкоатлетическое десятиборье, состоящее из бега на 100, 400, 1500 метров, барьерного бега на 110 метров, прыжков в длину, высоту и с шестом, толкания ядра, метания диска и копья, продолжается в течение двух дней.

Но не за продолжительность десятиборье принято называть венцом легкой атлетики, а за трудность, за те высокие требования, которые оно предъявляет атлету.

Бег на короткие дистанции — это основа десятиборья. Поэтому многоборец должен прежде всего быстро бегать. Но ведь спринтеры никогда не бывают хорошими бегунами на средние дистанции. А здесь, кроме 100 и 400, нужно пробежать и 1500 метров, почти четыре круга. Пробежать в конце последнего дня соревнований. Когда, казалось бы, вся нервная и физическая энергия растратчены на предыдущие девять видов.

Десятиборец должен быть, кроме того, барьеристом,

прыгуном и метателем. Барьерный бег требует особой отточенной техники. Прыжки—прыгучести, быстроты и ловкости. Метания—силы, великолепной координации движений. Как совместить все эти качества? Где найти время для того, чтобы в совершенстве овладеть техникой десяти видов легкой атлетики? Наконец, как примирить, казалось бы, непримиримые, противоречия, возникающие при подготовке в многоборье?

В самом деле, для того чтобы толкнуть далеко ядро, нужна недюжинная физическая сила и большой вес. В то же время этот вес будет тяжелым грузом тянуть спортсмена к земле во время прыжков в высоту и с шестом. Он мешает ему и на спринтерских дистанциях. Для бега на 100 метров, разбега в прыжках в длину и с шестом нужна чисто спринтерская скорость. Но она вступает в противоречие с выносливостью, без которой невозможно преодолеть 1500 метров. И все-таки эти противоречия преодолимы. Было время, когда многоборцы были легкоатлетами одной-двух специальностей. Они показывали в «своих видах» великолепные результаты, а в остальных выступали «как придется». Таковы, например, мировой рекордсмен Ян Чуань-Куан, установивший в свое время мировой рекорд в десятиборье, и чемпион XVI Олимпийских игр Милтон Кэмпбелл. Первый был великолепным шестовиком, второй—барьеристом. Сейчас, когда в многоборье преодолен легкоатлетический Эверест—8000 очков, «выехать» не только на одном-двух, но даже и на трех-четырех видах невозможно.

Современный десятиборец, собирающийся претендовать на олимпийские награды, должен быстро бегать, высоко прыгать и далеко метать—словом, быть «рыцарем многих качеств». Кроме того, он должен быть до самозабвения трудолюбив, терпелив и настойчив. Мы видели, сколько сил и времени затрачивают спортсмены для того, чтобы достигнуть олимпийских высот в одном-двух одностипных видах легкой атлетики. Сколько же труда нужно затратить, какой волей должен обладать человек, полюбовавшийся десятиборье?

Еще древние греки поняли, что один вид легкой атлетики не создает всесторонне гармонично развитого человека. В 1708 году до н. э. на XVIII Олимпиаде перед зрителями впервые появились атлеты, которые начали соревноваться в новом, до той поры неизвестном виде спорта—пентатлоне (пятиборье). Они участвовали в прыжках в длину, в беге на один стадий, метании копья и

диска. Двое сильнейших, выявленных в итоге этих видов, разыгрывали между собой первенство в жестокой борцовской схватке. Порой часами продолжалось это единоборство двух стройных мускулистых атлетов с обнаженными телами, натертыми оливковым маслом.

Высшей честью была победа в пентатлоне. Именно победителя этого греческого пятиборья чествовали особенно торжественно. Его несли на руках до родного города и вносили не в обычные ворота, а в пролом, специально сделанный в городской стене — «единственный для единственного». Именно так чествовали первого победителя Олимпийских игр древности в пентатлоне Ламписа из Лаконии.

В пятиборье соревнуются и герои древнегреческих мифов. Под руководством предводителя аргонавтов Ясона проходят соревнования храбрецов, отправившихся за золотым руном в Колхиду. Теламон одерживает победу в метании диска, Линкей — в метании копья, а крылатые Бореяны сыновья Коланд и Зет выигрывают бег и прыжки.

И через несколько веков, когда были запрещены Олимпийские игры, соревноваться в многоборье продолжали римские воины. Однако в Риме пятиборье называлось уже не пентатлоном, а квинкертумом, а прыжки и метание копья были заменены плаванием и конными состязаниями.

Прошло много веков. Ушли в прошлое средневековье, эпоха Возрождения. Но не умерла идея разностороннего физического развития человека, а следовательно, и идея многоборья. Уже в 1884 году в Соединенных Штатах Америки проводятся состязания в десяти видах спорта, называвшиеся тогда «соревнования разностороннего атлета». Их программа состояла из бега на 100 ярдов и 1 милю, барьерного бега на 120 ярдов, ходьбы на полмили, прыжков в длину, высоту и с шестом, толкания ядра, метания молота и веса.

Естественно, что, когда идеи Пьера де Кубертена были осуществлены и в Афинах состоялись первые Олимпийские игры современности, встал вопрос о возрождении многоборий. Первая попытка была сделана на внеочередных Играх 1906 года, состоявшихся также в Афинах. Организаторы Игр, не мудрствуя лукаво, включили в программу традиционное греческое пятиборье с оценкой по занятым местам и борьбой в заключение состязаний.

Это многоборье прошло без успеха, а борьба, не

Таким примитивным способом («ножницы» или «перешагивание») прыгали в высоту на I Олимпиаде.

Великолепным «перекидным» преодолевает планку чемпион Римской олимпиады Роберт Шавлакадзе.

Долгие годы никто не мог сравниться в мастерстве с румынской прыгуньей Иоландой Балаш.

В трудной борьбе досталась Валерию Брумелю золотая олимпийская медаль в Токио.

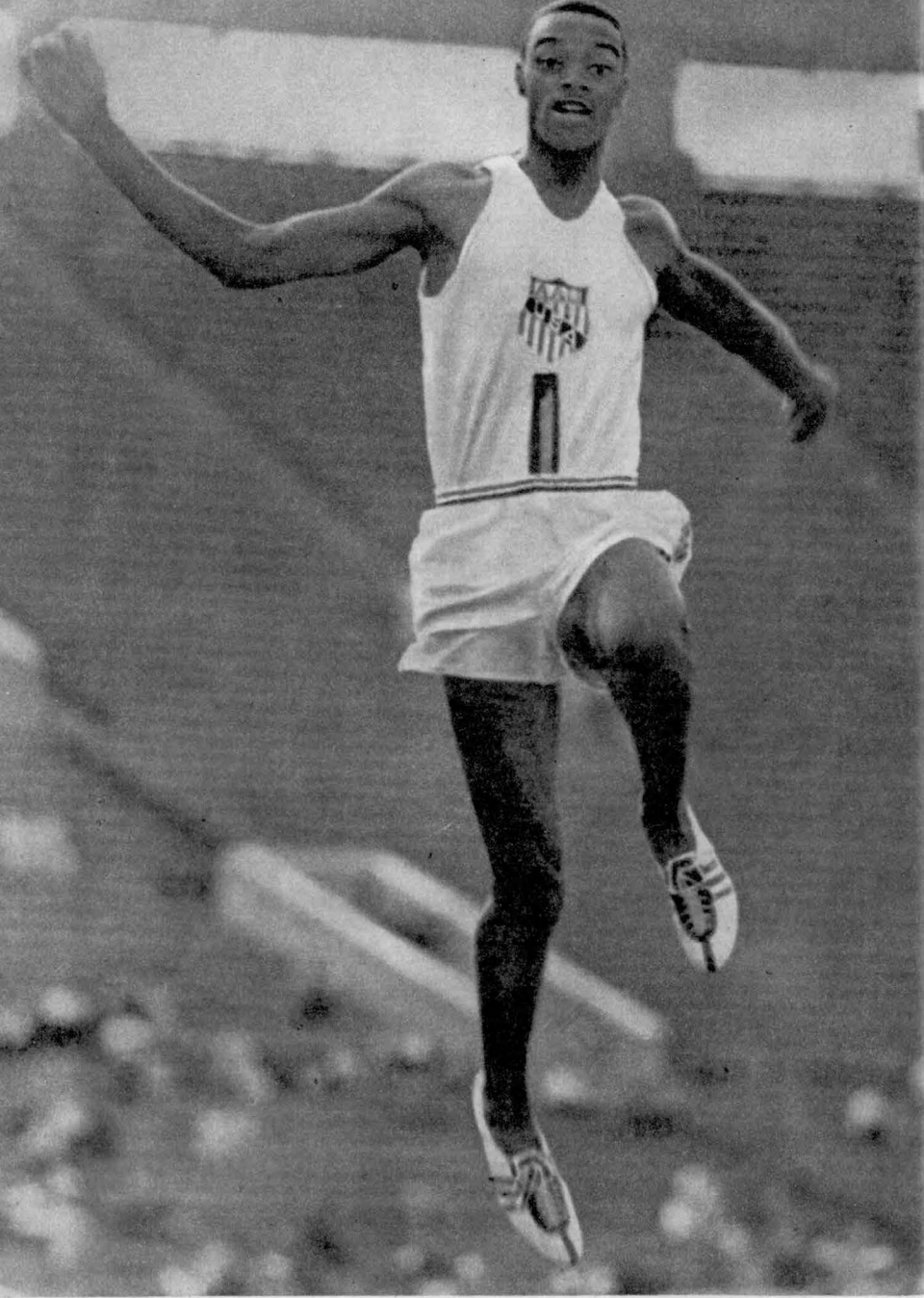
Юрий Тармак на Олимпиаде в Мюнхене продолжил серию олимпийских побед советских прыгунов в высоту.

Вера Крепкина может радоваться: Римская олимпиада принесла ей золотую медаль за победу в прыжках в длину.

Может ли женщина преодолеть высоту в 2 метра? Розмари Аккерман (ГДР) ответила на это положительно, установив на этой высоте мировой рекорд.

Долгие годы с переменным успехом шла борьба за мировое первенство в прыжках в длину между американским прыгуном Ральфом Бостоном и советским спортсменом Игорем Тер-Ованесяном. В полете — Бостон.

«Прыжок века» Роберта Бимона стал одним из главных событий Мексиканской олимпиады. 8 метров 90 сантиметров! Еще не скоро прыгуны смогут приблизиться к этому результату.

Обладательницей золотой медали за победу в прыжках в длину на Олимпиаде в Монреале стала спортсменка из ГДР Анели Фойт.

Дружеская беседа между советским тренером Гаврилом Коробковым и «Летающим пастором» — американским прыгуном с шестом Бобом Ричардсом.

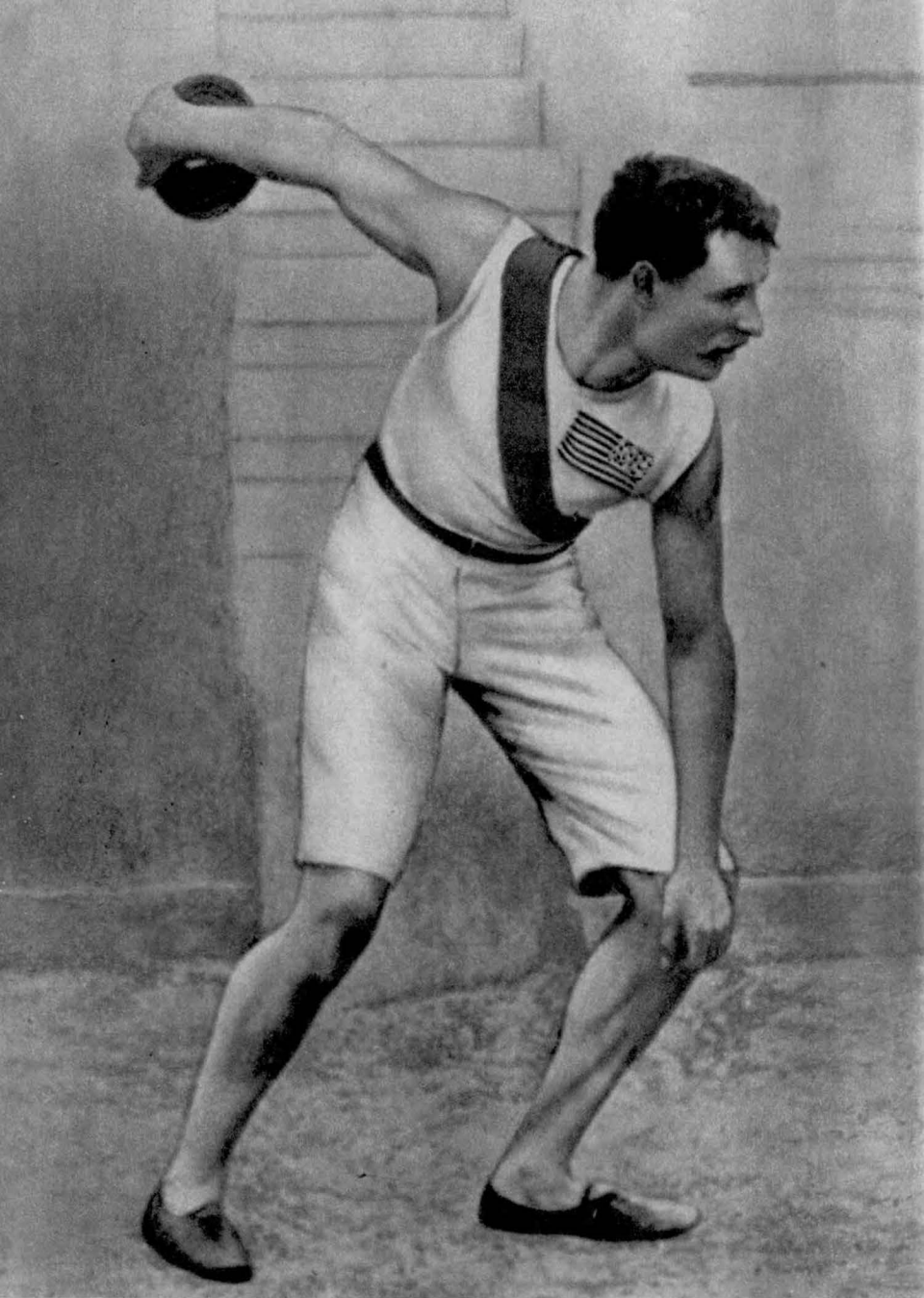

Победив в тройном прыжке на Играх в Мехико, Виктор Санеев получил в награду не только золотую медаль, но и мексиканское сомбреро.

Адемар Ферейра да Силва из Бразилии долгие годы не имел себе равных в тройном прыжке.

Таким способом метали диск на I Олимпийских играх. Здесь спортсмен демонстрирует классический «греческий» стиль. Неправда ли, он напоминает известную скульптуру «Дискобол»?

Случай уникальный в истории легкой атлетики. Американский дискобол Альфред Ортер (на снимке справа) одерживал победы в метании диска на четырех Олимпиадах. Золотыми медалями он был награжден в Мельбурне, Риме, Токио и Мехико. А недавно он высказал желание побывать в Москве и участвовать в Олимпиаде-80.

Нина Пономарева — обладательница первой золотой медали, завоеванной советскими спортсменами в Хельсинки. Вторую победу она одержала через 8 лет в Риме.

Дважды поднималась на высшую ступень пьедестала почета на Олимпиаде в Токио Тамара Пресс, победившая в толкании ядра и метании диска. Слева от нее Л. Манолиу (Румыния) и справа И. Лотц (Объединенная германская команда).

Фаина Мельник перед броском. Она стала первой в мире спортсменкой, пославшей диск за 70 метров.

Виктор Ильич Алексеев с ученицами (слева направо) Галиной Зыбиной, Тамарой Тышкевич и Зинаидой Дойниковой.

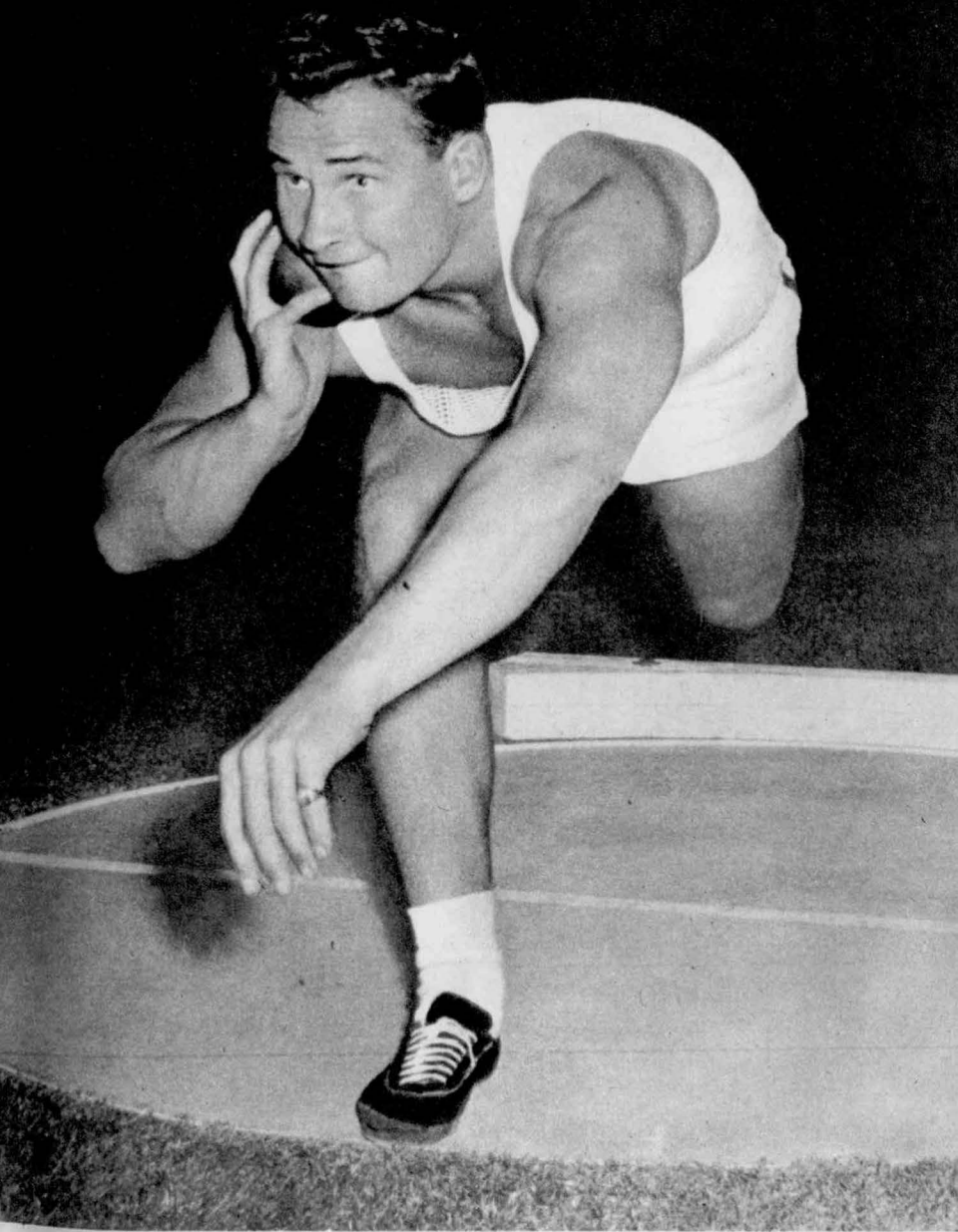

Внимание любителей спорта всего мира было приковано к «олимпийской дуэли» между советской спортсменкой Надеждой Чижовой и метательницей из ГДР Маргиттой Гуммель. Как известно, на Олимпиаде в Мехико победила Гуммель, в Мюнхене — Чижова (на снимке).

На Олимпиаде в Хельсинки зрители любовались великолепной техникой толкания ядра Галины Зыбиной. Через 12 лет в Токио Галина сумела завоевать бронзовую медаль.

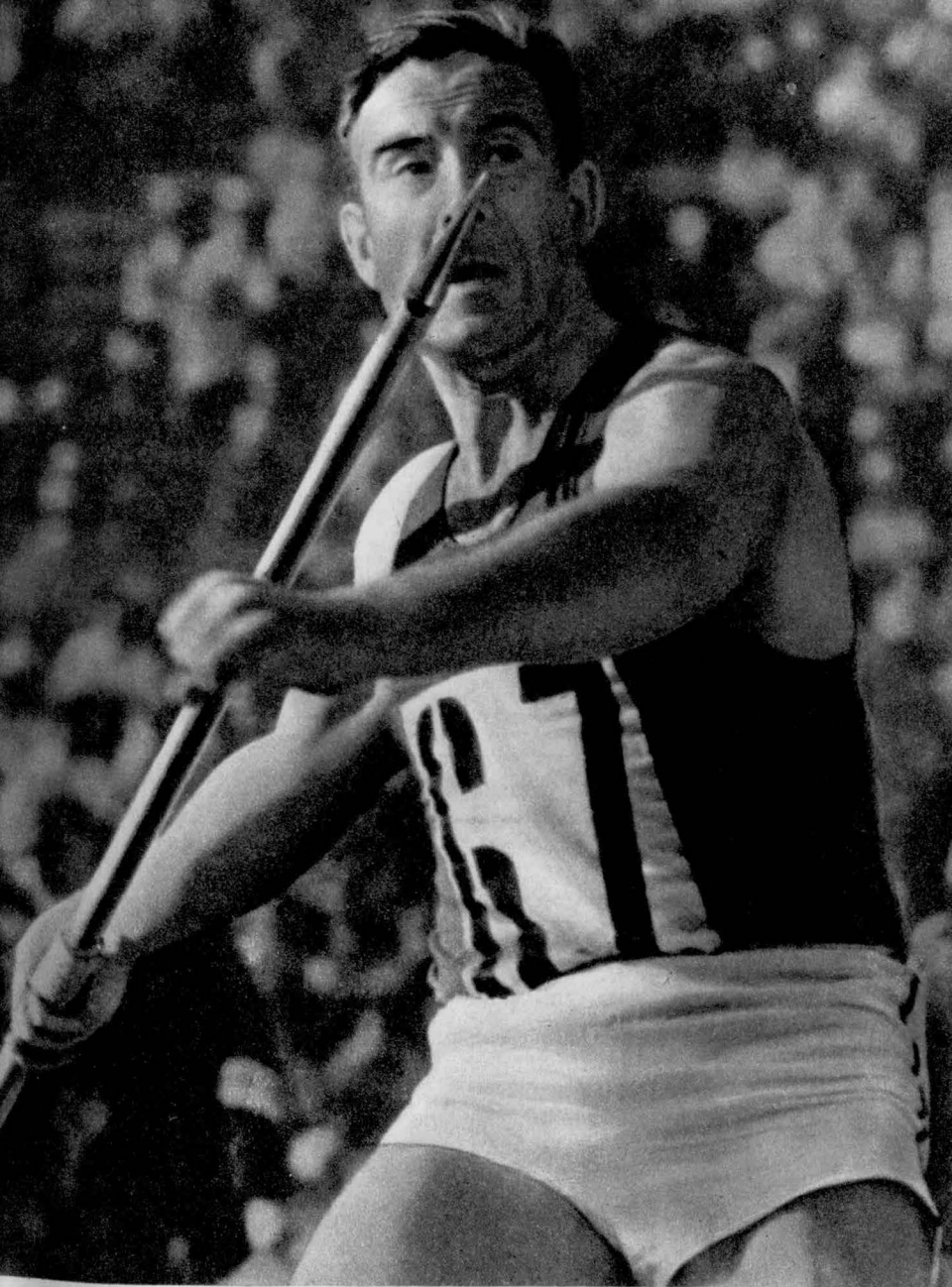

Вот он — знаменитый старт спиной в толкании ядра, предложенный американским метателем Перри О'Брайеном, победителем Олимпийских игр в Хельсинки и Мельбурне.

«Три богатыря». Призеры Монреальской олимпиады в толкании ядра. На высшей ступеньке пьедестала почета Удо Бейер (ГДР). Слева Евгений Миронов и справа Александр Барышников, занявшие соответственно второе и третье места.

Первая попытка Виктора Цыбуленко вошла в историю Олимпийских игр. Она принесла ему победу в метании копья в Риме.

Долгие годы сильнейшим копьеметателем мира был советский спортсмен Янис Лусис. Именно ему принадлежит честь установления первого олимпийского рекорда, превысившего 90-метровый рубеж.

Эта фотография может служить наглядным пособием при изучении техники метания копья. Посмотрите, как великолепно выполняет «скрестный шаг» Эльвира Озолина.

Первую золотую олимпийскую медаль в метании копья принесла Советской стране на Олимпиаде в Мельбурне Инесса Яунземе. Разбег закончен. Спортсменка принимает положение «натянутого лука», и через мгновение копье устремится в дальний полет.

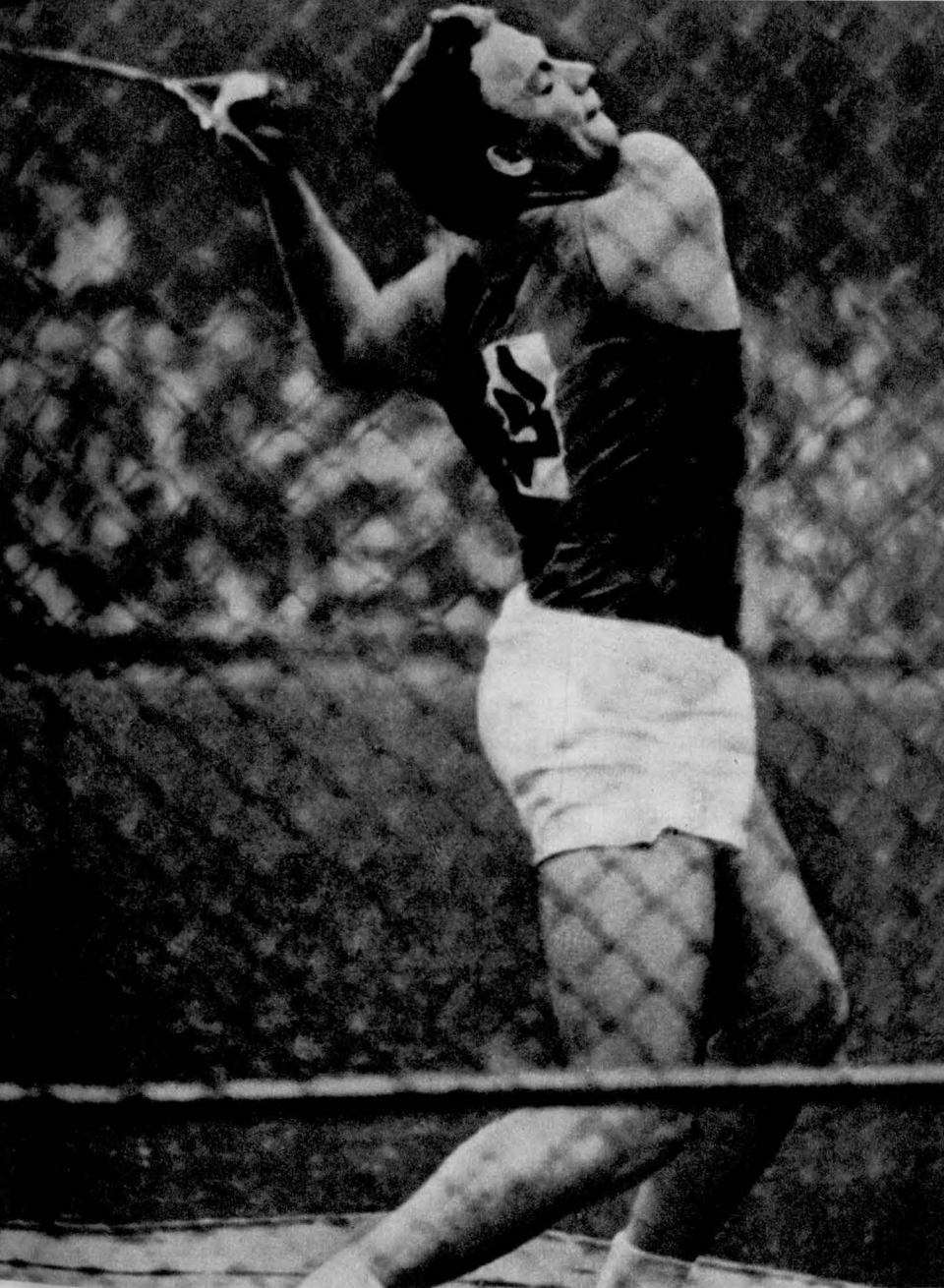

Спортсменка из ГДР Рут Фукс не только была победительницей Олимпийских игр в Мюнхене и Монреале, но и долгое время владела мировым рекордом в метании копья.

Серию великолепных олимпийских побед советских легкоатлетов в метании молота открыл на Олимпиаде в Риме Василий Руденков. Его снаряд пролетел на 67 метров 10 сантиметров.

Эстафету от Руденкова принял Ромуальд Клим. Результат 69 метров 74 сантиметра приносит ему золотую медаль в Токио.

В 1972 году в Мюнхене Анатолий Бондарчук стал олимпийским чемпионом с результатом 75 метров 50 сантиметров. Бронзовую медаль он завоевал в Монреале.

Олимпийскую победу в толкании ядра одержал на Олимпиаде в Мюнхене польский спортсмен Владислав Комар. Эту победу ему принес толчок на 21 метр 18 сантиметров.

Николай Авилов — первый советский спортсмен, ставший олимпийским чемпионом в десятиборье. Метание копья — девятый вид десятиборья. Останется только бег на 1500 метров и... получение золотой олимпийской медали.

Соревнование в десятиборье заканчивается не только победой одного — лучшего, но и дружбой между многоборцами из разных стран. Американец Рафер Джонсон и Василий Кузнецов после изнурительных олимпийских соревнований в Мельбурне.

**ADIEU
MONTREAL
A BIENTOT
MOSCOU**

имевшая ничего общего с легкой атлетикой, вызвала лишь насмешки зрителей.

Датой рождения современного десятиборья стал 1912 год, когда в программу Стокгольмской олимпиады было включено пятиборье, где борьба была заменена бегом на 1500 метров, и десятиборье. Пятиборье не прижилось, а десятиборье приобрело большую популярность и стало называться «венцом королевы спорта».

Программа десятиборья была составлена настолько удачно, что в течение всех последующих Олимпийских игр не подвергалась никаким изменениям. В самом деле, она требовала от спортсмена проявления всех главных физических качеств. Скорость и скоростная выносливость проверялись бегом на 100 и 400 метров, ловкость и быстрота — барьерным бегом, прыжками в длину, высоту и с шестом, сила — метанием диска, копья и толканием ядра, выносливость — бегом на 1500 метров.

Долго обсуждался вопрос, как распределить эти виды в течение двух дней. В итоге в первый день были включены более «легкие» виды: бег на 100 метров, прыжки в длину, толкание ядра, прыжки в высоту и бег на 400 метров. Видами второго дня стали 110 метров с барьерами, метание диска, прыжки с шестом, метание копья и бег на 1500 метров. Такой порядок видов был установлен на Играх 1920 года и с тех пор не менялся.

Нужно было придумать систему объективной оценки достижений десятиборцев. Так появилась таблица оценки результатов в легкой атлетике, позволившая оценивать в очках любое достижение. В конце соревнований очки складываются, позволяя определить победителя. За годы проведения Олимпийских игр таблицы несколько раз менялись и совершенствовались.

Для того чтобы легче понять историю олимпийской борьбы десятиборцев, нужно учитывать, что обычно в первый день спортсмен набирает больше очков, нежели во второй. Тут сказывается и трудность видов второго дня и тот груз усталости, который неизбежен после первых пяти видов программы.

От Торпа до Мэтиаса

Итак, впервые соревнования по десятиборью были проведены на V Олимпийских играх, в столице Швеции Стокгольме. Но странное дело. Первым олимпийским

чемпионом в этом виде все считают американца Джима Торпа, а во всех справочниках значится другое имя — шведского многоборца Гуго Висландера. Как это произошло? Но прежде всего, кто же такой Джим Торп?

Торп родился в 1887 году в небольшом поселке Спрегю в штате Оклахома в индейской семье, принадлежавшей к племени «Лисица» и только благодаря счастливому стечению обстоятельств избежавшей резервации. «Ва-То-Фук» (в переводе «светлая дорога»), как называли Торпа в семье, с детских лет обнаружил поразительные способности в играх, забавах и физических упражнениях.

Однажды, в семилетнем возрасте, на спор он шесть раз (!) пробежал стометровку на местном стадионе с разными противниками, которые были и старше, и выше, и сильнее его, и шесть раз становился победителем. Об этом случае рассказывает в своих воспоминаниях очевидец этого события Оскар Лаунденбах.

Когда маленькому Ва-То-Фуку исполнилось восемь лет, он выступил на школьных легкоатлетических соревнованиях и по своей возрастной группе занял шесть первых мест. Вскоре Джим прослыл лучшим спортсменом поселка и стал получать на соревнованиях одну награду за другой.

Его не удовлетворял только бег. Трудно назвать вид спорта, в котором он в те годы не получал бы наград и медалей. Это прыжки и плавание, футбол и теннис, баскетбол и гимнастика. Но больше всего времени он отдавал легкой атлетике. Окружающие поражались способностям Торпа. Там, где другому нужны были месяцы, ему было достаточно нескольких дней. Там, где требовались годы, ему хватало нескольких месяцев. Так он шутя освоил, например, барьерный бег.

Впрочем, позднее, после поступления в университет в Карлслиере (Пенсильвания) им овладела новая страсть — бейсбол. Здесь он не знал себе равных и прославился далеко за пределами своего штата.

Однажды среди студентов университета его заметил тренер Гленн Вернер и предложил готовиться к выступлению на Олимпийских играх в многоборье. Торп охотно согласился, так как в спорте ему по душе была любая трудная задача. По словам Вернера, работа с Торпом доставляла ему истинное наслаждение, так как тот выполнял каждое задание быстро и с поразительной точностью. До Олимпийских игр оставались считанные месяцы, и, несмотря на это, подготовка прошла успешно. Джим

блестяще прошел предварительный отбор (кстати, в прыжках в высоту он показал 1,96, что лишь на 3 сантиметра было хуже мирового рекорда).

29 июня 1912 года на празднично украшенном королевском стадионе Стокгольма состоялось торжественное открытие V Олимпийских игр. Торп потом часто будет вспоминать Швецию—эту мирную дружелюбную страну, живущую в то время олимпийскими интересами. Здесь, на стадионе, присутствовали не только любители спорта, но и члены королевской семьи, государственные деятели. Сам шведский король Густав вручал награды победителям.

V Олимпиада была первой и единственной, где в программу были включены два вида многоборий—пятиборье и десятиборье. В каком из этих видов выступать? Для Торпа здесь не было вопроса—конечно, в обоих!

Но ведь каждый из этих видов требовал огромного напряжения, полной отдачи физической и нервной энергии. Неужели можно успешно выступать в том и другом виде?

Соревнования в пятиборье собрали 17 участников. Среди них были такие сильные атлеты, как норвежец Фердинанд Би, товарищ Торпа по команде Джеймс Дональдо, канадец Фрэнк Лукеман.

Первенство определялось по наименьшей сумме очков. Если ты занял первое место, то получаешь одно очко, второе—два и т. д. Джим Торп занял четыре первых и одно третье место, получив 7 очков. Ставший вторым норвежец—16 очков. Словом, преимущество Торпа, как говорят в спорте, было подавляющим.

Десятиборье в Стокгольме проводилось несколько иначе, чем в наше время,—в течение не двух, а трех дней. Три шведских атлета: Гуго Висландер, Шарль Ломберг и Госта Холмер—вели борьбу с американским многоборцем. В первый день многоборцы соревновались в беге на 100 метров, в прыжках в длину и толкании ядра. Хотя Джим Торп выступал для себя не особенно удачно (он «засиделся» на старте, не поняв команды, поданной на чужом языке, и слабо прыгнул в длину), но с результатами 11,0; 6,79 и 12,89 он уже в итоге первого дня вышел на первое место.

В последующие два дня он увеличил свое преимущество, показав результаты: в прыжках в высоту—1,87, в беге на 400 метров—53,6; в метании диска—36,98, в барьерном

беге на 110 метров—17,2; в прыжках с шестом—3,05; в метании копья—45,70 и в беге на 1500 метров—4.44,01. Эти результаты позволили ему набрать великолепную по тем временам сумму очков—8412,455, превысив на 688 очков результат занявшего второе место Гуго Висландера. В четырех видах десятиборья он показал абсолютно лучшие результаты среди всех участников. Но и самого факта победы в двух труднейших видах олимпийской программы было достаточно для того, чтобы стать героем Олимпийских игр.

Десятиборье было новым, еще плохо освоенным участниками Игр видом. Многие из них не выдержали напряжения трехдневной борьбы. Состязания в десятиборье начали 29 спортсменов, а закончили только двенадцать. Выбыли из соревнований после первого дня шесть участников. После второго—семь. В третий день прыжки с шестом доконали еще двух спортсменов. А перед бегом на 1500 метров сошли еще двое.

Торжественной была церемония награждения Торпа. После сигнала фанфаристов, когда стадион стоя приветствовал появление олимпийского чемпиона, он по красной бархатной дорожке приблизился к шведскому королю Густаву V, который, возложив на голову Торпа лавровый венок, громко произнес: «Сэр, Вы величайший атлет мира!»

Некоторое время после возвращения из Стокгольма Джима чествовали и на родине. Однако американским расистам не понравилось, что какой-то индеец стал олимпийским чемпионом и приобрел мировую славу, и олимпийский комитет США принял решение «считать Джима Торпа профессионалом». Поводом для этого послужило то, что в 1910 году, играя в баскетбол за команду Южной Каролины, он получил несколько долларов на питание.

Джим не умел защищаться, и его пожизненно дисквалифицировали, отобрав золотые олимпийские медали. Автоматически чемпионом Олимпийских игр стал Висландер, который оказался честным человеком и заявил:

«Я не выигрывал этой медали. Настоящий победитель — Джим Торп».

К чести соотечественников Джима Торпа нужно сказать, что впоследствии они все же почтили его память. Поселок, в котором он родился и был похоронен и который стал теперь городком, недавно переименован в Джимторп-таун, а на городской площади установлена плита из красного гранита, на которой высечены слова:

«Сэр, Вы величайший атлет мира!» С запозданием реабилитирован Торп и МОКом, вынесшим в 1978 году, уже после смерти спортсмена, решение вернуть ему олимпийские медали.

На следующих VII Олимпийских играх 1920 года победителем соревнований в десятиборье стал норвежский спортсмен Хельге Левланд. Однако он не сумел превзойти достижение Торпа и набрал лишь 6804,35 очка.

Очередные VIII Олимпийские игры проходили в Париже и ознаменовались удачным выступлением в десятиборье известного американского прыгуна в высоту Гарольда Осборна. Собственно, это стало одной из сенсаций Парижской олимпиады. Зрители пришли полюбоваться прыжками мирового рекордсмена, имевшего на своем счету результат 2,03, а нашли в лице Осборна не только прыгуна, но и великолепного многоборца, сумевшего победить спортсменов из 24 стран. Впрочем, набрав в итоге 7710,995 очка, он также не сумел превзойти достижение Джима Торпа.

На IX Олимпиаде в соревнованиях десятиборцев американцам пришлось уступить первенство представителю Финляндии Пааво Юрьеле. Финляндия — страна лыж и легкой атлетики — дала миру не только великолепных бегунов и метателей копья, но и многоборцев. Одним из них и был победитель Амстердамской олимпиады Юрьела.

У каждого десятиборца есть свои особенности, свои сильные и слабые стороны. Финский спортсмен отличался большой физической силой, неплохо прыгал, но уступал многим в скорости бега. Зато в отличие от первых американских десятиборцев, наделенных великолепными природными данными, но не тратившими на тренировку слишком много времени, он обладал чисто финским упорством и трудоспособностью. Год за годом, неустанно тренируясь, шел он к своей олимпийской победе.

Выступая на Играх 1920 года, он был девятым среди 36 участников, что было совсем неплохо для 22-летнего юноши. И вот после четырех лет упорного труда на IX Олимпиаде в Амстердаме, в холодную дождливую погоду Юрьела становится чемпионом с результатом 8053,29 очка (11,8; 6,72; 14,11; 1,87; 53,2; 16,6; 42,09; 3,30; 55,70; 4.44,8). И на этот раз результат Торпа не превышен.

Добиться этого удалось лишь на следующих Олимпийских играх в 1932 году в Лос-Анджелесе американскому

спортсмену Джеймсу Бушу, сумевшему показать особенно высокие результаты в толкании ядра (15,32), прыжках с шестом (4 метра) и метании копья (61,91). Сумма 8462,23 очка стала новым мировым и олимпийским рекордом.

После успеха в 1928 году финна Юрьела олимпийское первенство в десятиборье надолго перешло к американцам. На Олимпиаде 1936 года чемпионом снова стал Джеймс Буш. Затем победы добился впервые стартовавший в десятиборье лишь за несколько месяцев до Игр Гленн Моррис. А после двенадцатилетнего, вызванного войной перерыва в проведении Олимпийских игр в послевоенном Лондоне зрители аплодировали уже другому, оставившему яркий след в истории десятиборья американцу, Роберту Мэтиасу.

Боб, как сокращенно звали Мэтиаса, родился и вырос в одном из поселков Калифорнии. Уже в детском возрасте он начал заниматься легкой атлетикой. Первым его тренером стал владелец местной лавки Билл Уокер. Это был своеобразный человек. Он старался просиживать в лавке как можно меньше времени, а почти целый день проводил на стадионе, занимаясь с местными мальчишками легкой атлетикой.

Мэтиас уже в 11 лет выступает на соревнованиях, а в 12 лет участвует, по детской группе, в популярных в США «калифорнийских эстафетах», где прыгает на 1,65 в высоту, на 5,45 в длину и толкает за 15 метров юношеское ядро. Тяжелая болезнь на некоторое время приковала юного Мэтиаса к постели, но, поправившись, он продолжал занятия спортом с еще большим рвением, прибавив к легкой атлетике баскетбол, бейсбол и американский футбол.

В 1947 году его знала уже вся Калифорния, так как на школьных соревнованиях во Фресно он стал победителем в беге на 110 метров с барьерами (14,6), в прыжках в высоту (1,78) и в метании диска (42,83).

В 1947 году Роберт Мэтиас окончил школу и, поступив в университет, стал тренироваться у Оливера Джексона, предсказавшего, что его юный воспитанник станет известным многоборцем. В свои 16 лет Боб был сильным, хорошо сложенным юношей. Его рост достигал 183 сантиметра и вес 83 килограмма. В июле 1947 года на первенстве страны он стал победителем в десятиборье, набрав 7224 очка и получив право на место в олимпийской команде.

Впрочем, большинство американских специалистов не

надеялись на победу новичка на Олимпиаде. «Слишком молод и еще не обстрелян»,— говорили они. Но необстрелянный Мэтиас стал одной из сенсаций Лондонской олимпиады. Он победил, набрав 7139 очков (по новой таблице 1934 года). Его результаты в отдельных видах десятиборья равнялись: 11,2; 6,61; 13,04; 1,86; 51,7; 15,7; 44,00; 3,50; 50,32; 5.11.0. Как мы видим, Боб значительно превысил достижения Джима Торпа. И самое главное, поставил своеобразный рекорд—в 17 лет стал чемпионом Олимпиады в десятиборье.

Газеты того времени много писали о чемпионе. Вот что говорилось в органе коммунистической партии США «Дэйли уоркер», опубликовавшем статью под заголовком «Семнадцатилетний чемпион»: «В лице Боба Мэтиаса—спорт несомненно получил фигуру весьма колоритную. Его победа уже сегодня великолепна сама по себе. Но она, по нашему твердому убеждению, лишь заявка на еще более внушительные и блистательные победы в будущем».

Предсказание «Дэйли уоркер» оказалось пророческим: через два года, в 1950 году, Роберт устанавливает новый мировой рекорд в десятиборье—8042 очка, на 142 очка превысив продержавшийся 14 лет рекорд своего предшественника Гленна Морриса. В 1952 году Мэтиас приехал в Хельсинки опытным десятиборцем, достигшим расцвета своих сил. Его рост равнялся 190 сантиметрам и вес 90 килограммам. Ему исполнился только 21 год, и казалось, что у него еще все впереди.

Победителем Олимпиады Мэтиас стал с результатом 7887 очков (по новой таблице, по старой—8450 очков). В отдельных видах десятиборья он показал великолепные результаты: 100 метров пробежал за 10,9, 400—50,02, 1500—4.50,8 и 110 метров с барьерами—14,7. В длину он прыгнул на 6,98, в высоту—1,90, с шестом—4,00. В метании диска Мэтиас достиг 46,89, копьё—59,21 и в толкании ядра—15,30. Результаты, о которых в то время не мог мечтать ни один десятиборец мира.

К сожалению, вскоре Мэтиас ушел из спорта. Интересно, что в десятиборье он выступил только 11 раз. Десятое, предпоследнее выступление пришлось на XV Олимпийские игры 1952 года.

Уход Мэтиаса—это еще одно грязное пятно в истории американского спорта. Собственно, с ним произошло то же, что и с Торпом. Он был обвинен в профессионализме и лишен права выступать на соревнованиях любителей. Причиной была месть. Мэтиас в начале 1953 года высту-

пил со статьей, в которой со свойственной ему честностью разоблачал нравы американского студенческого спорта. Этому ему не могли простить спортивные боссы.

Разница судеб Торпа и Мэтиаса только в одном — первого лишили его олимпийских медалей, а второго — нет. Так же как это произошло с Торпом, родной город Мэтиаса получил название — Мэтиас-вилль. Так Америка сперва унизила, а потом почтила память двух величайших десятиборцев нашего времени.

По лестнице славы

Если представить себе путь к высшей ступеньке олимпийского пьедестала почета в виде длинной лестницы, то окажется, что десятиборцы нашей страны начали восхождение по этой лестнице начиная с Олимпийских игр 1912 года, а затем последовательно преодолевали одну ступеньку за другой.

В составе русской команды в Стокгольм приехали и выступали в соревнованиях десятиборцев два спортсмена: москвич Александр Шульц и рижанин Альфред Альслебен. Русские спортсмены поднялись лишь на первую ступеньку лестницы — заняли два последних места — Шульц — одиннадцатое и Альслебен — двенадцатое. Но они боролись до конца, закончив всю программу десятиборья, а результат Шульца 6134,470 очков (по таблице очков, принятой в то время) был улучшен только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Как известно, на Олимпийских играх с 1920 года по 1952 год советские спортсмены, в том числе и десятиборцы, не выступали. Однако десятиборье уже в те годы пользовалось в стране большой популярностью. Проводились многочисленные соревнования по этому виду легкой атлетики, фиксировались всесоюзные рекорды.

Среди десятиборцев этого «преодолимпийского» периода было немало выдающихся атлетов, и одним из первых нужно назвать многократного чемпиона и рекордсмена СССР Александра Демина. Тяжелым было детство у маленького Саши, оставшегося без отца. Матери с детьми пришлось поместиться в известном в те времена «доме призрения бедных вдов и сирот». С 11 лет мальчик пошел на работу, нужно было помогать семье.

К счастью, революция по-иному повернула его судьбу. В 17 лет, в виде исключения, он был зачислен слушателем

в существовавшую в те времена Главную военную школу физического образования трудящихся и с тех пор не расставался с армейскими спортивными организациями.

Занятия в школе многими видами спорта хорошо подготовили его к выступлениям в многоборье. Свой первый рекорд в десятиборье он установил в 1927 году — 5535 очков (11,4; 6,30; 11,04; 1,65; 55,8; 17,7; 34,26; 2,80; 45,92; 5.10,2).

После этого Демин еще четыре раза улучшал рекорды страны, а на I Всесоюзной спартакиаде 1928 года первым из советских десятиборцев превысил рубеж шести тысяч очков (6050 очков).

Особенно успешно Александр Демин выступал в прыжках в длину. Здесь ему принадлежит честь преодоления 7-метрового рубежа. На первенстве Москвы 1931 года на стадионе, которому в наше время присвоено имя Юных пионеров, он показал результат 7 метров 5 сантиметров.

Среди десятиборцев следующих поколений нельзя не вспомнить могучего киевлянина Александра Канаки, совмещавшего рекордные старты в толкании ядра и метании молота с не менее успешными выступлениями в десятиборье, эстонского многоборца Хейно Липпа, по своим физическим данным, по мнению многих, способного конкурировать с «самим Мэтиасом», наконец, московского динамовца Владимира Волкова, дважды превышавшего рекордные достижения.

Именно Волкову выпала честь подняться на следующую ступеньку олимпийской лестницы славы в десятиборье.

В 1952 году в составе команды советских легкоатлетов Владимир Волков представлял нашу страну в олимпийских соревнованиях по десятиборью. Он занял четвертое место, отстав от бронзового призера американца Флойда Симмонса всего на 114 очков. Вот его результаты в отдельных видах десятиборья: 11,4; 7,09; 12,62; 1,75; 51,2; 15,8; 38,04; 3,80; 56,68; 4.33,2—6674 очка.

Эстафету в борьбе за мировое первенство из рук Волкова принял другой советский атлет Василий Кузнецов, которому удалось подняться по лестнице олимпийской славы еще выше.

Случилось так, что борьбу за мировое и олимпийское первенство Кузнецову пришлось вести с американским десятиборцем Рафером Джонсоном. Хотя Джонсон был на 3 года моложе Кузнецова, но на мировой спортивной арене они появились почти одновременно.

Василий Кузнецов учился в средней школе небольшого городка Покрова Владимирской области, где и начал заниматься легкой атлетикой под руководством школьного преподавателя Федора Шуляцкого. Поступив в 1952 году в Московский педагогический институт, посвятил себя десятиборью и уже в следующем году вышел победителем в единоборстве с рекордсменом страны Хейно Липпом. Кузнецов стал победителем первенства страны с результатом 6862 очка, выступая на размокнувшей дорожке ташкентского стадиона.

Первый большой успех пришел к нему в 1954 году на первенстве Европы по легкой атлетике в швейцарском городе Берне. Здесь он сумел опередить одного из сильнейших многоборцев континента Хейнда Обербека и стать чемпионом Европы.

Перед Олимпийскими играми в Мельбурне советскому спортсмену удалось набрать 7733 очка — третий результат за всю историю легкой атлетики. И это несмотря на сравнительно скромные для десятиборца физические данные (рост 185 см и вес 85 кг). Кузнецов очень успешно выступал в спринте, прыжках в длину и особенно в барьерном беге и метании копья.

Рафер Джонсон родился в 1938 году. Жил и учился в калифорнийском селении Кипгсбург. Еще в школьные годы он отличался своим умом, рассудительностью и атлетическим сложением.

Рафер с удовольствием играл за школу в футбол и баскетбол, с 13 лет начал заниматься легкой атлетикой, в 17 лет выиграл первенство калифорнийских школ по многоборью.

Если Кузнецов уже в 1953 году стал чемпионом страны, то Джонсон в 1954 году занял на первенстве США лишь скромное третье место с результатом 5874 очка. Но в феврале 1955 года он преодолел рубеж 7 тысяч очков, затем стал чемпионом Панамериканских игр, а в июне показал в десятиборье великолепные результаты. В первый день он пробежал 100 метров за 10,5, прыгнул в длину на 7,48 и в высоту на 1,85, толкнул ядро на 13,80 и пробежал 400 метров за 49,7. Это дало ему 4539 очков. Превосходная сумма для первого дня десятиборья. Второй день принес ему 3446 очков. Однако и этого оказалось достаточно для установления мирового рекорда — 7985 очков. Так было превышено достижение Мэтиаса.

Атлет могучего сложения (рост 190 см и вес 90 кг), Рафер Джонсон принадлежал к числу тех немногих

многоборцев, которые одинаково успешно выступают почти во всех видах десятиборья. Особенно высоки были его результаты в спринтерском и барьерном беге (100 м — 10,3 и 110 с/б — 13,8), прыжках в высоту и длину (1,91 и 7,76) и метании копья (76,75).

Итак, на Олимпийских играх в Мельбурне встречались американец рекордсмен мира, имевший лучший результат в десятиборье 7985 очков, и русский чемпион Европы, лучшее достижение которого равнялось 7733 очкам. На отборочных соревнованиях в Лос-Анджелесе Джонсон набрал 7755 очков. На соревнованиях в августе 1956 года в Москве Кузнецов показал результат 7559 очков.

Мировая пресса отдавала предпочтение американцу. Газеты опубликовали заявление Джима Дрейка, тренера Джонсона, в котором он, в частности, сказал о своем ученике:

«Я не могу определить границ его возможностей. Этот будущий зубной врач (Рафер учился на стоматологическом отделении университета) пришел в легкую атлетику после четырех лет занятий баскетболом и представляет собой феномен человеческой силы...»

Но в Мельбурне все произошло не так, как предполагалось. Джонсон выступал с поврежденной левой ногой и только ценой огромных усилий сумел набрать 7587 очков. Первым номером американской команды в десятиборье стал Милтон Кэмпбелл, который и завоевал звание чемпиона Олимпийских игр с результатом 7937 очков.

А что же Кузнецов? Он принес своей команде первую в истории Олимпийских игр медаль в десятиборье. Пока, правда, только бронзовую. Так советские десятиборцы поднялись еще на одну ступеньку лестницы олимпийской славы. От четвертого места Волкова на Олимпиаде 1952 года пришли к третьему месту на Играх 1956 года.

Мог ли Кузнецов выступить лучше? Безусловно. И он доказал это впоследствии. Здесь, в Мельбурне, показанный им результат (7465 очков) не соответствовал его возможностям. Ему не хватило опыта, воли. Вот что пишут об этом Л. Горянов и Б. Львов в своей книге «1 за 10-х»: «Да, в олимпийской столице Василий далеко не всегда умел оставаться самим собой. По дороге на стадион его одолевала тошнота и какое-то удручающее безразличие. В раздевалке тренер, к ужасу своему, замечал, как у всегда спокойного, уверенного и, может быть, даже несколько самоуверенного Кузнецова вдруг в самый неподходящий момент начинали трястись руки...»

После очного поединка в Мельбурне борьба между Джонсоном и Кузнецовым продолжалась. Советский атлет готовился под руководством опытного и знающего тренера. Именно таким тренером стал Владимир Волков после ухода с беговой дорожки. Это содружество принесло первый ощутимый результат в 1958 году. В мае на соревнованиях в Краснодаре Василий Кузнецов первым в мире преодолел в десятиборье восьмидесятилетний рубеж, 8014 — таким стал новый мировой рекорд.

Однако рекорд жил всего несколько месяцев. На матче СССР—США, который состоялся в 1958 году в Лужниках, Рафер Джонсон был выше всяких похвал. В первый день хорошо выступал и Кузнецов, но уже в первом виде второго дня, бег на 110 метров с барьерами, травмировал ногу и вынужден был уступить американцу, показавшему превосходный результат: 8302 очка — мировой рекорд.

Но борьба продолжалась. В октябре 1959 года Кузнецов вернул рекорд мира в Советский Союз. На этот раз его результат превысил достижение Джонсона на 55 очков.

Джонсон попал в автомобильную катастрофу и некоторое время не выступал, но к 1960 году сумел восстановить спортивную форму. На предолимпийских отборочных соревнованиях в США он снова становится обладателем мирового рекорда, на этот раз с великолепным результатом — 8683 очка.

Вместе с многочисленными поздравлениями американских любителей легкой атлетики Джонсон получил телеграмму и от Кузнецова, в которой было только три слова: «Восхищаюсь и завидую!»

К сожалению, на Римской олимпиаде, где снова в очном поединке встретились два замечательных десятиборца, Рафер Джонсон и Василий Кузнецов, борьбы не получилось. Кузнецов еще не оправился от серьезной травмы, и максимум, что он сумел сделать, — это снова завоевать бронзовую награду. Олимпийским чемпионом стал Джонсон (8392 очка).

Если следовать той последовательности, с которой советские десятиборцы двигались к высшей ступеньке олимпийского пьедестала почета, то на этот раз им предстояло перебраться с третьей на вторую ступеньку, то есть завоевать серебряную медаль.

На очередных Олимпийских играх, 1964 года, в Токио эта задача была поставлена перед студентом из эстонского города Тарту Рейно Ауном.

Не случайно представлять советских десятиборцев на Олимпиаде 1964 года было доверено многоборцу из Эстонии. Республика имела славные традиции в этом виде легкой атлетики. В 1922 году эстонский спортсмен Александр Клуберг установил первый официально зарегистрированный мировой рекорд в decatлоне. Десятиборцами мирового класса были эстонцы Хейно Липп, Уно Палу. В этом была большая заслуга известного тренера Фреда Куду, создавшего при Тартуском университете группу талантливых многоборцев.

Вошел в эту группу и поступивший в 1960 году в местный университет Рейно Аун. Несмотря на то что к этому времени он уже выполнил норматив мастера спорта, ему предстояло еще много работать над совершенствованием техники десятиборья, подтягивать отстающие виды, и в первую очередь барьерный бег и шест. Именно этим были заняты в период, оставшийся до Олимпийских игр, Аун и Куду.

К 1964 году Рейно Аун стал хорошо подготовленным многоборцем. Перед другими десятиборцами он имел некоторое преимущество в выносливости, а следовательно, в беге на 1500 метров.

В Токио собралась сильная компания многоборцев. На этот раз США представлял Ян Чуань-Куан, тот самый десятиборец, который благодаря великолепному прыжку с шестом на 4,84 набрал феноменальную сумму очков — 9121, установив тем самым новый мировой рекорд. Впрочем, высокие результаты он показывал и в беге на 400 метров (47,7), барьерном беге (14,0), прыжках (7,17 в длину и 1,92 в высоту) и метании копья (71,75).

Естественно, что, возглавляя два года подряд список лучших десятиборцев мира и будучи мировым рекордсменом, Ян считался главным претендентом на золотую олимпийскую медаль в Токио. Тем более что на чемпионате США накануне Олимпиады он показал высокий результат — 8641 очко.

К несчастью для американского многоборца, накануне Олимпийских игр была опубликована новая таблица очков, уже не дававшая преимуществ прыгунам с шестом и учитывавшая появление фибергласового снаряда, вызвавшего бурный рост результатов в этом виде легкой атлетики.

Не менее серьезными противниками Ауна в Токио были многоборцы из ФРГ — Ханс-Иоахим Вальде и Вилли Холддорф. Атлет могучего сложения (рост 190 и вес 90 кг)

Вальде уже несколько лет входил в число лучших многоборцев мира. Накануне Токийской олимпиады им был показан отличный результат — 8082 очка. В хорошей форме был и Холдорф.

Соревнования десятиборцев в Токио проходили в прохладную дождливую погоду. Размокшая беговая дорожка, скользкие сектора для прыжков и метаний — это осложняло и без того напряженную борьбу в многоборье. Не оправдал надежд плохо выступивший и занявший лишь пятое место Ян Чуань-Куан.

В первый день Аун показывает хорошие результаты в прыжках в длину и высоту (7,22 и 1,93), но уступает Вальде и Холдорфу в толкании ядра. Второй день он начинает с проигрыша барьерной дистанции (только 15,9) и перед бегом на 1500 метров занимает третье место (7199 очков), отставая от немецких многоборцев (Холдорф 7328 и Вальде 7266 очков).

Таким образом, многое зависело от выступления в последнем виде десятиборья. И вот здесь Рейно Аун проявил волю и настойчивость. Казалось, отдавший все силы предыдущим видам, он тем не менее круг за кругом отвоевывает потерянные очки и показывает лучший результат среди лидеров соревнований — 4 минуты 22,3 секунды. Результат Холдорфа равнялся 4.34,3, Вальде — 4.37,0 и Чуань-Куана — 4.48,4. В итоге золотая медаль достается Холдорфу, серебряная — Ауну и бронзовая — Вальде.

Так советские многоборцы поднялись на очередную, на этот раз вторую ступеньку пьедестала почета.

К золотой медали

Итак, перед советскими многоборцами теперь стояла последняя, наиболее трудно выполнимая задача — подняться на высшую ступеньку в десятиборье, завоевать золотую олимпийскую медаль. Готовы ли они были к этому?

К концу шестидесятых годов в СССР уже существовала отечественная прогрессивная «школа» подготовки многоборцев. В Эстонии над созданием этой «школы» продолжает работать Фред Куду, в Москве Владимир Волков, во Львове Дмитрий Оббариус, в Киеве Александр Коваленко, в Одессе Владимир Кацман, в Тбилиси Борис Дьячков.

Советские тренеры рассматривают десятиборье не как механическую сумму 10 видов легкой атлетики, а как один сложный вид, требующий разносторонней комплексной тренировки. Особое внимание уделяется беговой подготовке, принципу непрерывности тренировки (не реже двух раз в неделю в каждом виде), совершенствованию как техники, так и физических, морально-волевых качеств. Годовой цикл тренировки четко делится на отдельные периоды и этапы, для каждого из которых существует определенный круг задач, средств и методов.

Именно такая, четкая, научно обоснованная система подготовки советских многоборцев позволила им с каждым Олимпийскими играми подниматься на новую, более высокую ступень. К сожалению, очередные Олимпийские игры в Мехико не принесли им большого успеха. Не повезло Рейно Ауну, который повредил ногу в беге на 400 метров и выбыл из соревнований. Молодой многоборец из Одессы Николай Авиллов занял четвертое место.

Сильнейшими же в Мехико были американский спортсмен У. Тумей и представители ФРГ — уже известный нам Вальде и Курт Бендлин.

Школьный учитель из калифорнийского городка Лагуна — Билл Уильям Тумей был особенно силен в спринтерском беге и прыжках в длину. В Мехико в беге на 400 метров он показал феноменальный для десятиборца результат — 45,6(!), зато значительно слабее выступил в метаниях (последствия травмы кисти руки еще в детские годы). Неуверенно он чувствовал себя и в прыжках с шестом, где высоту 3,60 преодолел только с третьей попытки. Золотую медаль Тумей завоевал, набрав 8193 очка.

Несмотря на травму локтевого сустава, 75,41 в метании копья показал Курт Бендлин, сумма очков которого 8064 причисла ему третье место. Второе место на пьедестале почета, получив серебряную награду, занял Вальде. Он имел 8111 очков.

Знатоки легкой атлетики особенно отметили появление в Мехико «молодого талантливого десятиборца» Николая Авиллова, которому предсказывали большое будущее. В этом они не ошиблись.

Николай Авиллов — одессит. Может быть, это до известной степени объясняет его постоянную улыбку, шутливость. В одесскую детскую спортивную школу он пришел в 12 лет. Уже в те годы его отличало неумное стремление бегать, прыгать, словом, двигаться. Как у

многих мальчиков, спорт у него начался со спортивных игр: футбола и баскетбола. Именно здесь можно было проявить свой темперамент. Если что-нибудь его увлекало, он мог трудиться без устали, но зато терпеть не мог однообразной монотонной работы.

У каждого многоборца есть виды, которые «идут» лучше. Для Авилова такими видами были прыжки в длину и в высоту и именно в этих видах к нему пришли успехи на Всесоюзных юношеских соревнованиях. В 15 лет Авилов прыгал 1,90, а в 16 лет 2 метра. Собственно, он бросил баскетбол и начал заниматься у тренера Кацмана только для того, чтобы научиться прыгать в высоту. Но все новое было для Авилова интересным. К высоте прибавилась длина, затем барьерный бег.

В 1964 году успешно прошел первый дебют в юношеском восьмиборье. И совсем не лишними здесь оказались высокие результаты в прыжках в длину и в высоту. Но мечтая об участии в Олимпийских играх 1968 года, и тренер и его ученик думали не столько о десятиборье, сколько о прыжках в высоту и в длину. Казалось, именно эти виды дадут Авилову проходной балл в олимпийскую сборную страны.

Тем не менее на соревнованиях Кацман нет-нет да и заявлял своего ученика то на спринтерский, то на барьерный бег, а то и на метания. В следующем, 1965 году Авилов выступил на XI Всесоюзной спартакиаде школьников в Минске. Но не в прыжках, а в юношеском десятиборье. Это принесло ему первое место и всесоюзный юношеский рекорд — 6686 очков.

В сборной команде страны на Авилова с одинаковым интересом поглядывали и тренер по десятиборью Владимир Волков, и тренер по прыжкам в длину Владимир Попов.

Но в 1966 году, выступая уже во «взрослом» десятиборье в Киеве, Авилов стал победителем соревнований с удивительной для новичка суммой очков — 7286. С такого результата не начинал никто, даже среди известных десятиборцев, устанавливавших впоследствии мировые и олимпийские рекорды. После этого было решено — готовиться к выступлению в Мехико в десятиборье. Однако право поехать на Олимпийские игры надо было завоевать. А 1968 год начался для Авилова неудачно. Сперва травма. Затем грипп, помешавший выступить на матче с ГДР. Потом разрыв мышц передней поверхности бедра и щадящие тренировки вполсилы. Однако на отбо-

рочных соревнованиях, набрав 7905 очков и проиграв только Рейну Ауну, сумевшему превысить рубеж 8 тысяч очков, он получил «добро» на поездку в Мехико.

Большинство корреспондентов, которые писали впоследствии об Авилове, лишь небрежно в двух словах упоминали о Мехико. Между тем, участие в этих первых для него Играх стало великолепным уроком. И, пожалуй, правы те, кто считает, что для Авилова если бы не было Мексики, то не было бы и Мюнхена. Здесь он впервые выступал рядом с такими сильными противниками, как Уильям Тумей, Курт Бендлин.

Николай хорошо начал соревнования. 10,9—100 метров и 7,64—прыжки в длину. Но у Тумея было 10,4 и 7,87. А потом в беге на 400 метров сошел Рейн Аун, неожиданно плохо выступил Янис Ланка, и среди советских многоборцев лидером стал Николай Авилов.

Так можно ли считать победой его четвертое место на этой Олимпиаде с суммой очков 7909? Конечно, да! Тем более что 110 метров с барьерами он пробежал за 14,5, а копье впервые послал за 60 метров.

Много серьезных вопросов встало перед тренером Кацманом, когда Авилов вернулся с Мексиканских Олимпийских игр. Теперь это был не просто способный юниор, а чуть ли не призер олимпиады. Спортсмен, которого надо было готовить к XX Олимпийским играм. Ведь четыре года совсем не большой срок.

Одним из sacramентальных вопросов тренерской работы всегда был и остается вопрос об индивидуальных особенностях спортсмена и принятых схемах, принципах тренировки. Как применить эти схемы и принципы к молодым людям, отличающимся друг от друга не только своим физическим развитием, но и складом характера. Ведь то, что хорошо для одного, может быть плохо, а порой и просто неприемлемо для другого.

Считалось, что тренировка десятиборца — это ежедневный утомительный труд. Но почему он должен быть только утомительным и однообразным?

Огромная заслуга Кацмана была в том, что он понимал — этот путь неприемлем для эмоционального, легко возбудимого Авилова. Скучно... и он утрачивал интерес к занятиям, начинал выполнять упражнения спустя рукава. Зато, когда тренировка была интересна, а тем более когда она становилась игрой-соревнованием, он готов был вынести любую нагрузку. Вот что писал в свое время об этом Кацман в журнале «Легкая атлетика». «Его (Авило-

ва.—Примеч. авт.) тренировка носила щадящий характер и всегда строилась с учетом его индивидуальных особенностей. Словом, Авилов не был лишен того, что можно назвать «спортивным детством», и очень радостно, что до сих пор у него сохранился живой интерес ко всем видам десятиборья, желание познавать все новые и новые тонкости в технике. Это залог дальнейшего прогресса спортсмена. А ведь часто равнодушие, пресыщенность, усталость становятся непреодолимым препятствием на спортивном пути многоборца».

Эти взгляды Кацмана, его «щадящая тренировка», и обязательно в коллективе, встречали немало возражений среди некоторых «специалистов», которые склонны были считать Кацмана загибщиком, а Авилова лентяем, ищущим на стадионе лишь развлечения.

Нужно было иметь твердый характер, большую убежденность в своей правоте, чтобы не сойти с раз навсегда намеченного и оправдавшего себя пути. Нужно отдать должное Кацману, который сумел устоять под напором необоснованной и подчас жестокой критики. Что он был прав, показало будущее и такой, например, факт. Авилов тратил мало времени на силовую работу со штангой, предпочитая различные упражнения динамического характера с набивными мячами, прыжковые, гимнастические, акробатические упражнения. Предпринятое впоследствии исследование мышечной топографии спортсмена принесло совершенно неожиданные результаты. Оказалось, что сила мышц спины, разгибателей рук и бедра у Авилова выше, чем у остальных десятиборцев, усиленно занимавшихся со штангой.

Так они и продолжали тренироваться, готовясь к следующей Олимпиаде, весело, непринужденно, в дружном коллективе собравшихся вокруг Кацмана одаренных ребят, не забывая в то же время о необходимости «подтянуть» отстающие виды, и прежде всего метания, но, конечно, не за счет «своих» главных видов — прыжков и барьерного бега. Авилов и сам понимал, что значат для него коллектив, команда, товарищеская поддержка. Впоследствии после Мюнхена он напишет: «То четырехлетие между Мехико и Мюнхеном было одним из самых счастливых периодов в моей жизни. Помню, как прилетел я после Олимпиады 1968 года в Одессу. Прилетел раньше, чем планировалось, но ребята, которые тренировались вместе со мной у Владимира Яковлевича Кацмана, уже ждали в аэропорту. Мы были почти неразлучны: мастера

спорта Александр Чадаев, Виталий Карпенко, Анатолий Потебня, Александр Блинковский и я. Это была настоящая команда. Каждый болел друг за друга, помогал друг другу и не только на стадионе, но и во многих жизненных делах...

...Возможно, кому-то удастся достигать вершин, тренируясь в одиночку. Не исключено и такое. Но чувство команды, как чувство семьи единой, ведет нас к победам в спорте, во всех больших делах».

Так незаметно прошли четыре года. Были и травмы, и болезни, когда приходилось питаться преимущественно таблетками и порошками. Но движение вперед не останавливалось. Все быстрее преодолевалась 110-метровая барьерная дистанция. Все выше устанавливалась планка на прыжках с шестом. Дальше летели и диск и копье.

Олимпийский 1972 год начался выступлением в отдельных видах десятиборья. Уже зимой он послал диск за 45 и ядро на 14 метров. Потом пробежал барьерную дистанцию за 14,3. Наконец наступило время главных репетиций. И все они прошли удачно. В матче с многоборцами ФРГ Авилов был первым с суммой 8084 очка. Впервые завоевал звание чемпиона страны, увеличив результат до 8115 очков. На предолимпийской неделе в Мюнхене он освоился с обстановкой будущих Олимпийских игр. Послал диск на 47,74 и показал 14,1 в барьерном беге.

Но закончилась подготовка, и пришли Олимпийские игры. Пожалуй, самым грозным соперником для Авилова был Иоахим Кирст из ГДР, чемпион Европы, отличный спринтер и, подобно Авилову, выдающийся прыгун в высоту. В его активе 8206 очков. Традиционно сильны многоборцы из ФРГ. Курт Бендлин пришел к Олимпиаде с суммой 8244 очка и стал лидером сезона. У Х.-И. Вальде немногим меньше—8122 очка. На этот раз сильные десятиборцы у Польши—Р. Скавронек, Т. Янченко. Нельзя сбрасывать со счетов американцев Д. Беннета и Д. Баннистера. Правда, с таким ростом и весом, как у Беннета (173 см и 69 кг), трудно рассчитывать на хорошие результаты, но он очень силен в спринте.

Перед своим главным в жизни стартом, а это был его двадцатый старт в десятиборье, Авилов спокойно проспал всю ночь в своей комнате на седьмом этаже одного из зданий олимпийской деревни.

100 метров—Авилов бежит в третьем забеге вместе с Кирстом, Баннистером, австрийцем Зальбауэром, поляком Янченко. Янченко первым пересекает линию финиша. Но

главное, что Кирст позади. Кирст, имевший на сотке 10,3. У Николая Авилова посредственный результат 11,0. Ведь еще в Мехико было 10,9.

Прыжки в длину. «Свой» вид, с которого, собственно, и начинался его путь в легкой атлетике. Здесь он может властвовать. Быть или предельно аккуратным, или идти «ва-банк». В первой попытке нужно не заступить, утвердиться. Но на брусок попал удивительно точно и улетел на 7,68. Невольно вспомнилось, как еще незадолго до Мехико они решали, с чем пробиваться на Олимпиаду: с длиной или десятиборьем. «А все-таки, как не говори, а это «его вид». Вот и сейчас в очередной попытке результат наверняка был в районе восьми метров... если бы не крошечный заступ.

Кирст отвечает результатом 7,53. А между тем он имеет результаты и за 8. Видимо, его главный противник не в форме. Дальше 7,68 никто из других десятиборцев прыгнуть не может.

Толкание ядра. Результаты за 14 метров в наше время считаются посредственными. Но именно так выступает в этом виде Авилов, для которого толкание ядра наиболее «слабый» вид. Другие десятиборцы посылают снаряд за 16—17 метров. Вот и Кирст сейчас во второй попытке толкает на 16,09. А у него 14,36. Как-никак личный рекорд. Конечно, можно было бы сделать эксперимент—с помощью штанги прибавить в весе—тогда ядро станет «легче». Но не станет ли тогда труднее взлетать над планкой в прыжках в высоту. Впрочем, проигрыш в ядре запланирован заранее.

Прыжок в высоту. Ну, а здесь можно поспорить с Кирстом, хотя тот и был победителем многих соревнований и имеет лучший результат—2,16. Это больше, чем прыгает Авилов. Но и за плечами Авилова немалый опыт прыжков в высоту. У них на Украине было у кого учиться, с кем соревноваться. Отличных прыгунов готовили в Одессе П. Никифоров, А. Петрухин. Многому можно было научиться у создателя бердичевской школы прыгунов Виктора Лонского и его учеников—Игоря Матвеева, Валерия Скворцова.

Но прыжки в высоту—«тонкий» вид и, когда планка поднимается на 2,04, он начинает сбивать ее и берет только с третьей попытки. Однако затем пошло гладко. Устанавливается необычная для соревнований в десятиборье высота 2,12. Но он берет и ее. Здесь сдается и сам Кирст, у которого 2,10. Никогда еще на Олимпийских

играх десятиборцы не соревновались на таких высотах. **400 метров.** Последний вид первого дня и, пожалуй, не многим более легкий, чем заключающие второй день 1500 метров. Пробежать в спринтерском темпе целый круг — это камень преткновения для многих многоборцев. Только Беннет лишний раз доказывает, что он великолепный спринтер, пробегая 400 метров за 46,3. Хорошо для себя бежит 400 метров Авилов — 48,50. Это снова его личный рекорд. До сих пор за счет значительного преимущества в толкании ядра впереди шел Кирст. Теперь разрыв между ними сократился до 19 очков. Собственно, так и предполагалось. Он был готов даже к большему разрыву.

110 метров с/б. Общеизвестно выражение «десятиборье начинается только со второго дня». Второй день открывает бег на 110 метров с барьерами, и это правильно, так как в этом виде трудно выступать усталым. Здесь нужна точность, великолепная координация движений. Достаточно на несколько сантиметров ошибиться в месте отталкивания для атаки барьера, как ты рискуешь наткнуться на препятствие.

Именно это и происходит с Кирстом на первом барьере. Так заканчивается его выступление в десятиборье. Ноль очков получает на барьерах Баннистер, но продолжает соревноваться, заняв в итоге предпоследнее место. Что касается Авилова, то его время 14,31 — отличный результат для многоборца, который дает ему еще 926 очков.

Метание диска. Снова личный рекорд — 46,98! Главного противника, Кирста, уже нет. Кто там идет за ним? Спортсмен из ГДР С. Шрайдер. Но у него 45,08. А кто это показывает 50,51? Венгр И. Бакой. Но это не соперник, он где-то далеко за группой лидеров. Что касается Шрайдера, следующего непосредственно за Авиловым, то он отстает уже на 158 очков. Теперь можно поболеть за товарищей. В первый день неудача постигла Леонида Литвиненко, многоборца из Киева. Ко второму дню он был на 16-м месте и теперь постепенно начинает подтягиваться. В диске у него хороший результат — 47,84.

Прыжки с шестом. Нелегко ему дался этот фибергласовый шест. Еще и теперь нет-нет да и посмотрит он с опаской на теряющуюся где-то далеко вверх планку. Один из самых коварных видов. Ошибиться можно, еще не начиная соревнований, при определении начальной высоты. Сколько раз подводила эта «начальная» даже опытных спортсменов. На этот раз его первая 4-метровая

высота преодолена нормально. Соревнования растягиваются на несколько часов, но он прыгает спокойно с первой попытки. Наконец 4,55. Так высоко Авилов еще не прыгал. С третьей попытки, но высота взята. Есть еще один личный рекорд. Американец Беннет берет 4,80! Но это уже ничего не может изменить. Конечно, если с ним ничего не случится на двух оставшихся видах.

Метание копья. Девятый, предпоследний вид. Трудный по технике и опасный по последствиям. Многих копьеметателей преследуют привычные травмы локтевого сустава или плеча. Обычно большинство десятиборцев показывают здесь результаты в промежутке между пятьюдесятью и шестьюдесятью метрами. Литвиненко посылает снаряд на 58,94. У Беннета—57,48. У поляка Катуса—59,96. Следующий за ним С. Гурамер из ФРГ показывает даже 60,70.

Первая попытка у Авилова неудачна. Но во второй еще один личный рекорд—61,68. Правда, у поляка Янченко—63,80, но он не в счет, так как не входит в число лидеров.

Бег на 1500 метров. Перед последним видом можно передохнуть несколько минут и порассуждать. Его ближайший соперник Шрайдер отстает на 350 очков. Практически догнать его никто не может. Значит, золотая олимпийская медаль на этот раз не уйдет от него. Впрочем, недалеко и до мирового рекорда. Опекающий здесь, в Мюнхене, десятиборцев Фред Куду подсказывает, что для рекорда нужно пробежать быстрее 4.28,0. Возможно ли это? На предыдущей Олимпиаде он показал только 5.00,8. Но это было давно. А потом был результат и 4.23,0.

Они бегут вместе с Литвиненко. Тот молодец: с 16-го перебрался на 8-е место. Может подняться и повыше, 1500 метров—его коронный вид.

Быстрел стартера, и Литвиненко устремляется вперед. За ним Авилов. Вот теперь-то хорошо понимаешь, что такое в легкой атлетике уметь терпеть. Как тут бежать, когда что-то мешает дышать, а в правом боку поднимается тупая боль. На финишной прямой ты уже ничего не видишь. Кажется, что эти последние шаги делаешь не ты, а кто-то другой...

Когда Авилов окончил бег, а вместе с ним и свое выступление в десятиборье, то упал. К нему поспешили тренеры, подняли, закутали в одеяло. О, насколько было бы эффектнее, подняв руку, сделать трусцой круг почета

по стадиону под аплодисменты зрителей. Но это не для десятиборцев.

На 1500 метров Николай Авилов показал 4.22,8 и, набрав 8454 очка, установил новый олимпийский и мировой рекорды!

Так советскими многоборцами был сделан последний шаг на высшую ступеньку олимпийской лестницы славы — олимпийский пьедестал почета. Волков, Кузнецов, Аун и вот теперь Авилов. И не только он один, но и Литвиненко. Трудно сказать, чему больше аплодировали зрители — великолепному рекорду Авилова или фантастическому бегу на 1500 метров Леонида Литвиненко.

Шестнадцатое место после первого дня. Восьмое перед последним видом и второе после бега на 1500 метров! Отыграть шесть мест в беге на 1500 метров. Такого еще не знала история легкой атлетики. Но Литвиненко пробежал три с половиной круга за 4.05,9! Советские десятиборцы заняли не только первую, но и вторую ступеньки пьедестала почета.

Вы обратили внимание, сколько личных рекордов установил Авилов в Мюнхене? Известно, что у каждого десятиборца существует определенный разрыв между его лучшими достижениями и результатами, показанными в соревнованиях по десятиборью. Это естественно. Ведь к каждому следующему виду многоборец приходит все более и более усталым. Но чем выше его мастерство, его квалификация, тем меньше этот разрыв. У таких десятиборцев, как, например, Тумей этот «коэффициент реализации» достигает 95 процентов. У Авилова он приближается к 100 процентам!

К Олимпийским играм 1976 года Авилов, заканчивающий юридический факультет, не подготовился должным образом и был третьим, завоевав бронзовую медаль (8369 очков). Это тоже почетно, тем более что после шести видов Авилов был еще первым и сумел показать среди 30 десятиборцев, участвующих в Олимпиаде, лучшие результаты в барьерном беге (14,20), прыжках в длину и в прыжках в высоту (7,52 и 2,14). Но сам Авилов, Кацман и Куду считают, что можно было бороться и за золотую медаль. Поверим им.

А чемпионом Олимпиады-76 стал американец Брюс Дженнер, который на предыдущих Играх был только десятым. 12 лет затратил он на то, чтобы стать олимпийским чемпионом и мировым рекордсменом в десятиборье. Что же, американцы имеют славные традиции в мно-

гоборье и не собираются без боя сдавать своих позиций.

Нужно отдать должное Дженнеру — к Олимпиаде-76 он прекрасно подготовился во всех видах десятиборья и сумел показать отличные результаты не только в спринтерском беге, прыжках и метаниях, но и на дистанции 1500 метров, бывшей камнем преткновения для многих поколений многоборцев. Вот какие результаты он показал на соревнованиях в Монреале: 10,94—7,22—15,35—2,03—47,51—14,84—50,04—4,80—68,52—4.12,61.

80 ОЛИМПИЙСКИХ ЛЕТ

Позади восемьдесят олимпийских лет. Они ознаменовались непрерывным, непредвиденным прошлыми поколениями ростом спортивных достижений. Ростом поистине фантастическим. Об этом красноречиво свидетельствует сравнение результатов, показанных на Олимпийских играх 1896 и 1976 годов.

Бег: 100 м	— 12,0—10,06
400 м	— 54,2—44,26
800 м	— 2.11,0—1.42,50
1500 м	— 4.33,2—3.39,17
марафон	— 2:58.50,0—2:09.55,0
110 м с/б	— 17,6—13,30
Прыжки: высота	— 1,81—2,25
длина	— 6,35—8,35
тройной	— 13,71—17,29
шест	— 3,30—5,50
Метания: диск	— 29,15—67,50
ядро	— 11,22—21,05

Почему не сбываются прогнозы

Создается впечатление, что в 1896 и в 1976 годах на Олимпийских играх выступали совсем иные люди. В прошлом веке слабосильные пигмеи. В наше время великолепно сложенные атлеты. Однако это далеко не так. И тем не менее такая фантастическая разница. Не в сантиметрах, а в метрах. Не в секундах, а в минутах. Достаточно сказать, что все результаты, включая марафонский бег,

показанные в 1896 году мужчинами, в 1976 году намного перекрыты женщинами. Поразительный на первый взгляд, трудно объяснимый рост достижений можно наблюдать буквально во всех олимпийских видах легкой атлетики. Современникам Олимпийских игр прошлого казалось, что вот наконец-то показаны наивысшие результаты, достигнут предел человеческих возможностей, но проходило еще четырехлетие, раздавался выстрел стартового пистолета на очередной Олимпиаде, и снова зрители любовались, фейерверком еще более высоких достижений.

Сколько прогнозов о возможных пределах в олимпийской легкой атлетике было сделано до сих пор! Их составляли тренеры и спортсмены, физики, и биологи. И все эти прогнозы оказались несостоятельными, они были перекрыты. В наше время прогнозирование результатов поставлено на научную основу. Так, шведский ученый Ренстранд, сравнивая рекорды Олимпиад, показанные на протяжении последних двенадцати лет, высчитал проценты прироста мировых достижений в отдельных видах легкой атлетики. На основе этого, с помощью электронно-вычислительной машины он попытался предсказать возможные достижения грядущего олимпийского 1980 года. Подобную же попытку сделал советский специалист доктор педагогических наук, заслуженный тренер СССР Л. Хоменков. Взяв за исходное высшие результаты олимпийских лет, он также спрогнозировал результаты 1980 года, среди которых мы находим 9,01 в беге на 100 метров, 13.01,0—на 5000 метров, 18,00—в тройном прыжке, 74,60—в метании диска и т. д. Оправдаются ли эти прогнозы—покажет будущее. Ждать осталось совсем недолго.

История Олимпийских игр показывает, что возможности человеческого организма поистине неисчерпаемы. Об этом свидетельствует не только развитие легкой атлетики, но и великолепные достижения в других видах спорта—гимнастике и плавании, лыжах и фигурном катании, хоккее и тяжелой атлетике.

За счет чего же происходил рост олимпийских рекордов? Прежде всего за счет совершенствования техники легкоатлетических упражнений. Наиболее наглядно этот процесс, как мы знаем, происходил в прыжках в высоту. Вы помните? Примитивные «ножницы» сменила более прогрессивная «волна». Затем пришел «перекат», ему на смену «перекидной». Наконец, этот калейдоскоп стилей завершил «фосбери-флоп».

В тех видах легкой атлетики, где нельзя было предло-

жить принципиально новый технический вариант, совершенствовались детали, тонкости, имеющие, однако, немаловажное значение.

Второй путь улучшения олимпийских достижений в легкой атлетике — совершенствование средств и методов тренировки. Современные атлеты быстрее, выносливее, сильнее, техничнее, нежели их предшественники. Достигнуто это как за счет увеличения объема физических нагрузок, так и путем рационализации тренировочного процесса на основе современных научных данных.

В наше время неизмеримо возросла роль тренера. Многие величайшие спортивные достижения вообще не были бы возможны, если бы не тренеры, сумевшие сохранить спортивный опыт предшествующих поколений легкоатлетов, поставить на службу тренировочному процессу медицину и психологию, физиологию и математику.

Польский спортивный журналист Ян Муляк опубликовал статью, посвященную облику современных тренеров. Он пишет: «У них есть что-то общее, будто все они из одной семьи. Лица их, как правило, четко очерчены, сильные, волевые. В какой-то мере этим они похожи на строевых военных. Их быстрый взгляд смягчается теплом и добротой глаз. Сильная воля, принципиальность и доброта — эти черты отличают знаменитых тренеров».

Все это правильно. Но сколько же к этому можно добавить. Универсальные знания, педагогический талант, интуиция и фанатичная преданность своему делу. Деятельность хорошего тренера — это не столько работа, сколько служение, отдача всего себя. Здесь нет работы по часам, а есть непрерывные тренировки. Нет выходных, а есть дни активного отдыха. Именно так жил и трудился Виктор Ильич Алексеев, который отдал свое сердце спорту, сердце, которое не выдержало этого напряженного круглосуточного труда (ночью Виктор Ильич нередко заносил на бумажки родившиеся в тишине мысли, и к утру пол покрывался белыми листочками). Для любителей спорта история Олимпийских игр — это обычно достижения, рекорды, спортсмены. Они забывают о тренерах или вспоминают о них в редких случаях. А между тем, если бы не существовал Перси Черрутти, не было бы чемпиона Олимпийских игр Герберта Эллиота, не создал бы в Новой Зеландии свою тренировочную базу Артур Лидьярд, не покорял бы время и пространство великий Питер Снелл. Не трудился бы над теорией и практикой прыжков Владимир Дьячков — не преодолевал бы планку на косми-

ческих высотах Валерий Брумель. Мы надеемся, что недалеко то время, когда появится книга, посвященная знаменитым тренерам, раскрывающая их приемы, педагогический талант, умение трудиться и жить во имя этого труда.

НТР и олимпийские достижения

Отражение научно-технической революции в спорте — это не только использование в тренировочном процессе достижений современной науки, но и совершенствование его технического оснащения.

История роста олимпийских достижений в легкой атлетике непосредственно связана с эволюцией этого оснащения. Оно касается как улучшения мест, где проводятся соревнования, так и специальных приспособлений, инвентаря, спортивных снарядов. Техническая модернизация легкоатлетического спорта наряду с улучшением средств и методов тренировки — одна из причин бурного роста олимпийских рекордов.

На мягкой земляной или травяной беговой дорожке легкоатлетам было трудно показывать высокие результаты в беге. Шагом вперед стала гаревая дорожка, приготовленная из специальной смеси. В наше время тартановые, рекортановые и прочие синтетические покрытия беговых дорожек и мест для прыжков позволяют бежать значительно быстрее, совершать более далекие прыжки.

Появление высокого настила из поролона на местах для приземления дает возможность спортсменам уверенно совершать прыжки на высоту многоэтажного дома, применять способы прыжков, при которых приземление происходит на спину.

Улучшению олимпийских рекордов способствовало изобретение снарядов для метаний более совершенной аэродинамической формы. Это касается прежде всего копья. Цельнотянутое металлическое копьё стало обладать повышенными планирующими свойствами, а следовательно, лететь дальше. Уменьшился в размерах и стал изготавливаться с применением вольфрама шар молота, что позволило уменьшить сопротивление воздушной среды при полете снаряда.

Большое значение имело изменение формы легкоатлетического барьера. Роль первых барьеров выполняли обыкновенные плетеные изгороди. Затем появились тяже-

лые Х-образные сооружения, напоминающие козлы для пилки дров. Следующим этапом совершенствования барьера стало препятствие, напоминающее своей формой перевернутую букву Т. Лишь в 30-х годах нашего столетия был предложен современный барьер в виде буквы L с утяжеленным основанием. Словом, постепенно был создан барьер, который уже не представлял опасности для спортсмена и при падении не мешал ему продолжать бег. В 1933 году американский барьерист Перси Бэрд, пробежав 110 метров с новыми барьерами, показал результат, превышающий мировой рекорд, но его не утвердили, так как новые препятствия не были узаконены ИААФ.

Появление новых барьеров уже на Играх 1948 года позволило американцу В. Портеру впервые в истории Олимпийских игр «выйти» из 14 секунд, он пробежал 110-метровую барьерную дистанцию за 13,9. И теперь почти каждые Игры приносили улучшение олимпийского рекорда в беге на 110 м с/б: 13,7 на Играх 1952 года; 13,5—в 1956 и 1964 годах; 13,3—в 1968 году и 13,24, показанные американским атлетом Раем Милберном в 1972 году. Так росли олимпийские рекорды в барьерном беге.

Однако есть вид олимпийской легкоатлетической программы, в котором спортивный снаряд непосредственно определял и технику и уровень результатов. Это прыжки с шестом.

На I Олимпийских играх в Афинах американец Уильям Хойт продемонстрировал прыжок с деревянным шестом и преодолел планку на высоте 3 метра 30 сантиметров. Известный американский специалист Ричард Ганзлен пишет: «Первые прыгуны пользовались деревянными шестами с грузом железа или свинца до 20 фунтов (около 9 кг) на его переднем конце. Этот груз был необходим для того, чтобы шест легче принимал вертикальное положение».

Тяжелый деревянный шест из ели, сосны, бука или других пород деревьев был неудобен, затруднял разбег и часто ломался. И вскоре американцы стали пользоваться легким и гибким бамбуковым шестом, который позволил значительно увеличить скорость разбега и благодаря этому преодолевать значительно большую высоту. Усилиями американцев Ч. Дворака, А. Джильберта, Х. Бабкока, Ф. Фосса, Л. Бэрнеса и С. Кэрра олимпийский рекорд, начавший свой отсчет с 3,30 в 1928 году, был доведен до 4 метров 20 сантиметров. Все эти годы преимущество американцев на Олимпийских играх было

беспорным. Правда, попытки бороться с представителями США делали японцы. Первым о своих претензиях на олимпийскую корону довольно своеобразным способом заявил на Играх 1904 года в Сент-Луисе представитель Страны восходящего солнца — Фуни.

Когда судьи вызвали Фуни для выполнения прыжка, он подошел к стойкам, поставил шест и на глазах удивленных судей и зрителей быстро вскарабкался по нему, а затем спокойно перепрыгнул через планку, установленную на отметке 3 метра 20 сантиметров. После разъяснения о том, что надо прыгать с разбега, Фуни отошел на несколько метров, не спеша разбежался и, остановившись, снова повторил свой трюк. Конечно, его результат не был утвержден, а в правила внесли уточнение, что прыгуну запрещается перебирать руками по снаряду во время прыжка...

Росту достижений в прыжках с шестом способствовало также введение с 1924 года новой формы ящика для упора, который позволял прочно устанавливать шест и гасил его вибрацию, а также совершенствование ямы для приземления, которая стала представлять собой высокую подушку из поролона, что делало прыжок более безопасным.

На X Олимпийских играх в Лос-Анджелесе японские прыгуны доказали, что после Сент-Луиса они не тратили времени даром и готовились к бою. Когда планка была установлена на высоте 4,15, маленький японец Нисида преодолел ее с акробатической ловкостью. Из американцев с первой попытки эту высоту взял только Д. Джефферсон. После 4,25 остались лишь двое — Сухаи Нисида и американец В. Миллер. Две первые попытки неудачны у обоих спортсменов. В третьей — японец переходит через планку. Она колеблется и в конце концов падает вниз. Так же дрожит планка после прыжка Миллера, но каким-то чудом остается лежать на стойках. Американские зрители с облегчением вздыхают...

Второй бой американцам японские шестовики дали на следующих Играх, в Берлине. Здесь против трех студентов Южнокалифорнийского университета В. Грэбера, Э. Мэдоуса и В. Сэффтона выступили С. Нисида и С.Ое. Два американца и два японца преодолели высоту 4,25, но счастье опять улыбнулось заокеанским спортсменам. Мэдоус стал победителем Олимпийских игр с результатом 4,35.

Однако наиболее выдающимся прыгуном, пользу-

яющимся бамбуковым шестом, был обладавший безупречной техникой американский спортсмен Корнелиус Уормердам, обычно прыгавший на соревнованиях лучше, чем на тренировках. «Борьба мне всегда помогала, и, возможно, я прыгнул бы еще выше, если бы мои соперники вынудили меня к этому»,—говорил он впоследствии. Впрочем, и так Уормердам установил мировой рекорд—4,77, который был улучшен лишь через 15 лет.

И все же Уормердам не стал олимпийским чемпионом. В годы его выступлений Олимпийские игры не проводились. Замечательный атлет попал в «мертвую полосу»—1936—1948 годы.

После окончания второй мировой войны началась новая эра в олимпийской истории прыжков с шестом. Бамбуковые шесты были недолговечны, трескались от перемены температуры, часто ломались. И вот появились металлические—стальные и дюралюминиевые шесты. Они были удобны, долговечны, но по своей упругости уступали бамбуковым. Вот почему рекорд Уормердама, установленный бамбуковым снарядом, продержался так долго. Как правило, атлеты, преуспевающие в прыжках с металлическим шестом, обладали большой силой плечевого пояса и рук и имели высокий рост. Среди них наиболее известны победители Олимпийских игр 1952 и 1956 годов Роберт Ричардс, прозванный «Летающим пастором», и 1960 года—Дон Брэгг. Ричардс в Хельсинки преодолел планку на высоте 4,55, а в Мельбурне прибавил к этой высоте один сантиметр, завоевав таким образом две золотые олимпийские медали. Ричардс разделял свои привязанности между церковью и стадионом. Занятия богословием не мешали ему аккуратно посещать тренировки. Кстати, победив на Олимпиаде в Мельбурне, он отслужил мессу в одной из местных церквей.

Не менее колоритной фигурой был мускулистый, атлетически сложенный Дон Брэгг. На Олимпийских играх в Риме, взяв высоту 4,70, он заявил окружившим его корреспондентам: «Я осуществил свою мечту, теперь я хочу жениться, закончить военную службу и сыграть в Голливуде роль Тарзана». Насколько известно, эти мечты Дона Брэгга осуществились.

В 1960 году первенство США неожиданно выиграл почти никому не известный прыгун А. Дулей. Его шест был сделан из какого-то синтетического материала. Он так сгибался под тяжестью прыгуна, что казалось вот-вот сломается, но затем он разгибался и, как катапульта,

подбрасывал спортсмена вверх. Так после долгих поисков был найден материал, из которого можно было сделать гибкий и достаточно упругий шест. Небольшая фабрика в США на побережье Калифорнии, занимавшаяся раньше производством рыболовных принадлежностей, стала изготавливать подобные шесты из так называемого фибергласа.

Шесты из синтетических материалов продолжали совершенствоваться. Одним из вариантов был более гибкий и «быстрый» шест «Ката-поле». С появлением новых синтетических шестов были опровергнуты все представления о человеческих возможностях в этом виде легкой атлетики. Новый шест подбрасывал спортсменов на невиданную высоту. Он потребовал перестройки техники, поставил под угрозу гегемонию американцев, так как новым снарядом стали овладевать и спортсмены европейских стран.

В 1962 году применение новых шестов было официально разрешено ИААФ. С этого времени мировые и олимпийские рекорды стали стремительно расти. В совершенствовании новой техники, рациональном использовании катапультирующих свойств синтетических шестов многое сделали такие американские прыгуны, как Джон Пеннел (5,44), Роберт Сигрен (5,63), Эрл Белл (5,67), Дэвид Робертс (5,70). В разработке новой техники приняли участие и европейские спортсмены. Прыгун из ГДР Вольфганг Нордвиг (5,50), швед Кейль Исакссон (5,59), поляки Тадеуш Слюсарский (5,62) и Владислав Казакевич (5,62). Впервые в истории Олимпийских игр на двух последних Олимпиадах победителями в прыжках с шестом стали не американские, а европейские спортсмены, представители социалистических стран: в 1972 году в Мюнхене — Вольфганг Нордвиг и в 1976 году в Монреале Тадеуш Слюсарский. Мировой же рекорд сейчас принадлежит американскому студенту Майку Талли и равен 5 метрам 71 сантиметру. Подобные результаты были бы невозможны без современного катапультирующего шеста.

Судьба чемпионов

Какова же судьба олимпийских чемпионов? В капиталистических странах она поистине печальна.

Древние греки одевали и кормили своих чемпионов за счет государства. Им воздвигали памятники. В их честь слагали стихи. Эти традиции пытались возродить, пожа-

луж, только финны. В остальных странах капитала об этом позабыли.

Люди науки и искусства, ученые, поэты, композиторы живут в своих изобретениях, открытиях, произведениях. Что остается после олимпийских чемпионов? Несколько строчек в спортивных справочниках. Обычно о них забывают. Лишь изредка на страницах зарубежной печати какой-нибудь досужий журналист вызовет из небытия имя какого-нибудь чемпиона, да и то лишь для того, чтобы заработать на очередной сенсации. Чемпионов, которым было за тридцать в период их олимпийских выступлений, таких, как Бланкерс-Кун или Ортер, единицы. Большинство же заканчивает свою спортивную карьеру в молодые годы. Какой удивительный контраст! Преклонение и олимпийская слава и забота о куске хлеба. А ведь переход от активной жизни в спорте к существованию вне стадиона, спортивного зала болезнен сам по себе. Вдвойне он тяжел для олимпийцев в капиталистических странах, где законы борьбы за существование чрезвычайно суровы.

Известно, что олимпийские победы открывают неграм США, которых в легкой атлетике большинство, дорогу в высшие учебные заведения. Но лишь немногие получают дипломы и приобретают специальность. Да, нередко их принимают в высшие учебные заведения и выплачивают спортивные стипендии. Однако и в этом существует своего рода расовая норма—6 процентов от всех спортивных стипендий. В то же время негристипендиаты настолько «активно» используются в спорте, что редко заканчивают университеты в положенные сроки, а многие вообще не получают диплома. Об этом пишет в журнале «Спорт иллюстриейтед» американский журналист Джек Олсен. По его словам, за последние 20 лет в университете штата Вашингтон из 20 футболистов-негров, получавших спортивную стипендию, только 7 закончили полный курс. В штате Вайоминг лишь 20 процентов спортсменов-негров получают дипломы об окончании высшего учебного заведения.

Нередко негритянский легкоатлет, закончив свою спортивную карьеру, возвращается в гетто без денег и профессии.

На Олимпийских играх 1912 года Джим Торп, многоборец, индеец по происхождению, завоевал две золотые медали. Мы уже рассказывали о том, как он на основе ложного обвинения в профессионализме был лишен этих наград. В возрасте 24 лет Торп стал игроком в американ-

ский футбол и некоторое время считался одним из лучших футболистов страны. Многим запомнился матч команды, за которую играл Джим Торп, с командой американской армии, в состав которой входил будущий президент США Дуайт Эйзенхауэр. Кстати, ему было поручено «стеречь» Торпа. Армия проиграла 6:27, из них 22 очка принес своей команде Джим Торп.

В 40 лет он оставил спорт без денег и профессии. Копал могилы на кладбище. Был мойщиком посуды в захудалом ресторане. В 1953 году Торп умер в нищете.

А вот другая страна — Франция. На Олимпийских играх 1928 года единственную золотую медаль принес Франции алжирец Эль Уафи в марафонском беге. Франция встречала его как национального героя. В Тулоне командир эскадры принимал Эль Уафи на флагманском линкоре. В его честь экипаж был выстроен для салюта.

Олимпийскому чемпиону предложили турне по Америке. Он ушел с завода Рено, где работал раньше, а когда вернулся, то обратно на работу его не взяли. Пробивался случайными заработками. Вскоре его застрелили фашиствующие молодчики.

Последнее десятилетие характеризуется широким наступлением частного предпринимательства на любительский спорт. Олимпийская слава становится объектом купли и продажи, широко используется в рекламных целях. Чудо-тапочки рекламирует олимпийский чемпион французский барьерист Ги Дрю. Рекламой ради заработка занимается Армин Хари.

Но рекорд использования своей олимпийской славы в целях заработка поставил, пожалуй, олимпийский чемпион 1976 года в десятиборье Брюс Дженнер. Он основал семейную фирму «8618 инк», в название которой включено количество очков его мирового рекорда. В фирму, дела которой ведет специально нанятый профессиональный менеджер, входят сам Дженнер, его жена Кристи и их собака Берта. Брюс развил бешеную деятельность по превращению своей олимпийской славы в золото, заключая бесчисленные договоры на рекламу изделий различных предприятий. Тем же занимается и его жена. Нашлось дело и собаке. Фирма «Дженерал милс» использует Берту для рекламы продукции фирмы — продуктов питания для домашних животных.

В последние годы за рубежом широкое распространение получила «индустрия массовых зрелищ». Этим не замедлили воспользоваться предприниматели от спорта.

уже существовали «цирки» горнолыжников, конькобежцев, теннисистов. Дошла очередь и до легкой атлетики. В качестве «ловца олимпийских душ» здесь выступил «цирк» О'Хара, или, как его называли сокращенно, ИТА (Интернэшнл трек ассошиейшн). Возглавил это предприятие бывший американский волейболист, а ныне ловкий калифорнийский предприниматель Майкл О'Хара. Недаром падкие на звучные эпитеты калифорнийские журналисты прозвали его «Молодой акулой», «Улыбающимся спрутом».

На удочку О'Хары клюнуло немало участников Олимпийских игр, что дало ему право заявить: «В моей труппе выступают только олимпийские звезды». Среди участников «цирковых представлений» зрители увидели олимпийских чемпионов в спринте Боба Хейеса и Джима Хайнса, известных бегунов Кипчого Кейно, Бена Джипчо, Джима Райана, барьериста Роднея Милбэрна, рекордсмена мира в толкании ядра Рэнди Матсона и некоторых других участников Олимпийских игр. Если в первое время представления в закрытых помещениях пользовались успехом, то впоследствии оказалось, что «цирк» не может конкурировать с любительским спортом. Погоня за долларами не могла родить новых мировых рекордов, как это обещал в свое время О'Хара. В итоге в 1977 году «цирк» тихо закончил свое существование, повторив тем самым судьбу конькобежного «цирка».

Впрочем, в 1978 году на горизонте появился еще один цирк, на этот раз создаваемый нефтяными предпринимателями Эвансом и Шуайби из княжества Дибай, входящего в Объединенные Арабские Эмираты.

Не приходится сомневаться, что новый «цирк» ждет не менее печальная судьба, чем его предшественника ИТА. Однако путь олимпийских чемпионов в профессиональный спорт остается открытым, и в погоне за деньгами многие олимпийские чемпионы — легкоатлеты становятся профессиональными футболистами, баскетболистами.

В последние годы большое распространение получила «утечка мускулов» из африканских стран в США. Для Кении, например, это стало буквально национальным бедствием. В Найроби с призывом к правительству обуздать американских охотников за африканскими спортивными звездами выступил местный спортивный обозреватель Хезекиа Велукхулу. В одной из своих статей он указал, что кенийские любители спорта давно уже лишены возможности любоваться стремительным бегом таких

«звезд» беговой дорожки, как Кипчого Кейно, Бен Джипчо, Нафтали Тему или Амос Бивот. «Парадоксальной» называет Х. Вепухулу ситуацию, сложившуюся в этом году на тренировочном сборе кенийских легкоатлетов в Кисуму накануне розыгрыша Кубка мира по легкой атлетике. В этом сборе не смогли участвовать лучшие кенийские спортсмены — мировой рекордсмен в беге на 10 000 метров С. Кимомбва, Дж. Нгено, Г. Роно, С. Кипругут и другие легкоатлеты, находящиеся в США. Лишь случай — приезд на некоторое время домой — привел на сбор М. Бойта, В. Вайгву, Д. Муньялу и Д. Омванзу. В то же время в интервью корреспонденту агентства Ассошиэтед Пресс тренер национальной легкоатлетической команды Кении Джим Вамбуа заявил, что скоро Кения не сможет выставить команду на Олимпийские игры. Уже 12 лучших кенийских бегунов, считавшихся кандидатами в олимпийскую сборную, уехали в США, где получили специальные спортивные стипендии в ряде университетов.

Мы назвали здесь немало олимпийских чемпионов, пытающихся превратить свою спортивную славу в деньги. Но можем ли мы бросить упрек бывшим олимпийцам в стремлении к наживе, стяжательству, использованию своей спортивной славы в коммерческих целях? Пожалуй, нет! Такова действительность капиталистического мира. Иной путь олимпийским чемпионам заказан. Судьба же тех, кто пытается идти по иному пути, достаточно печальна. Примером этому может служить история «Черной газели» — чемпионки Олимпийских игр 1960 года в Риме Вильмы Рудольф. Могло показаться, что будущее Вильмы обеспечено, она закончила университет в Теннесси и получила диплом учительницы. Впоследствии у нее родились трое детей, и старшая девочка обещала стать выдающейся легкоатлеткой.

Но в 1968 году в печати появилось интервью, взятое у Вильмы журналистом В. Кунингамом, из которого выяснилось, что Рудольф бедствует, что ей пришлось бежать из ее родного города Кларксвилла, где царит атмосфера ненависти к неграм, и теперь она скитается по США.

В интервью приводились следующие слова Вильмы: «Легкая атлетика была для меня единственным шансом выбраться из нужды. Наша семья имела лишь одно богатство — 22 ребенка. Я родилась девятнадцатой. Мы жили в страшной нужде, ведь мы негры, а в США цвет кожи имеет огромное значение».

— Где ваши золотые олимпийские медали? — спросил корреспондент.

— Заложены в ломбарде вместе с тремя ящиками кубков, призов и всей нашей мебелью...

Иное мы видим в социалистических странах.

Недаром наших олимпийских чемпионов отличают не только великолепные физические данные, но и воля, трудолюбие, настойчивость.

Как правило, в современном содружестве тренер — спортсмен спортсмен выступает не только как объект воздействия, но и как носитель активного сознательного начала, как ученик, который учится, растет вместе с тренером, приобретает специальные знания и навыки. Вот почему многие участники, чемпионы и призеры Олимпийских игр становятся впоследствии квалифицированными тренерами. Тренерами стали ученики В. Алексеева, возглавлявшего школу «Зенит», — Е. Лутковский, В. Розенфельд, Ю. Лукьянов и многие другие. В числе тренеров сборной команды страны мы видим выдающихся в прошлом спортсменов, участников Олимпийских игр Игоря Тер-Ованесяна, Леонида Щербакова, Кима Буханцова, Витольда Креера.

Не все олимпийцы остаются в спорте, но, как правило, все они становятся высококвалифицированными специалистами. В школе «Зенит» ведется счет бывшим ученикам Алексеева, ставшим докторами и кандидатами наук, крупными специалистами. Число их велико.

Можно было бы опубликовать длинный список наших олимпийцев, отличившихся не только в спорте. Едва ли в этом есть необходимость. Назовем хотя бы некоторых из них. Участник Олимпийских игр Владимир Лошилов, впоследствии доктор технических наук, стал лауреатом Государственной премии СССР за разработку и применение в клинической практике методов ультразвукового соединения костей после переломов.

Мы помним олимпийскую чемпионку Инессу Яунземе, делившую свои привязанности между копьем и медициной. Сейчас она лауреат Государственной премии Латвии. Мы не можем не вспомнить здесь сестер Пресс, защитивших кандидатские диссертации.

Естественно, что спортсмены-олимпийцы и других социалистических стран, будь то ГДР или Болгария, Польша или Чехословакия, получают образование, пользуются любовью и доверием народа. Маргитта Гуммель из ГДР, олимпийская чемпионка в толкании ядра, защитила до-

кторскую диссертацию и сейчас работает научным сотрудником Лейпцигской высшей школы физической культуры. Другая олимпийская чемпионка Иванка Христова из Болгарии удостоена звания Героя Социалистического Труда с вручением Золотой звезды и ордена Георгия Димитрова.

Молодость и долголетие

Известно, что олимпийский спорт помолодел. Совсем юные школьницы показывают рекордные секунды на водных дорожках бассейнов, восхищают зрителей головокружительными гимнастическими элементами на бревне и разновысоких брусьях.

Своеобразный процесс омоложения происходит и в олимпийской легкой атлетике. Спортсмены и особенно спортсменки начинают заниматься бегом, прыжками и метаниями в более раннем возрасте, чем это было до сих пор, и раньше достигают «олимпийской зрелости». Так, в США девочки 8—9 лет бегают на 1 милю, школьницы среднего возраста соревнуются на 2 мили. На этих дистанциях фиксируются рекорды, существует специальная шкала нормативных требований для юных спортсменов разного возраста.

Все чаще и чаще среди участниц международных соревнований мы видим девочек 14—15 лет. Своего рода сенсацией было выступление 14-летней американской спортсменки Мэри Деккер, ставшей победительницей в беге на 800 метров на одном из матчей СССР—США. Изменился и возраст участниц Олимпийских игр. Так, средний возраст шести лучших бегуний на 800 метров на Олимпиаде 1960 года равнялся 25,2 года, 1964-го—25,0, 1968-го—24,67, 1972-го—24,18 и 1976 года—23,58.

Подобную же тенденцию снижения возраста участников Олимпийских игр можно наблюдать и в других видах легкой атлетики, например спринте. Здесь особенно типичен пример ГДР, где в 60-е годы к специальной узконаправленной тренировке в беге на короткие дистанции спортсменки приступали сравнительно поздно. Например, серебряный призер XVI Олимпиады Криста Штубник начала специальную подготовку в спринте с 19 лет. Призер XVII Олимпийских игр в барьерном беге Гизела Биргемайер в 20 лет. Поэтому высокие результаты у этих спортсменок приходились на сравнительно поздние годы. Даже Рената Штехер добилась рекордных для себя пока-

зателей лишь в 23 года, а в 19 лет ее результат в беге на 100 метров равнялся лишь 11,5.

Иную картину мы наблюдаем у спортсменок следующего поколения. Э. Штропаль показала свой рекордный результат на 100 метров—11,0 в 20 лет. Олимпийская чемпионка Б. Эккерт пробежала эту дистанцию за 11,1 в 19 лет, а мировая рекордсменка М. Эльснер за 11,17 в 18 лет.

Казалось бы, раннее начало занятий легкой атлетикой неизбежно повлечет за собой и более раннее их окончание. Может быть, это и верно для некоторых других видов спорта, но не для легкой атлетики. Методически правильно построенная общая физическая и специальная подготовка в юные годы создает солидный «запас прочности», позволяет спортсменам выступать на нескольких Олимпийских играх.

История олимпийской легкой атлетики свидетельствует об удивительном спортивном долголетии лучших ее представителей. Мы можем наблюдать это не в одном, а во многих видах легкой атлетики. Мы рассказали уже об Ирене Шевиньской, успешно выступавшей на четырех Олимпиадах и в возрасте далеко за 30 показывавшей рекордные достижения. Читатели узнали и об американском метателе Альфреде Ортере, который вопреки всем прогнозам становился победителем в метании диска на четырех (!) Олимпийских играх. Кстати, недавно Ортер заявил о своем желании выступить на Московской олимпиаде и возобновил тренировки. Врачи, обследовавшие четырехкратного олимпийского чемпиона, нашли его здоровым в превосходном состоянии.

Эти примеры можно было бы умножить. Вспомним хотя бы о великолепной австралийской бегунье на короткие дистанции Бетти Катберт. В 1956 году вместе с американским спринтером Бобби Морроу она стала героиней Олимпийских игр в Мельбурне, победив в беге на 100 и 200 метров и в эстафете 4×100 метров. Через 8 лет в 1964 году на Олимпиаде в Токио мы снова увидели Катберт и снова в роли победительницы. Однако на новой для нее дистанции—400 метров.

Мы не беремся сейчас объяснять причину этого факта, но легкоатлетки Австралии и после Катберт продолжают удивлять мир своим спортивным долголетием. Трижды выступала на Олимпийских играх в беге на короткие дистанции Рилен Бойл: в 1968 году в Мехико она была второй на 200 метров, в 1972-м завоевала две серебряные

медали, а в 1976 году в Монреале в беге на 100 метров была четвертой. Такого длительного олимпийского успеха в спринте не имели даже участники Игр мужчины. Не менее поразителен успех австралийской барьеристки Памелы Райан-Килборн, трижды выступавшей на Олимпиадах и дважды завоевывавшей серебряные медали.

Умеют длительное время сохранять спортивную форму, а следовательно, молодость и здоровье участницы Олимпийских игр из Германской Демократической Республики.

Мы знаем примеры олимпийского долголетия не только в метаниях и спринтерском беге у женщин, а и в видах, требующих проявления выносливости. Еще в памяти современников выступления на нескольких Олимпиадах такого великолепного финского бегуна, как Пааво Нурми.

Среди ветеранов советского спорта, участников Олимпийских игр также есть несколько имен, которые связаны не с одной и даже не с двумя, а со многими Олимпиадами. И среди них по праву первым стоит имя Владимира Голубничего, участника 5 (!) Олимпийских игр.

Есть еще у нас скептики, склонные считать ходьбу второстепенным видом спорта. Вот и Олимпийский комитет хотел исключить ходьбу на 50 километров из программы XXII Олимпиады. Как же глубоко они ошибаются, эти скептики. Ходьбе свойственны те же особенности, что и бегу: высокая скорость передвижения, строгие требования к физической и специальной подготовке участников, жесткая бескомпромиссная борьба на дистанции.

А велика ли разница в скорости между ходьбой и, скажем, марафонским бегом? Совсем не велика. В течение часа квалифицированный скороход проходит около 15 километров, а частота его шагов достигает 200 в минуту! Так же как и в обычной, в спортивной ходьбе происходит чередование одноопорных и двухопорных фаз. Нет только присущей бегу фазы полета. И потом еще одна особенность. Скороход видит трибуны стадиона только в начале и конце соревнований. Ведь трассы ходьбы проходят по шоссе, улицам городов.

В программу Олимпийских игр включались самые разнообразные дистанции спортивной ходьбы. В 1908 году это были 3500 метров и 10 миль. С 1912 по 1952 год — 10 километров. С 1956 по 1972 год — 20 и 50 километров.

Советские скороходы успешно выступали на Олимпийских играх. Особенно представители Эстонии. Уже на

первых для советских спортсменов Играх в 1952 году Бруно Юнк завоевал бронзовую медаль. Через четыре года из Мельбурна наши скороходы привезли с собой на Родину золотую, две серебряные и одну бронзовую медали. Здесь чемпионом Олимпиады в ходьбе на 20 километров стал рабочий московского завода «Серп и молот» Леонид Спирин.

А затем наступила «эра Голубничего». Скромный паренек из украинского города Сумы увлекся спортивной ходьбой (оказывается, можно увлекаться и этим видом легкой атлетики) и в 1955 году установил свой первый мировой рекорд. На три года его вывела из строя тяжелая болезнь печени. Только строгий режим, железная воля позволили ему вернуться на беговую дорожку, где пришлось начинать все сначала.

Потом была Римская олимпиада 1960 года и жестокая полуторачасовая борьба не только с противниками, но и с изнурительной жарой, высокой влажностью.

На десятом километре Голубничий внезапно обнаружил, что он остался один. Странное чувство овладело им. Где же противники, где соревнования и Олимпийские игры? Ничего и никого, кроме гладкой асфальтированной дороги и столпившихся по обочинам любопытных — мужчин, женщин, загорелых до черноты мальчишек...

Может быть, нужно подождать кого-нибудь из соперников? К счастью, такое состояние продолжалось недолго: «Вперед! Только вперед!» И здесь, в Риме, Голубничий выиграл свою первую золотую олимпийскую медаль.

«...На следующий день я впервые ощутил, что такое слава,— вспоминает Голубничий.— Из разных городов страны на мое имя поступали телеграммы. Меня узнавали на улице. Сон покинул меня на несколько дней...»

В Токио целый ряд обстоятельств, и прежде всего восемь дней, проведенных непосредственно перед стартом в высокогорном японском курорте Никко, помешали Голубничему сохранить спортивную форму. В итоге только бронзовая медаль.

Зато на Олимпиаде в Мехико в труднейших условиях высокогорья, в отчаянной борьбе с мексиканцем Хосе Педрасом Голубничий завоевал вторую золотую медаль. Но был еще и Мюнхен, и серебряная медаль, завоеванная в возрасте 36 лет, и, наконец, Монреаль, где седьмое место Голубничего можно расценить только как большую победу, победу над собой, своим возрастом и, впрочем, над многими более молодыми соперниками.

НА ПУТИ К МОСКВЕ

На олимпийских играх нет командного зачета. Но с давних пор спортивная печать всего мира подводит итоги выступлениям национальных команд, как по всей олимпийской программе, так и в отдельных ее видах. Это позволяет оценить развитие спорта в тех или иных странах, сделать выводы о причинах, мешающих его развитию.

Какой же главный вывод можно сделать применительно к олимпийской легкой атлетике? Это вывод один, не вызывающий ни у кого сомнений. На передовые позиции в легкоатлетическом спорте (впрочем, так же, как и во многих других видах спорта) выходят спортсмены социалистических стран.

Как же произошло, что социалистические страны оставляют позади себя в легкоатлетическом спорте великие в прошлом спортивные державы? Как ГДР, насчитывающая немногим более 17 миллионов жителей, нанесла такой удар США—мировой легкоатлетической державе, за многие десятилетия потерпевшей лишь одно поражение на Олимпийских играх 1960 года—от команды СССР. Эти вопросы после двух последних Олимпиад не сходят со страниц зарубежной печати.

В первое время олимпийские неудачи США и других великих спортивных держав некоторые «знатоки» пытались представить случайными. Но какой уж тут случай, если через год после Монреаля на впервые проведенном в 1977 году Кубке мира итоги были такими же. Среди мужских команд победу одержали легкоатлеты ГДР, оставив позади себя американцев. У женщин первенствовала сборная Европы, составленная в основном из

спортсменок социалистических стран. Только четвертыми были спортсменки США.

Неудачи легкоатлетов США в Мюнхене и особенно в Монреале, где они остались позади спортсменов ГДР, вызвали бурную реакцию американской печати. Некоторые газеты пытались обвинить во всем судей, которые якобы «пристрастно отнеслись к спортсменам США». Писали о каком-то мифическом «европейском сговоре». Всевозможные истерические заявления по этому поводу можно было прочесть почти во всех газетах и даже в органе финансовых кругов США «Уолл-стрит джорнэл».

Лишь некоторые, как правило, спортивные органы печати США объективно оценивают происходящее. Известный американский журнал «Спорт иллюстриейтед» писал по этому поводу:

«Идеи физического воспитания претворены в Советском Союзе в жизнь, их воплощением является, в частности, широкая сеть спортивных сооружений. Что же способствует массовому развитию физической культуры? Причин много. Первая и самая важная — помощь правительства. Далее значительное количество свободного времени у граждан, прекрасные спортивные площадки и сооружения, которыми пользуются бесплатно...»

Нервозность спортивных деятелей США можно понять. В наше время олимпийский спорт стал одним из составных элементов социального прогресса общества, превратился в массовое зрелище, стал важной человеческой потребностью, не говоря уже о том, что он был и остается средством оздоровления человечества.

Как бы ни хотели это признавать зарубежные историки олимпийского движения, но спортивный прогресс в отдельных странах обусловлен социальными факторами. Он зависит от общественного устройства, уровня развития производительных сил, науки и техники. Именно могущество и гуманизм государственного строя Советского Союза и социалистических стран являются объективной основой для спортивного прогресса и успеха олимпийского движения. Здесь наиболее типичен пример Германской Демократической Республики. Образованный 22 апреля 1951 года национальный олимпийский комитет ГДР долгое время подвергался дискриминации. Лишь в 1955 году МОК решил допустить к Олимпийским играм спортсменов ГДР вместе со спортсменами ФРГ в составе объединенной германской команды (ОГК).

На Олимпийских играх 1956, 1960 и 1964 годов легкоат-

леты ГДР выступали в составе ОГК и постепенно завоевывали в ней все больше и больше мест. На Олимпиаде в Мельбурне Кристина Штубник в беге на 100 и 200 метров уступила только Бетти Кетберт. Клаус Рихценхайн завоевал серебро в беге на 1500 метров, а Гизела Келлер была второй на барьерной дистанции.

Через четыре года в Риме медали завоевали уже 7 атлетов ГДР. А в Токио барьеристка Карин Бальцер была награждена золотой медалью. Это было последнее выступление легкоатлетов ГДР в составе ОГК.

В Мехико приехала уже команда Германской Демократической Республики. Дальнейшее широко известно. 63 очка и третье место по легкой атлетике в 1968 году, 147,5 очка и второе место на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене. 187 очков и первое место в Монреале (второе место в общекомандном зачете по всем видам спорта вслед за СССР).

Не менее поразительны успехи Кубы. Буквально гигантскими шагами движется эта страна к олимпийским вершинам. Сперва сенсационные победы на боксерском ринге. Теперь на беговой дорожке стадиона. Если на первом месте по популярности на Кубе стоит бейсбол, то последующие места несомненно занимают бокс и легкая атлетика, в особенности бег. Легкоатлеты свободной Кубы побили все рекорды, когда-либо установленные на острове. Первым прославился в спринте экс-рекордсмен мира в беге на 100 метров Энрико Фигерола (10,0). В 1972 году рекордсменом мира в тройном прыжке был Педро Перес-Дуэньяс. Великолепно выступают в беге Э. Рамирес, П. Монтес, Х. Моралес, С. Леонард. Не менее сильны и кубинские девушки.

Но подлинную славу кубинской легкой атлетике принес великолепный бегун на 400 и 800 метров олимпийский чемпион на этих дистанциях Альберто Хуанторена.

Здравствуй, Москва!

19 июля 1980 года на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках мы будем присутствовать на торжественной церемонии открытия Олимпиады-80.

Олимпиада в Москве! Это признание спортивных успехов социалистических стран и прежде всего Советского Союза. Это признание заслуг советских спортивных организаций в развитии олимпийского движения.

Москва — это символ гуманизма, демократии, торжества олимпийских идей.

Об авторитете Олимпиады-80 говорят не только иностранные журналисты, но и известные легкоатлеты, собирающиеся выступить в Москве. Об этом заявил не только Альберто Хуанторена, но и такие олимпийские долгожители, как Альфред Ортер, Ирена Шевиньска.

Организационное и материально-техническое обеспечение XXII Олимпийских игр не вызывает никаких сомнений. Редкие голоса недоброжелателей тонут в общем хоре высказываний тех, кто убежден — Московская олимпиада будет проведена на самом высоком уровне! В самом деле, ни одна из стран не имеет такого богатого опыта проведения массовых спартакиад, фестивалей, легкоатлетических соревнований, как СССР.

Естественно, что и на Олимпиаде-80 легкая атлетика остается «королевой спорта». Начать с того, что легкоатлеты «откроют» Олимпийские игры еще до их официального открытия. Это им доверено доставить факел с олимпийским огнем в Москву, бегунам, которых всю дорогу будут сопровождать микроавтобусы с запасным огнем, также зажженным от лучей солнца в Греции.

Олимпиада открывается 19 июля, а соревнования по легкой атлетике начинаются через шесть дней на главной спортивной арене страны в Лужниках. Москва принимает 1500 легкоатлетов из 100 стран мира. Многие из них смогут познакомиться с условиями олимпийских соревнований еще в 1979 году, приняв участие в качестве гостей на VII Спартакиаде народов СССР. На Спартакиаду будут приглашены свыше 2 тысяч иностранных спортсменов.

По сравнению с Монреалем легкоатлетическая программа Олимпиады увеличивается с 37 до 38 видов, восстанавливается исключенная из программы предыдущих игр ходьба на 50 километров.

В заключение первого дня соревнований победители трижды поднимутся на пьедестал почета. В этот день будет разыграно три комплекта медалей. В остальные дни разыгрывается от 4 до 7 комплектов. Это позволит ограничить длительность вечерних соревнований тремя часами, сделать их более зрелищными, динамичными.

В большинстве видов бега зрители получают возможность наблюдать многоступенчатую борьбу. Вначале проводятся забеги, затем 1/4 и 1/2 финала и, наконец, финал. 29 июля станет днем отдыха, когда спортсменам можно

будет принять поздравления и подготовиться к дальнейшим выступлениям.

Многое пришлось предусмотреть организаторам олимпийских легкоатлетических соревнований. Прежде всего надо было продумать организацию тренировок, разминок. Ведь для 1500 участников потребуется 4 легкоатлетических арены с многочисленными местами для прыжков и метаний.

Большая ответственность лежит на судьях. Во многом от них зависит успех состязаний по легкой атлетике. В нашей стране немало квалифицированных судей, но и среди них проведен тщательный отбор. Этому помог всесоюзный конкурс «Олимпийский арбитр».

За 80-летний период проведения Олимпийских игр многое изменилось в материально техническом оснащении легкоатлетических соревнований. На стадионе в Лужниках будет использовано все, что может помочь судьям и участникам. Особое внимание будет обращено на точную фиксацию результатов в беге. Ведь, как известно, теперь фиксируются не только десятые, но и сотые доли секунды. Для того чтобы не допустить тут даже малейшей ошибки, все приборы для фиксации времени в Лужниках автоматизированы. Пистолет стартера соединен с измерительными приборами, которые включаются по выстрелу. Электронное устройство на финише не позволит судьям ошибиться ни на одну тысячную долю секунды. Установить порядок прихода бегунов к финишу помогает видеоманитофон. Результаты, показанные спортсменами, тут же появляются на демонстрационном табло.

Многочисленные усовершенствования введены также на секторах для прыжков и метаний. Вместо растянутой чуть ли не через все поле рулетки теперь пользуются дальномером, который с помощью инфракрасного луча с верхней точки стадиона измеряет бросок.

Остается один, но тем не менее, пожалуй, главный вопрос, который волнует всех почитателей «королевы спорта». Как выступят на Олимпиаде-80 легкоатлеты?

У нас есть все основания считать, что лучше, нежели на последних Играх в Монреале. Думать так есть все основания. Генеральной репетицией перед Олимпиадой стала VII Спартакиада народов СССР. Ее финалы, которые состоятся в 1979 году в Москве, несомненно принесут высокие результаты. Надо отметить, что после значительного перерыва советская легкоатлетическая команда сумела одержать победу на первенстве Европы 1978 года.

Но подготовка к Играм еще не закончена. Круг за кругом продолжают отмерять на стадионах страны наши олимпийцы—бегуны на средние и длинные дистанции. Десятки, сотни раз взлетают на высоту многоэтажного дома прыгуны с шестом. Богатыри-метатели еще и еще раз посылают в дальний полет тяжелый молот, стремительное копье.

Со спортсменами трудятся и тренеры. Они ведут своих учеников от одного намеченного рубежа к другому, с тем чтобы с честью преодолеть последний, главный олимпийский рубеж.

Многочисленные прогнозы составляют специалисты-статистики. Эти прогнозы говорят о том, что наши легкоатлеты должны выступить на Олимпиаде-80 успешно. Но гораздо больше прогнозов нас радуют те первые успехи, те победы, которые наша молодежь уже одерживает на нелегком олимпийском пути.

Нас радует мировой рекорд в прыжках в высоту — 2,34, установленный в 1978 году юным Владимиром Ященко. Мы восхищаемся рекордом мира литовской спортсменки Вильмы Бардаускене, прыгнувшей на первенстве континента на 7 метров 9 сантиметров.

И мы верим, что на XXII Олимпиаде советские легкоатлеты будут успешно защищать честь своей великой Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫШЕ И ДАЛЬШЕ	5
НА СТАРТЕ БОГАТЫРИ	47
РЫЦАРИ МНОГИХ КАЧЕСТВ	94
80 ОЛИМПИЙСКИХ ЛЕТ	121
НА ПУТИ К МОСКВЕ	138

Издание получило диплом
Оргкомитета «Олимпиада-80»

Владимир Васильевич Кузнецов
Владимир Павлович Теннов

ОЛИМПИЙСКИЕ КОЛЬЦА **«КОРОЛЕВЫ СПОРТА»** **(Прыжки и метания)**

Фотографии М. Н. Боташева и Р. И. Максимоза
Редактор Л. П. Орлова
Художественный редактор Е. Ф. Николаева
Технический редактор Т. С. Маринина
Корректор Л. М. Логанова

ИБ № 1682

Сдано в наб. 04.01.79 Подп. в печать 18.04.79.

A09964. Формат 84×108/32.

Бумага типографская № 1 Вкл.— тифдруч. Гарнитура Таймс. Печать высокая Вкл.— глубокая

Усл. п. л. 9,24 (в том числе 1,68 вкл.).

Уч.-изд. л. 10,75 (в том числе 2,50 вкл.). Тираж 50 000 экз. Заказ № 4904

Цена 1 р. 10 к. Изд. инд. ОИ-40

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Отпечатано с диапозитивов ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова на ордена Трудового Красного Знамени фабрике «Детская книга» № 1 Роставполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва, Суэвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

1 р. 10 к.

Советская Россия